РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двѣнадцатый. МАЙ. 1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Императрица Марія Александровна.** По поводу первой годовщины дня ея кончины: очеркъ жизнеописанія 1824—1881 гг. . . 101

II. **Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ.** Глава II: адресы, рескрипты и открытіе губернскихъ комитетовъ, 1857—1858 гг. 1

III. **Записки Сельскаго Священника.** Главы LXVI—LXVIII. [окончаніе]. 55

IV. **Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.** † 28-го января 1881 г. Воспоминаніе А. П. Милюкова [окончаніе]. 33

V. **Записки князя Николая Алексѣевича Орлова:** 1. Мысли о расколѣ. Поспащено и преставлено императору Александру Николаевичу, 1858 г.—и 2. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, 1861 г. 75

VI. **Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ:** 1. Наводненіе въ С.-Петербургѣ, 1824 г.—2. А. С. Пушкинъ въ Университетѣ 149

VII. **Исторія моей жизни и моихъ странствій.** Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Николая Шипова, 1802—1862 гг. . . 138

VIII. **Библіографическій листокъ.** Сост. профессоръ В. С. Иконниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ государыни цесаревны [въ Бозѣ почившей императрицы] **Маріи Александровны**, 1841 г. Геліографическій снимокъ, исполненъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ гравюры на сталп Вейса. — II. Записки **Семена Андреевича Порошина**, 1764—1766 гг. [стр. 149—212].

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1

1881.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая 1881 г.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Примечание редакции "Русской старины"

"1 декабря 1877 г. бывший крепостной крестьянин, ныне херсонский мещанин Н.Н. Шипов представил, через посредство А.Н. Труворова, в редакцию "Русской старины" автобиографию, в рукописи, под заглавием "История моей жизни и моих странствий", которая выше и напечатана. Рукопись Шилова, убористого писарского почерка состоит из 175 листов обыкновенной писчей бумаги и заключает в себе рассказ о жизни автобиографа со дня его рождения по 1862 год включительно. События своей жизни автор излагает в хронологическом порядке, год за годом, местами — день за днем, так что рассказ его представляется в виде хроники или дневника.

В конце 1863 года Шипов представил свою рукопись в Императорское русское географическое общество, которое присудило за нее автору серебряную медаль. Член-сотрудник этого общества А.Н. Труворов в отзыве своем об автобиографии Шилова, указав на главные ее достоинства, в заключение говорит, что "рукопись Шилова заслуживает внимания и сама по себе, как произведение крестьянина-самоучки, передающего всё виденное и испытанное им без малейших прикрас, со всеми достоинствами и недостатками, свойственными умному и наблюдательному простолюдину" (Отчет Императорского Русского географического общества за 1864 г. Прил. III. С. 101-103).

В громадной рукописи Шилова наряду с рассказами, не лишёнными интереса и значения для знакомства с тяжкими условиями быта русского крестьянства пережитого времени, содержится довольно много подробностей, не имеющих значения ни в историческом, ни в народно-бытовом отношении или по их общеизвестности, или по сомнительной достоверности, или же потому, что касаются фактов частной обыденной Жизни автора; при этом изложение событий страдает растянутостью, излишними подробностями, повторениями и т.п. Ввиду этого редакция "Русской старины" сочла необходимым значительно сократить рукопись Шилова каковой труд, с согласия автора, и поручен был Н.М. Востокову. В таком сокращенно-исправленном виде автобиография Шипова и напечатана.

Как видно выше, рассказ Шипова оканчивается 1862 годом. Из последующей за тем жизни его следует упомянуть о том, что он, будучи уже преклонных лет, совершил в 1866 году вторичное путешествие в Иерусалим; в 1868 году отправился в Ташкент, где прожил до 1876 года, когда возвратился к родным своим в

Нижегородскую губернию. Во время печатания автобиографии, в 1881 году, Николай Николаевич Шипов находился в С.Петербурге.

Ред."

- Н.Н.Шипов
- 1802-1813
- 1814-1819
- 1820-1823
- 1824-1827
- 1828-1831
- 1832-1835
- 1835-1836
- 1837-1841
- 1842-1844
- 1845
- 1846-1852
- 1853-1856
- 1856-1860
- 1861-1862
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Н.Н.Шипов
История моей жизни и моих странствий

Печатая на страницах "Русской старины" "Историю моей жизни", я надеюсь, что встречу искреннее сочувствие у всякого человека, кому только на пути его жизни досталось испытать какие-либо превратности и треволнения. В продолжение моей многострадальной и скитальческой жизни я претерпел много несчастий, но всегда переносил их благодушно и хладнокровно, - никогда не терял присутствия духа, даже в самых тяжких и горестных обстоятельствах. События моей жизни, от самого младенчества, я передаю в том самом виде, в каком сохранила их моя память. Отдавая на суд читателям повесть о моих похождениях, я всецело вверяюсь их благосклонной снисходительности.

Николай Шипов

1802-1813

Родился я в 1802 году в слободе Выездной, близ города Арзамаса[1], Нижегородской губернии. Отец мой был помещичий крестьянин; имел хорошее состояние; занимался торговлею скотом, для чего ежегодно ездил в Симбирскую и Оренбургскую губернии за баранами. Он был человек грамотный, начитанный; пользовался почетом и уважением.

На шестом году от рождения меня отдали в ученье грамоте местному священнику. Как могу теперь припомнить, бабушка повела меня в церковь; отслужили молебен пророку Науму. Так обыкновенно делалось в старину. Читать я выучился скоро, и в какой-нибудь год или два "мы прошли" уже Псалтирь; но письмо мне не давалось; как ни бились, я все-таки писал старинным почерком, сходственно с родительским.

Так прошло года четыре. Наступил достопамятный 1812 год. Тут пошли разные толки о войне, а в июле месяце распространилась молва, что французы идут в Москву. Хоть и при глупом, детском разумении, но я понимал, что нам грозит какая-то беда. В последних числах августа тронулась наша матушка-белокаменная; день и ночь не умолкала большая дорога: ехали жители из Москвы. В сентябре месяце дошла до нашей слободы весть, что Москва занята французами. Народ упал духом; торговля прекратилась, а в том числе и моего отца. Наступили большие холода. Приходило много войска; солдаты размещались по избам жителей, человек по 20 и более в каждой, отчего происходила теснота ужасная. Гнали пленных французов, которые были в старинных смешных костюмах: смесь русской одежды с французской, и притом в изорванном, очень неприглядном виде. Мы, дети, немало смеялись над таким потешным одеянием несчастных галлов. За пленными французами шли обозы раненых; везли полуживых, даже мертвых, которых хоронили человек по 50 вместе. Зима была ужасно холодная; морозы стояли жестокие. Я очень хорошо помню, что когда мы с товарищами делали снеговую гору, то трудно было поливать ее водой - тотчас замерзала; бывало, бросишь из ковша вверх воду - она падает в виде града. Поневоле приходилось сидеть в избе, а здесь были солдаты с пленными французами. Скажу о своем доме: он был в двух жильях с пристроенною сбоку маленькою горенкою. Весь дом занимали солдаты и два офицера; семейство же наше, состоящее из четырех душ - отца, матери, меня и 15-летней сестры моей, теснилось в горенке. О каких-либо удобствах, разумеется, тут не могло быть и речи; особенно

доставалось бедной моей сестре. Дело в том, что тогда существовал в крестьянском быту старинный обычай, сходный с татарским: девушка на возрасте, особенно невеста, не могла в родительском доме видеть лицом к лицу чужого мужчину, а была обязана, как скоро завидит гостя, идущего к ним во двор, или закрыться платком и выбежать в другую избу, или к соседу, или же, в случае невозможности бежать, скрыться под кровать, или даже запрятаться под перину. Моего отца посещали разные лица, и сестра каждый раз убегала к соседу, у которого не было постоя, потому что он был в ратниках, - простудилась, получила чахотку и скоро умерла. - Впрочем, и без того в слободе за это время смертность была большая; умирали от 5 до 10 человек в день. Да, тяжелое было тогда житье для нас, а в других местах и того хуже.

Но вот прошла жестокая зима; наступил май месяц 1813 года. В слободе стало тихо, - войска не было; только вновь сформированные ратники проходили. Отец мой начал производить прежнюю торговлю. Он отправился в степи Симбирской и Оренбургской губерний для покупки скота. Взял и меня с собою. Это была моя первая поездка в степи наших северо-восточных губерний. Потом он часто возил меня в Оренбургский край, приучая мало-помалу к производимому им промыслу. Считаю, по этому случаю, не лишним рассказать здесь мною слышанное, виденное и испытанное.

1814-1819

Поездки наши в уральские степи производились в разное время года, но обыкновенно мы отправлялись из дому в марте месяце или в первых числах апреля. Это для того, чтобы заблаговременно купить скот, а потом удобнее было гнать его летом. Почти от города Симбирска, по ту сторону Волги, начинались степи и тянулись до города Уральска и далее, а отсюда - к Каспийскому морю. Степи обширные, раздольные. По ним протекают небольшие речки, изобилующие всякого рода рыбой. Разной дичи пернатой водилось здесь весьма довольно, и мы с отцом никогда не пропускали случая поохотиться. К северу, по отраслям Уральских гор было множество диких уток; но охота на них трудна и небезопасна. - В степях, на значительном друг от друга расстоянии, находились небольшие селения уральских казаков; по реке Уралу, на так называемой "линии", построены были казачьи форпосты, вроде маленьких земляных крепостей, для защиты от набегов немирных киргизов. (Эти киргизы причиняли немало вреда: угоняли скот, иногда и людей, которых обыкновенно продавали в Хиву.) Казаки занимались преимущественно скотоводством и рыбною ловлею; сеяли дыни, арбузы и разные овощи, но в незначительном количестве. Они были грубы, однако довольно гостеприимны; русского православного крепко недолюбливали, с ними вместе из одной посуды не ели, а всегда давали особую; впрочем, вино и водку пили из одной рюмки. Казачки - добры, милостивы и богомольны. На огромном пространстве от Уральска до Юрьева Городка все жители от мала до велика говорили по-киргизски; это происходило от близкого соседства и частых сношений с киргизами.

Город Уральск стоит на реке Урале и притоке его Чагане. В то время он был необширен, с тремя храмами и одной старообрядческой часовней; населяли его преимущественно казаки, и находился он под управлением войскового атамана. Урал - река быстрая, многоводная и обильная рыбою, которой здесь, близ Уральска, бывало особенно много. Объяснить это можно таким образом: весной, во время разлива Урала, рыба, большими партиями, шла с низовьев реки, от Каспийского моря, вверх по течению. К этому времени, по издавна заведенному обычаю, казаки забивали близ города поперек реки большие бревна наподобие свай; эти бревна тесно приходились одно к другому и таким образом представляли род прочного забора (по местному названию "учуг"). При такой преграде рыба уж не могла

идти далее вверх по реке, разве разлив реки был необыкновенно велик. Прибавлю к сему, что когда происходила постройка описанного забора, то собирались все городские казаки, присутствовал сам атаман и войсковые чиновники. По окончании постройки бывала закуска, так что день этот почитался веселым, праздничным. - Рыба в Уральске была очень дешева, например, в 1817 году осетрина стоила 15 и 12 копеек асс. за фунт; свежая икра - 25 и 30 копеек.

Теперь скажу о покупке скота и о пригоне его к месту назначения - в слободу Выездную. Скот мы покупали обыкновенно у разных лиц: у казаков, у кочующих киргизов и у русских купцов, занимающихся, подобно нам, этим промыслом. В Оренбурге или чаще в Уральске покупали лошадей, повозки и провизию; нанимали человек 18 - 20 работников из крестьян Нижегородской или Симбирской губернии, приходящих сюда весною на заработки, - и отправлялись в степи. Скот покупался в различных местах, на дальнем между собою расстоянии, небольшими сравнительно партиями или гуртами, которые рабочими и сгонялись к определенному месту в степи.

Цены на скот существовали неодинаковые. Отец мне говорил, что в начале нынешнего столетия баран стоил 1 рубль 70 копеек асс, а вскоре после 1812 года платили уже по 3 рубля 50 копеек асс. за штуку, и даже по 5 рублей. Случалось и так, что в один год скот покупали дороже, а в другой дешевле. Это происходило от многих причин; бывало, как наедет в степи много русских купцов, - ну и набьются цены. Если стояла слишком суровая зима, то скот непременно дорожал, так как его много погибало от морозов. Но главное, при покупке скота обращалось внимание на то: так называемый зауральский это скот или букеевский; первый был мельче, особенно бараны, а последний крупнее и жирнее. Поэтому мы покупали в разные годы неодинаковое количество скота, - обыкновенно несколько тысяч голов, приблизительно пять, восемь, десять тысяч и более.

Купленные в разных местах гурты баранов сгонялись главным образом к Общему Сырту - на речки Чуган, Деркул и Ембулатовку; это с форпоста Сорочика[2]. Тут за прогон скота по степи никому ничего не платили. Зато нередко бывали случаи, когда казаки или башкиры нападали на приказчиков и рабочих при гуртах, били их нагайками и силою вымогали дань за то будто бы, что при прогоне скота испорчены луга, которых казаки никогда не косили. Если рабочие останавливали стада для пастьбы по хребтам гор, то казаки и башкиры на то не сетовали. Одному приказчику давалось обыкновенно два гурта, каждый по 900 баранов, и при них 6 человек рабочих: два передовых или

гуртоправов и четверо так называемых задних; был еще кашевар. Давалось им три повозки с тремя упряжными лошадьми для клади и провизии, да сверх того 4-я лошадь - верховая. Бывало, ранним утром, когда солнце только что обогреет степи, баранов поднимут и погонят со стану Гуртовой, идя впереди баранов, помаленьку начинает разгонять их, чтобы они шли реже, не скучиваясь; задние рабочие подгоняют отставших от гурта, но делают это осторожно, с известной сноровкой, чтобы не испугать весь гурт, который расходится иногда, особенно по хорошей траве, в ширину более полверсты. При этом гуртоправ старался приучить баранов идти рядами, стройно, в порядке. Опытные гуртоправы весьма скоро достигали того, что бараны слушали их, как солдаты своих командиров. В течение дня несколько раз давался скоту отдых. В это время гуртоправ быстро осматривал баранов, отыскивая, нет ли между ними больных; если таковой находился, его тотчас отделяли от гурта, чтобы другие не заразились, и лечили. Пастбища выбирались, понятно, с хорошей, сочной травой. Вообще, в продолжение всего пути приказчик, гуртоправ и рабочие заботились всеми мерами о хорошем продовольствии скота, чтобы бараны были жирные, шерсть на них чистая и мягкая. Вечером, с закатом солнца, гурты останавливались на ночлег; для этого место избиралось такое, чтобы и пастбище было тучное, и водопой обильный. В этих именно видах заблаговременно нанимались некоторые степи, с платою по уговору. Так шло дело до города Бугуруслана, куда приходили гурты никак не позднее второй половины июля месяца. Здесь стригли с баранов шерсть и отправляли ее в Выездную слободу. От Бугуруслана гурты прогонялись или на Симбирск, или к Бугульме и Казани. Здесь также случалось не без препятствий и задержек от чуваш и калмыков. Чуваши народ зловредный. Зная, что в известное время по их дачам и лесам прогоняются гурты баранов, они вырывают в лесу ямы и ставят в них петли; проходящий скот падает в эти ямы и таким образом делается добычею чуваш. Если же такая уловка им почему-либо не удавалась, то они прибегали к другому средству. Со мной был такой случай. Прогнали мы свои гурты близ одной чувашской деревни (Имуткиной), по проселочному пути, минуя чувашские степи верст 5. Желая попользоваться от нас за проход какой-нибудь добычей, чуваши, более ста человек, догнали нас и остановили, говоря, что скот наш потоптал их луга. Я понял, что при сопротивлении могут быть для нас худые последствия, и поэтому, приказав своим приказчикам гнать гурты далее - на дачу Обошную, сам поехал с чувашами в их деревню на отличной верховой лошади. Дорогою, как ни зорко наблюдали за мною

чуваши, как ни стерегли, но я перехитрил их и прискакал на моем резвом коне к своим гуртам, которые я догнал близ Шалашниковой степи, у мельницы, на речке Сохе. Отсюда шли мы на Сергеевское, Ормянку, Хилково, Тростянку, Хорошеньку, Килянку, на Новый Буян и Узуково. Далее пролегали, верст на 50, калмыцкие степи, которые примыкали к Волге, и я почел за нужное спросить позволения у калмыцкого начальника, проживающего в Ягодном улусе, пройти по этим степям. Послал к нему с этою целью одного из приказчиков; чрез несколько времени явился ко мне сам начальник, из калмыков, с двумя драбантами. Я его почтительно принял, достодолжно угостил и на дорогу снабдил бараниной; за это он позволил мне свободно прогонять гурты по степи и беспрепятственно пользоваться пастбищем. Придя к Волге, я договорил климовских крестьян перевезти на другой берег баранов, по 5 копеек за штуку. Переправа эта очень хлопотлива. Отсюда мы погнали гурты обыкновенным путем - на Боинск, Курмыш и домой, в слободу, куда скот обыкновенно приходил около 20 сентября или к половине октября месяца, и тут же, немедленно принимались его резать в особо устроенных при доме бойнях и салотопнях.

Кроме указанных мною неудобств, встречающихся при прогоне скота, приходилось еще ведаться с разбойниками, которые властвовали в тех местах поистине беспрепятственно. Например, по эту сторону Волги, близ села Собакина (Симбирской губернии), грабил и разбойничал отставной солдат Безрукий со своими удалыми товарищами. В 1816 году отец отправил домой нашего приказчика Баранина, верного и надежного человека, с двумя гуртами и семью рабочими. Гурты остановились на ночлег, в четырех верстах от Собакина, близ леса. Рано утром выезжает из лесу этот Безрукий со своими молодцами и требует от Баранина денег. Рабочие оробели, приказчик на коленях перед разбойником говорил, что у него нет денег более 10 рублей. Получив десятка два ударов нагайкой, Баранин отдал все имеющиеся при нем деньги и лучшую лошадь. Разбойники удалились в лес, а верный приказчик, приказав рабочим гнать гурты далее, сам тотчас же отправился верхом в село Собакино и заявил о случившемся с ним происшествии сельским властям. И что же услышал? "Эх, любезный, - сказали ему, - эти разбойники ограбили не тебя одного, а многих лиц, и не на столько. Мы тебе не можем оказать никакой помощи: ведь они теперь, может быть, гуляют уже по пензенской столбовой дороге. Ступай себе с Богом". Так Баранин и ушел. На той стороне Волги, по Общему Сырту, где пролегают дороги в Оренбург и Уральск, разбойничал борской казак Иван Григорьев Мельников с

товарищами. Этот разбойник был страшен для всех проезжающих; о нем и его подвигах ходили в народе разные рассказы, в которых быль перемешивалась с небылицею. Например, говорили, что он имел заговор от ружья, т.е. что его нельзя было ни убить, ни ранить пулей. В течение нескольких лет земская полиция не могла поймать его; а если это случалось и Мельникова сажали в острог, то он уходил отсюда, как бы ни была бдительна стража и крепки запоры. Мельников никого не убивал, разве только в каком-нибудь редком и исключительном случае; любил послушание и покорность; ослушников же его приказаний и требований строго наказывал нагайкой и брал больше дани. Однажды крестьяне нашей слободы в количестве более 20 человек на десяти повозках отправились в Оренбург за баранами. Подъезжая к Общему Сырту, они условились между собою, что в случае нападения разбойникам не поддаваться. Чрез несколько времени крестьяне заметили шибко едущих им навстречу вооруженных людей: то был атаман Мельников с своими товарищами. Поравнявшись с обозом, атаман закричал передовому крестьянину: "Остановись!"; но этот не послушался и продолжал ехать. Тогда атаман приказал одному из своих товарищей бить непослушного по спине нагайкой. Крестьяне перепугались, забыли о своем уговоре - не поддаваться разбойникам. После того Мельников приказал подать для себя кошму; когда разостлали ее, он сел. - Крестьяне же молча стали перед ним; их окружили разбойники. Атаман обратился к перепуганным крестьянам с такою речью: "Я знаю, вы едете в Оренбург за покупкой скота и у каждого из вас есть деньги; я мог бы вас совсем обобрать. Но так как вы оказали мне послушание, то я беру только по 5 рублей ассигнациями с повозки. Когда будете ехать обратно, я с вас не спрошу тогда ничего, разве дадите баранины на кашицу". Один из крестьян тотчас же вынул свой бумажник и отдал атаману деньги. - "Как тебя зовут?" - спросил Мельников. - "Иван Григорьев Минев", - отвечал тот. - "Ты, братец, мне тезка, - сказал разбойник. - Сними с себя крест и дай мне, а мой возьми себе, - и мы будем крестовые братья". Поменялись крестами. После этого Мельников, возвращая деньги Миневу, сказал: "Возьми, брат, свои деньги назад: мы с тобой породнились. А вы, ребята раскошеливайтесь". Получив со всех деньги, атаман потребовал вина и закуску - велел пить всем. Заплатив за угощение 2 рубля, Мельников уехал. Крестьяне были очень довольны, что так дешево отделались.

Минев рассказывал, что после того, прогоняя гурты из Оренбурга, он встречался с Мельниковым, который никогда денег с него не брал; вместе угощались и бражничали, а однажды

Мельников, пригласив Минева к себе в стан, подарил ему лошадь и 25 рублей медными деньгами.

Приобщу к сему, что Мельников был пойман исправником верст за 50 от города Самары, куда повезли его, заключенного по рукам и ногам в деревянные колодки. На шею также надели колодку, которая в дороге и задушила его. Так память о нем погибла с шумом!

Производя торговлю скотом, мой отец торговал также салом, мехами, кожами и вообще пушным товаром. Этот товар продавали мы в разных городах, но главным образом в Ростове на Макарьевской ярмарке и в Москве. Моя первая поездка по этим торговым делам была в апреле месяце 1816 года, когда отец отправил меня с одним из старых и опытных наших приказчиков. Перед отъездом отец и бабушка (в это время мать моя была уже умершею) приказали списать мне из Псалтири псалом: "Живый в помощи Вышнего", выучить его наизусть и каждый день читать. Мне внушили, что при чтении этого псалма можно миновать нападения разбойников и всякого лихого человека. Ехали мы на города Муром и Суздаль, где ходили чуть ли не по всем церквам и прикладывались к св. мощам. В Ростове, распродав весьма выгодно товар, мы пошли помолиться великому русскому чудотворцу - Димитрию Ростовскому и попросили отслужить святителю молебен. Потом всходили на колокольню и слушали звон по нотам. Скоро мы оставили Ростов и отправились в первопрестольный славный град Москву. Как я ни был мал и несведущ, но уже за три года перед сим довольно наслышался о матушке-белокаменной. Двенадцатый год крепко запечатлелся в моей памяти. По приезде в Москву я купил по совету приказчика новомодный картуз и красивый шелковый кушак. Пошли осматривать Москву и ее достопримечательности. Здесь все меня поражало и удивляло: длинные, извилистые улицы, наполненные идущим и едущим народом; большие высокие дома, из которых иные были обгорелые, неотстроенные - печальный след пребывания в Москве французов; множество церквей; златоглавый кремль с его соборами, дворцами и палатами; высочайшая ивановская колокольня, при которой лежал огромный колокол. В Вознесенском девичьем монастыре меня очень удивляли печи, в которых французы пекли для себя хлеб. Так как мы пробыли в Москве около трех недель, то я довольно хорошо познакомился с нею. Расхаживая по городу, я был очень доволен и думал: "Вот и я побывал в Москве; все видел и о всем расскажу, как приеду домой". Действительно, рассказам не было конца.

В мае месяце этого года мой отец неожиданно женился во

второй раз; взял нашу соседку, девушку лет 14, с которою до сего времени я занимался детскими играми. После свадьбы отец приказал мне, чтобы я не называл его молодой жены матерью. Так и было.

1820-1823

Через четыре года после женитьбы отца, когда мне минуло 18 лет, отец задумал и меня женить. Из арзамасских купцов каждый охотно отдал бы за меня свою дочь с большим приданым и деньгами; но помещик позволилнам жениться только на крепостных. У нас в слободе было три невесты, дочери зажиточных крестьян. По заведенному обычаю отец мой созвал на семейный совет близких родственников; призвали меня и спросили: "Которую невесту сватать?" Отвечал, что как ни одной из них не знаю, то и сказать ничего не могу. Решили сватать дочь довольно богатого крестьянина Ланина, 2 ноября, поутру, дядя мой, купец Феоктистов, отправлен был в дом Ланина для переговоров. Выслушав предложение Феоктистова, Ланин сказал, что он теперь не может дать никакого положительного ответа, потому что предварительно должен сходить в церковь и отслужить молебен, - потом созвать всех родственников на совет, и просил Феоктистова пожаловать через день, вечером. Дядя передал это нашему собранию; решили ждать. На совете у Ланина, как мне потом рассказали, происходило следующее: некоторые из родственников были против того, чтобы выдать за меня дочь Ланина; порочили мое поведение и указывали на то, что у меня молодая мачеха, с которою жене моей худо будет жить. Большая же часть Ланиной родни была того мнения, что дочь Ланина выдать за меня следует, потому что дом наш богатый, один из первых в слободе. 4 ноября родственники наши снова собрались у нас в доме и того же дядю Феоктистова вновь послали к Ланину. Здесь приняли дядю с уважением и посадили на почетное место. Священник прочитал молитву. Потом, как бы в виде задатка, вынесли дяде 5 платков и полотенце с богатым кружевом, да кроме того дали хороший платок для самого дяди, и начали угощать его как почетного гостя. Мой же отец и родственники ожидали его возвращения. Дядя пришел с платками и навеселе. Призвали меня, начали поздравлять и показывать платки, в числе которых был один и для меня, т.е. я должен был носить его в своей шляпе; потом приказали мне поклониться отцу и дяде в ноги; я это исполнил. Затем началось веселье и продолжалось до глубокой ночи.

На другой день, 5 ноября, мы ожидали к себе рубашечницу, т.е. женщину из дома отца невесты за моей рубашкой, по образцу которой у невесты должны были нашиваться для меня рубашки. Этою женщиною бывала обыкновенно одна из близких родственниц невесты; она почиталась гостьею почетною; ее

должны встретить ближайшие родные жениха и угостить как можно лучше. В 3 часа пополудни приехала рубашечница, которая оказалась женой брата моего будущего тестя, т.е. родная тетка невесты. Тотчас мои родные вышли к ней навстречу, привели в горницу и начали усердно угощать. Она пробыла у нас до 6 часов вечера. Условились, когда должно быть смотренью, запою, девичнику и свадьбе. Положили смотренью быть сегодня. После того эта новая сваха взяла мою рубашку и поехала в дом Ланина. Дорогою она непременно должна петь песни. Невеста встречает ее на дворе и приглашает войти в комнату.

По отъезде рубашечницы мы собрались к невесте на смотренье. Со мной поехали дядя Феоктистов, называющийся с этого времени дружкой, и его жена. Мы взяли с собой фунтов 20 гостинцев, каждый фунт в особом свертке; кроме того, отец дал мне два полуимпериала, завернутые в бумажку, 5 рублей серебром в свертке и 5 рублей по одному рублю - в бумажках. Эти деньги предназначались для того, что когда невеста станет меня дарить, то я должен полагать их на поднос и целовать невесту три раза. - Приехали мы во двор к Ланину. Навстречу к нам вышли: нареченный мой тесть, его жена, сын и близкие родственники. Сначала они целовались с моим дядею и теткою, а потом со мной. Поцеловавшись, все вошли в горницу, где уже находился священник. Меня посадили за стол, впереди; рядом со мною, по правую руку, сел священник и дядя, а по левую - тетка; далее поместились за столом родственники Ланина. На столе поставлен был сладкий пирог с разными украшениями. Несколько минут посидели молча; потом тетка моя начала: "Время нам посмотреть и пирожницу, которая для стола пирог готовила", т.е. невесту. При этих словах я будто оробел. Тотчас же родственница Ланина вывела из другой комнаты нареченную мою невесту. Она была в шелковом, вышитом золотом сарафане и в белой, как снег, рубашке; на шее было ниток 40 разной величины жемчуга, в ушах жемчужные серьги, на голове жемчужная повязка и в косе целый пучок алых лент. При входе женщины с невестой все встали. Они помолились Богу, приняли благословение от священника и поцеловались с моим дядею и теткой. После сего невеста взяла поднос, на котором лежал для меня подарок - жилет, подошла ко мне и в полпояса поклонилась. Я принял подарок, положил взамен его на поднос два полуимпериала и также поклонился в полпояса; затем три раза поцеловались и вновь поклонились друг другу. Тогда священник спросил меня и невесту: "Желаете ли сочетаться браком?" Мы отвечали, что желаем с охотою. Священник благословил нас и прочитал молитву. После этого меня посадили с невестою рядом и началось угощение всех

гостей, кроме нас; мы только сидели. Чай же подавали и нам. В особой комнате девушки - подружки невесты пели свадебные песни и с разными веселыми прибаутками выговаривали дружке, что он скуп для них на гостинцы. После чаю невеста начала дарить меня платками, а я дарил ей деньги, - и при этом каждый раз мы троекратно целовались. Так продолжалось несколько часов. Уже за полночь подали ужин, после которого гости поразъехались, а я остался с невестою и девушками; занимались разными играми, пели веселые песни. Я просидел до света.

7 ноября положено быть запою. К этому дню отец мой пригласил к себе близких сродников, несколько почетных гостей и священника с супругой. Всех съехалось человек 15. Напитки и закуски должны быть привезены от жениха. Отец на это не поскупился, дал мне 10 рублей, завернув каждый в бумажку, и один полуимпериал. Поехали мы вечером на семи санях, из коих одни были с разной провизией. У будущего тестя моего, Ланина, кроме родственников, знакомых и девушек, собралось множество народа из любопытства. Приехавши во двор, все вышли из саней. Впереди шел священник, за ним - отец мой с мачехой и я, потом родственники и почетные гости. Нас встретил тоже священник, за ним невестин отец с матерью и т.д. Все мы приехавшие целовались с хозяевами и их гостями; после сего нас пригласили в горницу и сажали за стол по известному порядку. Стол был накрыт человек на 40. На столе стояли четыре окорока и белый большой круглый сладкий пирог с разными украшениями и фигурами. В комнате стало тихо; за столом сидели безмолвно минут 5. После этого моя мачеха, обращаясь к Ланину и его жене, сказала: "А что, сватушка и свашенька, где у вас пирожница, которая готовила такой прекрасный пирог?" Ланин отвечал, что если угодно, то можно позвать ее сюда. В это время вышла из другой комнаты моя невеста, разряженная и богато украшенная; ее сопровождала ее родная тетка - прежняя рубашечница. Помолились они Богу, всем низко поклонились, подошли под благословение к священникам и начали целоваться, сперва с моим отцом, мачехой и далее, по порядку. Когда целованье кончилось, невесте дали в руки поднос, на котором лежал красивый шейной платок; она подошла ко мне и поклонилась в пояс. Я взял платок с таким же ей поклоном, положил на поднос полуимпериал и, поддерживая одной рукой подбородок невесты, поцеловал ее 3 раза из стороны в сторону, после чего опять поклонились друг другу. Потом невеста начала дарить всех моих сродников разными подарками, а ей отвечали в благодарность деньгами. После этого невесту посадили со мной рядом. Пришло время угощенья. По первой рюмке всем гостям поднес отец

невесты, а затем угощением распоряжались уже наши сродники. В это время мы с невестой очень часто целовались по требованию гостей: один говорил: "Не видал, как наши молодые целуются"; другой: "Вино очень горько, надо подсластить", третий еще что-нибудь придумывал. Так прошло не менее часа. Затем начали подавать чай; девушки запели веселые песни, и - пошел пир горой. Около полуночи начался ужин и продолжался часа четыре. В половине ужина меня с невестой вывели из-за стола к девушкам поиграть, попеть и повеселиться. В 6 часов утра веселье кончилось; гости разъехались по домам. С рассветом и я пошел домой; невеста и девушки провожали меня за ворота с песнями.

Начали приготовляться к свадьбе, которая должна была совершиться 10 ноября. За день до этого от невесты пришли к нам вечером девушки с брагой, которую станут поддавать в бане на каменку, когда они последний раз будут парить невесту с прощальными песнями. Потом приехали к нам из дома невесты коробейники и постельницы - четыре мужчины и две женщины с родственником моего будущего тестя. На трех парах лошадей они привезли имение и постель невесты. Сундуки поставили в особо приготовленную в сенях палатку, а постель внесли в спальную, где постельницы и принялись убирать ее. Этих лиц мы хорошо угостили. В этот же день отец мой разослал гонцов к своим родственникам, друзьям и приятелям с приглашением их пожаловать к свадебному столу, который приготовлялся на 80 человек. Отец мой почитался настоящим русским хлебосолом, а потому распорядился, чтобы всего было в изобилии. Накануне свадьбы около полуночи поехал я на кладбище проститься с усопшими сродниками и испросить у покойной родительницы благословения. Это я исполнил с пролитием слез на могиле. 10 числа, к вечеру, собрались к нам все наши родственники и знакомые; священник с диаконом и дьячками тоже пришел. В это время, по обычаю, двое наших холостых сродников посланы были к невесте с башмаками, чулками, мылом, духами, гребешком и проч. Посланных у невесты приняли, одарили платками и угостили. Между тем отец начал меня обувать и в правый сапог положил 3 рубля, для того что, когда моя молодая жена станет разувать меня, то возьмет эти деньги себе. Когда я был одет, отец взял образ Божией Матери, в серебряном окладе, благословил меня им и залился слезами; я тоже прослезился: недаром старики говорили, что свадьба есть последнее счастье человека. Потом благословили меня своими иконами отец крестный, мать крестная и посадили меня в переднем углу, к образам. Все, начиная с отца, со мною прощались, после чего, помолившись Богу, священник повел меня в церковь; за нами следовало

несколько человек, называющиеся провожатыми. В церкви народу было множество. Между тем сваха и дружка с хлебом-солью поехали за невестой. Здесь на столе находился также хлеб и соль. Сваха взяла эту соль и высыпала себе, а свою отдала; хлебами же поменялись. Потом невесту, покрытую платком, посадили за стол. После благословения невесты от родителей иконами все с невестою прощались и дарили ее по возможности деньгами. Затем священник вывел невесту из комнаты и поехали в церковь с свахой, дружкою и светчим, который нес образа невестины и восковые свечи. За ними ехали на нескольких повозках мужчины и женщины, называющиеся поезжанами. По окончании таинства брака мы, новобрачные, по обычаю несли образ Божией Матери из церкви в дом моего отца. На улице было совершенно темно; шел большой снег. Народ пророкал, что новобрачные будут счастливы. (Увы! пророчество это не вполне исполнилось.) В доме встретил нас отец с иконою и хлебом-солью; мы приложились к образу и поцеловались с отцом. После этого начался Божией Матери молебен. По окончании молебна сваха нас, молодых, привела в спальню, посадила рядом и дала нам просфору. Так как в настоящий день я и новобрачная постились, то после чаю нам дали немного закусить. Потом сваха убрала голову молодой так, как это бывает у замужних. После этого мы вышли к гостям, и вскоре начался стол или брачный пир. Кушаньев было перемен десять; все в чисто русском вкусе, без всяких супов и соусов. К концу стола подали сладкий пирог, который должны были подносить гостям мы, молодые. Перед этим надели на мою молодую жемчужный кокошник, и я с нею и свахою разносили пирог, а каждый из гостей поздравлял нас с законным браком. Стол окончился далеко за полночь. После того сваха с дружкою увели нас в спальню, убрали постель и заставили мою молодую жену меня разувать; уложили в постель и, пожелав нам доброй ночи, удалились. На другой день встал я рано; дверь оказалась запертою снаружи. Делать нечего, приходилось ждать. Наконец сваха отперла спальню и вместе с дружкою повели нас в баню; дверь за собою опять заперли. Из бани привела нас сваха в спальню, где уже приготовлен был стол. Чрез несколько времени пришла к нам от моего тестя женщина, называемая блинницею, принесла горячие блины и разное пирожное. Мы покушали. После блинницы явилась к нам родственница моей жены с подарками, которыми моя жена должна была дарить моего отца и мачеху. Отец и мачеха, получив эти подарки, отблагодарили ее деньгами. В этот день отец мой пригласил родных и знакомых к себе на вечер; а я с молодою, свахой и дружкою отправился в гости к тестю. Потом попеременно бывали то Ланины у нас, то мы у них.

И тем вся церемония нашей свадьбы кончилась.

Я упоминал, что мы были помещичьи крестьяне и платили барину оброк. Сам помещик по фамилии Салтыков в нашей слободе не жил; сам проживал он в Петербурге, а летом в подмосковном своем имении - Сергеевском; к нам приезжал редко. У нас в слободе был управляющий и бурмистр, которые творили расправу с крестьянами и заботились о взыскании с них помещику оброка. Мой отец, как человек богатый и уважаемый, неоднократно бывал бурмистром. Эта должность, завидная для других, ни мне, ни отцу моему не нравилась: во-первых, потому, что наши торговые дела требовали частых отлучек отца из дому, а тут надо было постоянно находиться в слободе; во-вторых, потому, что при взыскании оброка невольно приходилось входить в неприятные столкновения с крестьянами и наживать себе врагов. К тому же отец постоянно опасался, как бы не подпасть под гнев помещика и не подвергнуться какому наказанию. При нашем помещике, человеке довольно взбалмошном, это случалось нередко. Например, однажды в 1820 году, - не припомню, по какому случаю, - помещик прислал к моему отцу из Другой вотчины крестьянина с приказанием посадить его на цепь и кормить однажды в сутки по фунту черного хлеба, впредь до нового распоряжения; при этом было объявлено отцу, что если узник убежит или его будут лучше кормить, то с отца строго взыщется. Приковали мужичка цепью к стене в нашем старом доме и одного человека приставили его караулить; есть же из человеколюбия отец приказал давать узнику довольно. Прошло с полгода. Отец отлучился ненадолго из дому по торговым делам. В это время узник бежал. Донесли помещику, который немедленно и приказал взять с отца 7000 рублей штрафу. Чрез несколько времени бежавший крестьянин был пойман; но деньги остались, разумеется, у помещика.

А то, бывало, неожиданно шлет барин строгий приказ, чтобы отец явился к нему и представил оброк, примерно тысяч тридцать или сорок. С крестьян деньги еще не собраны; а не исполнить приказания помещика - опасно. В этих случаях отец поступал так: если у него были под руками свои деньги, то он прилагал недостающее количество; если же таких денег не было, то занимал у арзамасских купцов, уплачивая проценты собственными деньгами. Таким образом дело сходило с рук, хотя и не без ущерба для отцовского кармана. Но однажды именно в самый год моей свадьбы (1820) отец не мог представить помещику всего оброка, указывая в свое оправдание на то, что все торговцы и ремесленники понесли в этот год большие убытки и потому платить оброк затруднялись. Помещик и слышать этого не

хотел: грозил посадить отца в смирительный дом или сослать его в Сибирь на поселение. Однако дело кончилось тем, что помещик приказал сменить отца с должности бурмистра. Мы были весьма этому рады, тем более что количество оброка, зависевшее от произвола барина, год от году не только не уменьшалось, а напротив - увеличивалось.

Странные бывали у нашего помещика причины для того, чтобы увеличивать оброк. Однажды помещик и с супругою приехал в нашу слободу. По обыкновению, богатые крестьяне, одетые по-праздничному, явились к нему с поклоном и различными дарами; тут же были женщины и девицы, все разряженные и украшенные жемчугом. Барыня с любопытством все рассматривала и потом, обратясь к своему мужу, сказала: "У наших крестьян такие нарядные платья и украшения; должно быть, они очень богаты и им ничего не стоит платить нам оброк". Недолго думая, помещик тут же увеличил сумму оброка. Потом дошло до того, что на каждую ревизскую душу падало, вместе с мирскими расходами, свыше 100 рублей асс. оброка. Помещик назначал, сколько следовало оброчных денег со всей вотчины; нашей слободе приходилось платить 105 000 рублей асс. в год. У нас в слободе числилось до 1840 ревизских душ. Но не все одинаково были способны к платежу, например, крестьянин богатый, но ему приходилось платить за одну или две души; а другой бедный, и у него 5 или 6 ревизских душ; были престарелые и увечные, отданные в рекруты и беглые, которых налицо не состояло, но за которых следовало платить оброк. Помещик всего этого не хотел знать и требовал, чтобы назначенный им оброк был ему представлен сполна. Тогда делали раскладку оброка на богатых и зажиточных плательщиков. Таким образом выходило, что, например, мы с отцом платили помещику оброка свыше 5000 рублей асс. в год; а один крестьянин уплачивал до 10 000 рублей.

Казалось бы, при таких распорядках состоятельным крестьянам следовало бы откупиться от помещика на волю. Действительно, некоторые и попытались это сделать; но без всякого успеха. Один крестьянин нашей слободы, очень богатый, у которого было семь сыновей, предлагал помещику 160 000 рублей, чтобы он отпустил его с семейством на волю. Помещик не согласился. Когда через год у меня родилась дочь, то отец мой вздумал выкупить ее за 10 000 рублей. Помещик отказал. Какая же могла быть тому причина? Рассказывали так: один из крестьян нашего господина, подмосковной вотчины, некто Прохоров, имел в деревне небольшой дом и на незначительную сумму торговал в Москве красным товаром. Торговля его была незавидна. Он ходил

в овчинном тулупе и вообще казался человеком небогатым. В 1815 году Прохоров предложил своему господину отпустить его на волю за небольшую сумму, с тем, что эти деньги будут вносить за него будто бы московские купцы. Барин изъявил на то согласие. После того Прохоров купил в Москве большой каменный дом; отделал его богато и тут же построил обширную фабрику. Раз как-то этот Прохоров встретился в Москве с своим бывшим господином и пригласил его к себе в гости. Барин пришел и немало дивился, смотря на прекрасный дом и фабрику Прохорова; очень сожалел, что отпустил от себя такого человека, и дал себе слово впредь никого из своих крестьян не отпускать на свободу. Так и сделал.

В конце 1823 года отец мой вновь был назначен бурмистром; при этом помещик приказал брать с нашей слободы вместо 105 000 - 61 000 рублей асс. оброка. В то время я находился в Оренбургском крае и об этом ничего не знал. Когда я приехал и отец рассказал мне о случившемся, мы стали советоваться, каким бы образом уволиться отцу от ненавистной для нас должности бурмистра? В слободе временно находился тогда камердинер нашего господина, его любимец, который иногда устраивал крестьянские дела к обоюдному для нас и помещика удовольствию. Отец и обратился к этому камердинеру с просьбой - походатайствовать перед господином об увольнении его от бурмистерской должности, за что и дал ему 1000 рублей. Камердинер написал барину, от которого получен был следующий ответ: "Если Шипов станет даже помышлять об увольнении, то я сделаю с ним то, чего он никогда не ожидал: его самого сошлю в Сибирь на поселение, а сына его отдам в солдаты". Прискорбно было нам слышать это известие, и в порыве горести я сказал отцу, что лучше мне идти в солдаты: за Государем служба не пропадает. "Нет, - с грустью возразил мне отец, - такой разлуки с тобой я не перенесу. Будем жить вместе. Какое бы горе и страдание ни случилось с нами, будем терпеть и творить волю господскую. Хорошо бы было, - продолжал отец, - если бы новое положение господина насчет 61 000 оброку было навсегда; но я знаю хорошо нашего барина: он будет недоволен и скоро снова увеличит оброк. Боюсь, чтобы против моей совести я не сделался крестьянам ненавистен". Потом, после некоторого раздумья, отец сказал: "Да, я буду править дела крестьянские; а ты занимайся торговлею и распоряжайся, как знаешь. Ты теперь уже можешь". Скрепя сердце, я выслушал это решение отца и ничего не возражал, зная, что уж если что решил он, то так тому и быть.

1824-1827

С 1824 года я очень часто начал отлучаться из дому по торговым делам. Торговля была по-прежнему уральским скотом и пушным товаром. После 1822 года, когда в Оренбургском крае стояла жестокая зима, баранов там много поубавилось, и цены на них были не совсем подходящие. И вот я задумал отправиться для покупки скота к букеевским киргизам в барханы[3]. Хотя во время прежних моих поездок я неоднократно имел дело с киргизами и мог немного говорить по-киргизски, но счел за нужное нанять толмача. Таковой скоро нашелся, один из уральских казаков, и я подрядил его за 100 рублей асс. ехать со мной. Мы с этим толмачом и несколькими моими работниками отправились на повозках в киргизские аулы верст за 40 от линии, где киргизы кочевали в своих кошомных кибитках. Приехали в аул, к старшине, который назывался Бек-Мухамедом-Утемисом. Он нас принял. Я подарил ему чаю и сахару; Мухамед же дал нам особую палатку, угостил меня аряном (кислым молоком) и вареной ягнятиной. Арян мне не понравился, вероятно потому, что он содержится киргизами обыкновенно в сырых кожаных мешках. Скоро мы с Мухамедом сделались хорошими знакомыми. Он пригласил меня с толмачом в гости к своему двоюродному брату, Ковдобаю, который находился в другом ауле, верст за 5 от нашего. Я, разумеется, не отказал. Хозяин нас встретил радушно; мы посидели, покуда не было все прибрано в кибитке для приема гостей. Потом нас пригласили в кибитку. В ней были развешаны ковры: разноцветные сундуки стояли открытыми; на полу тоже разостланы ковры и положены подушки, на которые мы и сели. Хозяин спросил, что мы будем есть: старого барана или ягненка? Мы согласились на последнее. Жена хозяина была в шелковых штанах и рубахе; голова покрыта платком, на ногах надеты красные киргизские, с большими каблуками, сапоги: это для удобства при верховой езде. Она начала раскладывать из тезека[4] огонь посреди самой кибитки; потом поставила на четырех ножках таган, а на него большой котел с водою. Принесли кожаный мешок, из которого хозяйка вытаскивала говядину или кобылятину и клала в котел. Когда говядина сварилась, она вынимала ее из котла вилкой и накладывала в красную деревянную чашку; хозяин же мелко разрезывал ее ножом. После того хозяйка варила ягненка; хозяин и его разрезал на мелкие кусочки. С нами обедали 6 человек киргизов. Хозяин брал всеми пятью пальцами кусочки говядины и угощал ими прямо в рот; гости подползали к нему на коленях, причем старались, чтобы

кусок не выпал изо рта, так как в противном случае им было бы стыдно. Для меня хозяин положил говядины и ягнятины в чашку. Затем хозяйка изготовила еще два кушанья: жидкую молочную кашу с сорочинским просом и жаренную в масле сметану, что по-киргизски называется "ремчук". Обед продолжался довольно долго. Разговаривали о баранах, о лошадях. Хозяин предложил мне свои услуги: завтра он объедет свой род и объявит, чтобы киргизы приходили ко мне для продажи баранов; при этом будет стараться о выгодной для меня покупке, - только я должен ему что-нибудь подарить. Поблагодарив хозяина, я в свою очередь пригласил его к себе на чай. Он не отказался. Приехали в мою палатку; пили чай. У меня были мягкие булки и пшеничные сухари; я дал их моему новому знакомцу. Он положил их в свою кожаную сумку. Такие сумки киргизы всегда носят при себе на ремне, а русский гостинец раздают понемногу своим женам, детям и приятелям. Настал вечер, и мы отправились к старшине ужинать. На другой день я встал утром рано. Начали собираться киргизы: одни на лошадях, другие на верблюдах, а иные на быках. Богатые киргизы были в шелковых бухарских халатах, лисьих шубах, в синем или красном чекмене, в лисьих бархатных шапках. У некоторых лошади были в серебряных уборах. Через толмача я стал торговать у киргизов баранов; но они объявили дорогую цену и, не сторговавшись, разъехались по своим аулам. Вечером приехал ко мне мой новый знакомец из киргизов, Ковдобай, и, узнав, что мы не сторговались с его единоплеменниками, обещался завтра уговорить их быть уступчивее. Мы расстались. На следующий день киргизов собралось в мой табор множество; иные приезжали просто посмотреть на русских людей. Прибыл и Ковдобай. Он просил меня некоторых почетных киргизов напоить чаем и дать им сухарей. Это я исполнил. После того, при киргизах, Ковдобай спросил меня: "Почем даешь, купец, за дюнана, кунана, буйдака?" Дюнан - это самый старый баран, кунан - средний, а буйдак - молодой. Через толмача я ответил, что за первого - 9 рублей 25 копеек, за среднего - 8 рублей и за буйдака 6 рублей 25 копеек. Тогда мой знакомец закричал: "Я согла сен на эту цену и завтра же пригоню своих баранов; а другие как хотят". Это подействовало на киргизов, и они разъехались с обещанием пригнать баранов. В продолжение двух дней я купил около 3000 штук, расплатился серебряными деньгами; славно угостил старшину Бек-Мухамеда с Ковдобаем. простился с ними и отправился в Уральск. Здесь я купил еще до 7000 баранов, поручил их приказчикам и рабочим, а сам отправился домой, где мой отец встретил меня с моею новорожденною дочерью. Сердце

мое забилось радостно.

Впоследствии мне каждый год приходилось иметь дело с киргизами по покупке баранов на всем пространстве их кочевья до Нового Узеня и далее. Я даже завел особую торговлю с киргизами красным товаром, который покупал в Москве и в первых месяцах каждого года отправлял его с приказчиками к Уральску, а потом в барханы. По-киргизски я научился говорить недурно. Поэтому мне представлялось возможным довольно хорошо познакомиться с жизнью киргизов.

Киргизы - народ очень любопытный; обыкновенно расспрашивают: кто едет, куда и зачем? Разъезжая по барханам, мы обыкновенно останавливались ночевать близ аулов; это - для безопасности, потому что у киргизов существует обычай оберегать своих гостей. На степи рек почти совсем нет; во многих местах вырыты колодцы, к которым пригоняется скот для водопоя; ведра везде кожаные, а корыта сделаны из досок. У некоторых киргизов были большие стада баранов, лошадей, рогатого скота и верблюдов. Я знал одного киргиза Танинского рода: у него было более 7000 лошадей. Киргизы питаются главным образом овечьим и коровьим молоком; употребляют и верблюжье. Летом они приготовляют молоко для зимы: сушат его на солнце до того, что оно делается твердым, и хранят в кожаных мешках[5]. Такое молоко называется по-киргизски "крут"; его растворяют в воде и едят. Если в дороге киргизу путь лежит аулами, то он ничего не берет с собою съестного, потому что киргизы имеют обычай путешествующего родича накормить и напоить безмездно. - Киргизы никогда долго не остаются на одном месте; как только скот поест траву, они перекочевывают на другое место, отыскивая тучные и привольные пастбища. Зиму они проводят обыкновенно близ Каспийского моря, к западу, с мелким скотом; лошадей же пасут на степи, под надзором старого опытного киргиза. Случается, что во время бурана скот замерзнет, но это беда небольшая: киргизец, у которого это случилось, отправляется в отдаленные аулы, где бурана не было; здесь родичи дадут ему вдоволь скота, с тем, что если и у них случится такое же несчастие, то он должен помочь им. - Киргизские свадьбы совершаются таким образом: невест засватывают в малом возрасте, лет 10; при этом отец жениха дает родителям невесты "калым", т.е. будущее приданое скотом; количество калыма зависит от богатства или состояния дающего. Когда придет время отдавать невесту жениху, то приданое возвращается, и с приплодом; кроме того, отец невесты дает близким родственникам своего зятя разные подарки. В известное время женихи на хороших резвых лошадях и невесты на иноходцах

скачут по степи. Каждый из женихов старается догнать свою невесту и схватить ее за грудь. Впрочем, только та невеста позволяет жениху брать себя за грудь, которая жениха любит; в противном же случае бьет его плетью. - Когда для женщины-киргизки наступает время разрешиться от бремени, то все ее домашние принимаются отыскивать христианские волосы. На вопрос мой - для чего эти волосы? - мне отвечали, что их должно сжигать во время родов в кибитке роженицы, от чего облегчаются и ускоряются роды. Вскоре после родов муж режет баранов, созывает гостей и происходит пиршество.

1828-1831

В 1828 году, вскоре после Пасхи, я отправился, по обыкновению, в Уральский край, на реку Узень, где с моим приказчиком находились гурты баранов. Здесь я получил известие, что от жестокой зимы погибло до 1000 штук. Два табуна я отправил к Уральску, приказав купить там еще баранов; а сам вознамерился отправиться степями в Астрахань с красною юфтью, которой У меня было более 100 пудов. Хотя меня и отговаривали ехать степною дорогою, где кочуют киргизы, калмыки и трухменцы, но мне непременно хотелось узнать эту дорогу. Я взял две повозки, 7 лошадей и 5 верблюдов; при мне находились два приказчика, два работника и один киргизец - опытный по этой дороге вожак. 17 мая мы выехали. Дорога была жесткая. На третий день встретили ужасные пески, называемые рынами, где кочевали киргизы. Этими местами мы ехали несколько дней, совершая не более 15 верст в день. Жара была нестерпимая; лошади уморились и не могли поспевать за верблюдами. В седьмой день нашего путешествия мы получили известие, что невдалеке от нас стоит лагерем букеевский хан и покупает верблюдов по случаю войны с турками. Из любопытства я с вожаком отправился туда. Хан сидел в палатке с киргизскими старшинами и казачьим майором; конвой его составляли 60 донских казаков. Отдав хану надлежащее почтение, я объявил ему, кто я. Он несколько времени разговаривал со мною по-русски о нашей торговле и предложил мне купить у него баранов. Распростившись с ханом, приехали к своему каравану. На девятый день нашей езды песку стало меньше, дорога становилась легче и удобнее, но трава повсюду совершенно засохла, воды нигде не было. Ехали еще два дня, и вожак сказал нам, что скоро будет колодезь. Мы с усилием и нетерпением подвигались к этому колодцу; однако воды в нем не оказалось. С досады я начал выговаривать вожаку, что он повел нас такой скверной дорогой, где нет вовсе воды; вожак уверял, что в прошлом году здесь воды было достаточно, а ныне она от необыкновенной жары высохла. Нечего делать: двинулись далее. Мы и лошади выбивались из сил, да и верблюды изнурились. Наконец я послал вожака отыскивать воду, а сами медленно подвигались вперед. Скоро бывшие при нас собаки, должно быть, почуяли воду и побежали; мы за ними. Спустя немного времени мы действительно увидели воду. Но что это была за вода? - темно-белого цвета, густая, негодная к употреблению не только для людей, но и для животных. Я велел вскипятить эту воду к

чаю; но, устоявшись в чае, она превратилась в тесто и чай нельзя было пить. Тогда я приказал залить воды в котлы и насыпать туда соли; вода приняла обыкновенный цвет и хотя стала соленою, но годною для питья. Мы утолили жажду и отправились далее по назначенной вожатым дороге. Отъехавши верст 10, мы встретили нашего вожака, который объявил, что в недалеком расстоянии находится колодезь с хорошей водой. При нашей усталости и истощении лошадей, мы едва достигли до этого колодезя. Здесь мы отдохнули с истинным удовольствием, дав волю и скоту насытиться кормом и водою. Вода нам показалась особенно вкусною и прекрасною, хотя на самом деле она, быть может, вовсе не была такою. При дальнейшем отсюда путешествии в воде мы не нуждались; но у нас истощались съестные припасы. Дорога стала твердая, жесткая, и мы ехали скорее. Чрез несколько времени мы увидели калмыцкие аулы. Я послал вожака купить в этих аулах муки и крупы; сами же расположились на удобном месте отдыхать. Это был 14-й день нашего странствия. Солнце склонялось к западу; наступил и вечер, а вожак не возвращался. Я подумал, что одно из двух: или калмыки взяли его в плен, или же он изменил нам и решился предать нас в руки калмыков. Поэтому на ночь я приказал рабочим взять ружья и пистолеты и не спать. Около полуночи послышался топот лошадей и голос каких-то песен. То были калмыки, которые скоро прискакали к нашему табору. Я спросил по-киргизски: "Кто едет?" Один из них отвечал: "Калмык, толмач барма", то есть калмыки, есть ли переводчик? Я сказал, что нет, и просил их не подъезжать к нашему табору близко, так как в противном случае мы будем стрелять из ружей и пистолетов; если же что им нужно, то они могут переговорить с нами завтра днем, а не ночью, когда ездят одни разбойники. Моя ли угроза подействовала или что другое, только калмыки, поговорив о чем-то между собою, удалились, не причинив нам никакого вреда. Спустя немного времени возвратился вожак. Я ему рассказал о случившемся; он заметил, что, если бы мы пустили калмыков в табор, они непременно разграбили бы нас. В эту ночь спать мы не ложились. Вожатый уверял, что до Сентовской пристани осталось не боле 35 верст, что скоро калмыцкие аулы кончатся и начнутся кочевья трухменцев или волжских ногайцев. Это народ смирный и безопасный. Действительно, верст через 15 мы увидели ногайские аулы; они очень отличаются от киргизских. Почти при каждом из них стоят для перевозки небольших тяжестей арбы, или телеги на двух колесах. Убранство в кибитках мне не понравилось. У молодых женщин и девушек в ноздрях повешены серьги. Оставив караван с рабочими и вожаком, сам я отправился вперед; доехал до реки

Бузана. Отсюда оставалось до Астрахани 60 верст водяного пути. Плавание по реке Бузану и Волге на лодке было непродолжительно, и я прибыл благополучно в Астрахань. Через два дня пришли сюда с товаром и приказчики, которых я оставил в ногайских степях. Юфть я разменял на бухарские товары - бумажные и шелковые халаты и кумачи.

Из Астрахани я опять отправился в Уральск, но не степной дорогой, а Другой, гораздо лучшей и удобной. Отсюда поехал в Оренбург. Здесь, однако, не пришлось мне купить баранов по случаю дороговизны цен. Так как Наступило время Макарьевской ярмарки, то я через Казань отправился в Нижний Новгород. Прожив три дня и оставив в лавке с пушным товаром приказчика, сам поехал домой.

Здесь я услышал от отца, что к нему в помощники по управлению слободой назначен помещиком дворовый человек Тархов. Это известие было для меня крайне неприятно, потому что Тархов, по какой-то злобе к отцу, а также в видах, может быть, занять его место бурмистра, старался всеми мерами навредить отцу и всему нашему семейству. В настоящее время он распустил слух, что на моем отце состоит большой начет по управлению вотчиною и что поэтому наш скот и все товары будут арестованы. Слух совершенно ложный; но он дошел до купцов, с которыми мы имели торговые дела, как правдоподобный. На Макарьевской ярмарке, куда я вскоре приехал из дому. купцы мне в долг не доверяли, во внимание именно к этому нелепому слуху. Мне стоило больших хлопот и усилий, чтобы поддержать наш кредит. Хотя мне и удалось этого достигнуть, но мы в 1828 год понесли убытку около 18 000 рублей асс.

В следующем году Тархов продолжал свои коварные происки против моего отца; некоторых из крестьян он подговаривал подавать управляющему Рагузину на отца разные жалобы. Был у нас родной племянник отца и его крестный сын Раев, которого отец очень любил, чуть ли не больше меня. По наущению и подговорам Тархова этот Раев подал прошение Рагузину о том, будто бы мой отец не выдал ему всех денег, оставшихся после смерти его матери. Эта неприятность так подействовала на отца, что он сделался нездоров. - Торговля наша пошла плохо. Мы получили опять значительный убыток. Оброк с нас не умаляли. За право торговли платили по-прежнему 800 рублей асс. в год. Я видел, что если и впредь так пойдет дело, то мы совершенно разоримся. Надо было что-нибудь придумать к улучшению своего положения. Но что именно? Мы попробовали обратиться с просьбой к управляющему Рагузину, чтобы он исходатайствовал у помещика мне свободу за 50 000 рублей асс, с тем, что отец мой

останется крепостным. (Моей мачехи в это время уже не было в живых.) Но управляющий наотрез отказался даже докладывать об этом господину. Тогда я задумал бежать из дому и более не возвращаться к отцу. Хотелось попытать счастия на чужой стороне. Это было в конце 1830 года.

Не говоря ни отцу, ни жене о своем намерении, я собрался в дорогу. Взял с собою 13 000 рублей денег. Отцу сказал, что еду в Уральск купить сала и рыбы. Когда я расставался с отцом, сердце мое сильно тосковало; на глаза навертывались слезы, как я ни старался удержать их. Прощаясь, отец твердил мне: "Приезжай скорее". Жена проводила меня до Арзамаса. При прощании я взял у ней ее обручальное кольцо, а свое отдал ей. Мне было грустно. Я поехал в Уральск, а отсюда на Узень, чтобы устроить некоторое дело по торговле. 10 января 1831 года я прибыл в Самару. Здесь встретил одного из наших приказчиков, от которого узнал, что отец мой очень болен и его лечит доктор. Это известие меня поразило. Разные мысли кружились в моей голове. "Если я не приеду скоро домой, - думал я, - и обо мне не будет никакого слуху, отец непременно пошлет отыскивать меня в Уральск; здесь меня не найдут, отцу скажут, что я пропал без вести. Он - больной - не перенесет такого удара и умрет; тогда я должен считаться его убийцей". При этой мысли сердце мое обливалось кровью. Жаль было моего доброго отца, не говоря об оставленной жене и шестилетней дочери. Выехал я из Самары с помянутым приказчиком. В дороге я долго боролся с своими мыслями и заливался горькими слезами. Я снова спрашивал приказчика: "В каком положении остался отец?" Он твердил одно и то же, что отец очень слаб. На третьей станции находился поворот дороги: одна была на Сызрань, а другая в Симбирск. Тут я приказал ямщику остановиться. Сердце мое сильно билось; во мне не было решимости: ехать ли направо, по дороге в дом родительский, или налево - почти неизвестно куда? - Наконец, я сказал самому себе: "Твори Господи волю свою! Я не оставлю отца в его тяжкой болезни. Бог даст, он выздоровеет, и тогда свершу задуманное мною дело". Я велел ямщику ехать направо по симбирской дороге.

Дома я застал отца лежащим в постели. У него была водянка. Он сердечно обрадовался моему приезду. В первые дни после этого болезнь стала легче; отец начал поправляться. Но тут неожиданно приехал к нам управляющий Рагузин, по поводу новых жалоб на отца, которые были поданы некоторыми крестьянами по наущению Тархова. Это сильно подействовало на отца: с ним приключилась горячка, а через 9 дней моего незабвенного родителя не стало.

Я не буду описывать горести, обуявшей мое сердце. У меня была одна только мысль, что более нет моего дорогого отца - руководителя и советника в моей жизни. Теперь живи, как знаешь; поступай, как умеешь. В то же время я предчувствовал, что враги покойного отца, во главе с Тарховым, не оставят меня в покое и будут вредить мне. Предчувствие не обмануло меня.

Отдавая последний долг покойному, я устроил пышные и богатые похороны: пригласил архимандрита арзамасского Спасского монастыря, настоятеля Высокогорской пустыни Антония[6] и 16 священников с причтами. Народу собралось множество. Во время литургии и панихиды пели певчие; священники говорили проповеди и надгробные речи. На обеде, после погребения, присутствовало более 100 человек родственников и друзей покойного. На могиле был поставлен гранитный памятник, под балдахином с крестом, вызолоченным червонным золотом. Некоторым бедным должникам я простил их долги; роздал нищим и убогим более 100 рублей; выкупил на волю двух бедных девушек. Потом я отправился к управляющему Рагузину и донес, что за покойным отцом не осталось никакого начета по управлению им вотчиной в должности бурмистра. Вскоре Тархов назначен был преемником моего отца.

Еще за несколько дней до смерти родителя я, в видах предосторожности, отдал арзамасскому купцу Подсосову 15 000 рублей под векселя, а движимое имущество, наиболее пенное, отправил в 14 сундуках к своим родственникам - дяде Феоктистову и Потехину. Теперь я рассудил не торговать более скотом и салом. Поэтому 13 котлов из своей салотопни я продал помянутому купцу Подсосову на завод и велел своему приказчику туда их перевезти. Это было 1 марта. В тот же день я приехал к Подсосову. Через несколько времени пришел ко мне приказчик и рассказал, что когда он с рабочими повез котлы, то на дороге несколько человек крестьян, по распоряжению Тархова, их остановили и возвратили ко мне в дом. Я немало этому подивился. Вслед за тем пришел сельский староста, приятель мне и кум, Павельев, с требованием, чтобы я сейчас же явился в контору к Тархову. Контора помещалась у меня в доме, занимая одну из угловых комнат. Я приехал домой, но в контору не пошел, хотя присылали за мной неоднократно. К вечеру этого дня последовало такое распоряжение: приказчиков и рабочих согнали со двора моего вон; дверь у одного крыльца заперли замком, а к другому крыльцу приставили караул, так что я не мог выйти. На ночь около дома находились тоже караульщики. На другой день Тархов потребовал от меня паспорт; я отдал. Родственников и знакомых ко мне не допускали. Прошло недели две. О таком

несправедливом заключении меня я писал помещику и управляющему Рагузину; но никакого ответа или распоряжения от них не последовало. Наступил 40-й день после смерти отца; я хотел помолиться на его могиле. Но мне не позволили исполнить и это. В грусти и унынии проходили для меня дни и ночи.

Ровно через месяц, именно 29 марта, утром, я увидел в окно, что караула у моего дома нет. Это было для меня непонятно. Но скоро все объяснилось. В комнату вошел сельский староста Павельев, отдал мне паспорт и письмо от управляющего Рагузина на мое имя. Рагузин писал: "Слободское начальство заметило за вами какое-то сомнение, по которому сделали над вами арест. Я предписал Тархову снять оный и куда вам угодно отлучаться. Распоряжайтесь своею торговлею, как и прежде". Я сейчас же пошел осмотреть двор, кладовые, амбары; везде замки были сбиты и много товару расхищено. Написал об этом объявление и послал его в земский суд, а сам отправился в Петербург для личных объяснений с Рагузиным и помещиком.

По приезде в Петербург я остановился в господском собственном доме; здесь жил и Рагузин. Он принял меня ласково; сожалел о моем отце и о случившемся со мною происшествии; обещался взыскать с виновных причиненные мне убытки и восстановить мой кредит. Я плохо верил в обещания Рагузина; но приходилось ждать и надеяться. Притом же еще раз я решился попробовать откупиться у помещика на волю. Как-то за чаем я начал говорить об этом Рагузину, указывая на то, что если теперь господин не сделает меня свободным, то жить в Выездной мне будет невозможно. За свое освобождение я предложил 25 000 рублей асс. Рагузин с недовольным видом сказал мне, что надобно повременить докладывать об этом помещику; потом прибавил, что я по-прежнему прекрасно могу жить в нашей слободе и, может быть, буду на отцовском месте бурмистром. Я решительно возразил Рагузину, что от должности бурмистра навсегда отказываюсь: чрез то и отец мой умер, не получив от господина за свою службу никакой милости. Тем разговор наш и кончился. Идти к помещику для личного объяснения по моему делу я не посмел, так как это было совершенно против желаний Рагузина. В Петербурге я пробыл дней пять. Ходил в Казанский собор, Александро-Невской монастырь и в Петропавловский собор, где поклонился всем в Бозе почившим императорам и императрицам. Я уже собирался ехать обратно на родину, как прошел слух, что 15 мая должен быть на Царицыном лугу смотр войск, на котором будут присутствовать Государь Император, Наследник и только что приехавший из Тифлиса граф Паскевич-Эриванский. Я дождался 15 мая и утром отправился к павловским

казармам. Войска на плацу было множество, а народу смотреть собралось еще больше. Около полудня приехал Государь с Паскевичем верхами и начался смотр. Наследник в парадной гусарской форме командовал взводом. По окончании смотра народ побежал на плац, где находился Государь с Наследником и Паскевичем. Мне удалось попасть вперед толпы и довольно насмотреться как на Государя с Паскевичем, так и на Наследника. У Государя взор был строгий, повелительный. Мне показалось, что видевший раз эти взоры не мог забыть их во всю свою жизнь. На Наследника я долго и пристально смотрел и не мог вдоволь насмотреться. Как сейчас вижу: премилый - беленький, круглолицый, румяный, как наливное красное яблочко; улыбка добрая и невыразимо приятная, на лице выражалось что-то важное, царственное. Предчувствие у меня тогда было, что этот царь будет великий и покровитель всем угнетенным. - На другой день я отправился домой.

В это время мои торговые дела шли плохо; но прекратить торговлю мне было нельзя. Поэтому, приехав из Петербурга домой, я отправил оставшийся у меня пушной товар на Коренную ярмарку (Курской губ.) с приказчиком. Потом, чрез несколько дней и сам уехал туда же, как будто для продажи этого товара. На самом же деле цель моего отъезда была та, чтобы разыскать шурина моего Степана Ланина. Этот Ланин лет пять тому назад бежал из дому в Бессарабию; потом находился в Валахии, состоял во время похода русской армии маркитантом. Шурина мне надо было отыскать потому, что он своими указаниями и содействием мог помочь мне в осуществлении моего намерения - скрыться из дому, так как это дело ему было хорошо известно по опыту. Где находился мой шурин, я не знал; но мне был известен адрес одного купца в Одессе, через которого Ланин получал письма от родных и знакомых. Так как, по случаю холеры, торговля на Коренной ярмарке была очень плохая, то я с товаром и приказчиком поехал на Ильинскую ярмарку в Ромны (Полтавской губ.). Здесь продал товару тысяч на 8; оставшийся товар препроводил с приказчиком в Харьков на Успенскую ярмарку. Сам я отправился в Одессу, где чрез известного купца скоро отыскал моего шурина Ланина: он недавно прибыл сюда с вином из Константинополя и торговал в погребе на Рыбном базаре. Я объяснил шурину свои обстоятельства и просил его помочь мне бежать из дому. Он согласился с радостью. Тогда я дал ему 2000 рублей асс. на расходы; он обещался приписать меня с женою в Кишинев или где окажется более удобным, и паспорта лично мне доставить в Харьков на Крещенскую ярмарку следующего 1832 года. Разумеется, все это должно было оставаться в секрете.

Из Одессы я поехал в Харьков, а отсюда домой, куда и прибыл в первых числах сентября месяца. Свое продолжительное отсутствие я объяснял родным и знакомым тем, что по дороге из Ромен, в Полтаве, заболел холерою и долго лечился. - На другой день после моего приезда ко мне пришли за оброком на последнюю треть года и требовали 1150 рублей асс. Тогда я послал к управляющему Рагузину слезное письмо, в коем просил его сбавить с меня хотя сколько-нибудь оброка, по той именно причине, что в настоящий год я понес большие убытки и разорение. На это письмо мною получен был от Рагузина ответ, чтобы требуемый оброк я заплатил беспрекословно; а когда он сам приедет в слободу, то дело разберет и оброк сбавит. Нечего делать, отдал оброк. После этого, чего я мог ожидать от Рагузина по тем обещаниям, которые он дал мне в Петербурге относительно взыскания убытков с виновников моего ареста и разорения и относительно восстановления моего кредита? Разумеется, ничего. Мало того. Стороною до меня начали доходить слухи, будто бы все мое имение скоро будет арестовано, а меня самого если не отдадут в солдаты, то, наверное, сошлют в дальнюю вотчину. Быть может, эти слухи были преувеличены, не верны. Но ведь кто знает? Все может случиться с крепостным рабом. Так мне в то время думалось.

В декабре месяце я начал приготовляться к побегу и сделал последние распоряжения. Решено было ехать мне с женой; семилетнюю же дочь нашу оставить до поры до времени на попечении ее бабушки Ланиной. Наступил новый, 1832 год. Не радостно привелось мне встретить его...

1832-1835

1 января, ночью, выехал я с женою на почтовых в Харьков. Здесь встретился с шурином моим Ланиным, который привез мне и жене годовые паспорта под именем кишиневских жителей Григорья и Елизаветы Кисловых. Отсюда втроем отправились в Могилев, что на Днестре. Тут с шурином мы условились, что он немедленно поедет в Кишинев, выхлопочет там мне с женой заграничные паспорта и отправит их в местечко Бричани Бессарабской области, где мы должны уже быть и дожидаться. Сказано - сделано. Шурин уехал. На другой день я подрядил одного жида везти нас до местечка Бричани. Санная дорога уже рушилась, а на колесах ехать было еще нельзя; словом, стояла распутица - так что мы с трудом добрались до Бричани. В этом местечке не оказалось ни одного русского, все евреи. Нечего делать: наняли квартиру у еврея. Комната оказалась весьма неприглядною, с каким-то особенным тяжелым запахом. Жена моя не видала таких скверных покоев; ей и было противно. Прожили мы тут более недели. Скука была непереносная. Наступила Масленица. Жена каким-то манером ухитрялась печь блины - и это составляло для нас большое удовольствие. В субботу на Масленице получен был от шурина заграничный паспорт, и на другой день мы отправились на молдавскую границу. По переезде границы, ночевали у одного молдавана. Потом наняли у него две повозки, уложили на них свое имущество и двинулись в путь по неведомой для нас стране в главный город ее - Яссы. Ехали то горами, то долинами, останавливаясь в корчмах, где ничего нельзя было найти, кроме вина и водки. Молдаванского языка я не знал, да и в деньгах не понимал счету; денег тогда находилось при мне около 14 000 рублей. Впрочем, кое-как я изворачивался и понемногу привыкал Наконец мы прибыли в первый молдавский город - Баташаны; остановились на постоялом дворе в жидовской корчме. Из повозок мы перенесли свое имущество в большую комнату и сложили в углу. В этой комнате находилось множество жидов и молдаван полупьяных; тут же продавали водку и вино. Я оставил жену при имении, а сам пошел на базар. В некоторых лавках торговли чисто русские мужички, с бородами. Я обрадовался; вступил с ними в разговоры. Оказалось, что они закоренелые старообрядцы, давнишние молдавские подданные: отцы и деды их пришли сюда из России еще во времена Петра I. По их словам, в Молдавии много русских; живут своими селениями, занимаются хлебопашеством и садоводством, особенно же торговлею. Жить

им очень привольно, податей платят мало; в рекруты их не берут. Старообрядцы, в свою очередь, расспрашивали меня про Россию. Я им рассказывал, что для свободных у нас житье хорошее; но господским крестьянам жить очень худо: бедность, барщина да оброки совсем их измучили. Старообрядцы об этом не мало жалели.

В Баташанах мы пробыли менее суток. Отсюда я нанял большой фургон на четверке лошадей до Ясс, куда приехали 1 марта. Остановились на постоялом дворе, в отдельной от других комнате. Наш хозяин умел говорить несколько по-русски. Это мне пригодилось. Я послал о своем местопребывании письма в Москву, Кишинев - к шурину и в Арзамас к родственникам. Потом объявил свой паспорт русскому консулу.

Яссы - город обширный и многолюдный, улицы кривые, узкие и грязные. Окружен фруктовыми и виноградными садами. В городе много церквей; есть митрополия, в которой живет митрополит. В церкви Иоанна Предтечи почивают мощи св. Парасковии. Старообрядцев, вышедших из России, здесь было довольно. Жили и скопцы. Молдаване употребляли больше хлеб, под названием мамалыга[7]. Чай, сахар, хлеб, особенно фрукты и вино были дешевы. Например, фунт обыкновенного чаю стоил 50 копеек, а цветочный - рубль серебром. Достоинством этот чай хуже кяхтинского; жиды в большом количестве тайно провозили его в Россию.

Перед Пасхою я получил от одного арзамасского родственника письмо с известием, что гонитель мой - бурмистр Тархов - наконец понял, что я бежал, о чем и подано объявление; мой дом со всем находящимся в нем описали. Моему тестю и теще начали делать относительно меня строгие допросы, с разными угрозами, и при доме их поставили караул, чтобы я не увез как-нибудь своей дочери. Это известие сердечно нас опечалило. Наступила Пасха. В Светлое Воскресенье ходили к заутрене в русскую церковь, а к обедне - в митрополию, где Евангелие читали на 12 языках. Скучно и грустно проводили мы этот великий праздник. Молдаване находились более в корчмах, пили вино, плясали, а цыгане играли на каких-то инструментах: музыка выходила странная. При корчмах были качели, где жиды продавали разные фрукты. Но все это не веселило нас. К довершению горя, я получил из Арзамаса известие, что слободское начальство послало троих крестьян нас разыскивать. Тогда мы отправились в город Галац, стоящий на берегу реки Дуная, где находится пристань морских судов, приходящих из Греции и Турции. Здесь мы встретились с шурином Ланиным, который задумал ехать в Константинополь для покупки товаров.

Я хотел последовать его примеру, но моя жена боялась морского плавания, а оставить ее было не с кем. Поэтому мне не пришлось ехать. Тогда мы условились с шурином таким образом: я дал ему собственных денег 6000 рублей, под расписку (которую не нашли нужным засвидетельствовать у русского консула), и он купленный в Константинополе товар пришлет в Одессу; а я отправлюсь в Ромны на ярмарку, чтобы получить, по доверенности от шурина, с некоторых купцов деньги около 4000 рублей. При этом я надеялся разведать: действительно ли посланы из Выездной слободы за мной сыщики, и буде посланы, то кто именно? После этого мы возвратились с женой в Яссы. Здесь я оставил жену у одного знакомого скопца - Дубровина; купил 6 фунтов розового масла, по 100 рублей за фунт, надеясь выгодно продать его в России, и отправился через австрийскую границу в город Черновиц. Я думал провезти масло тайно, не платя никаких пошлин; но это мне не удалось, масло мое таможенные чиновники открыли, арестовали и вместе со мною препроводили в Черновиц. Я смекнул, что дело может быть худо, и потому, через переводчика Ламиковского, показал комиссару всю правду. Масло свесили, выдали мне в принятии его расписку и отпустили меня с миром. Так как Ламиковский уверил меня, что масло будет мне возвращено, только не скоро, то я выдал ему доверенность хлопотать по этому делу, а сам поехал через Каменец-Подольск в Ромны. Здесь денег, по доверенности шурина, получить мне не пришлось; но я узнал достоверно, что меня разыскивают. За поимку меня Тархов обещал 1000 рублей. Я стал осторожен; переменил свой костюм, бороду сбрил, волосы остриг по-немецки, выходил только по вечерам. Но все-таки долго оставаться здесь мне не безопасно; поэтому, сделав кое-какие распоряжения, я поспешил в Яссы.

Чрез несколько времени я получил из Константинополя от шурина письмо, в котором извещал, что он купил бакалейного товару на 7000 рублей и отправил его в Одессу на имя одного тамошнего купца. Почти в то же время дошло до меня известие от арзамасского родственника Потехина, что на остававшиеся у него мои деньги, около 5000 рублей, он купил 100 пудов юфти и препроводил ее в Одессу к известному мне купцу. Кроме того, Потехин уведомлял меня, что Тархов послал крестьянина нашей слободы Павельева меня разыскивать, уполномочив его особой доверенностью, в которой было сказано, что я ушел с большим имуществом и деньгами; но чьи эти деньги и имущество - помещичьи или мои собственные, - того в доверенности не значилось. Получивши такие известия, я начал думать о моей поездке в Одессу, так как присутствие мое там было необходимо.

Однако эту поездку пришлось мне на время отложить. - Был у меня знакомый, прежде меня бежавший из нашей слободы, крестьянин Кожевников; он также скрывался, как и я. Время от времени мы с ним виделись, вели между собою секретную переписку по моим делам; за услуги и хлопоты я платил Кожевникову хорошо. В то время он находился в Одессе. Вот от этого-то Кожевникова я и получил письмо, в котором он извещал, что крестьянин Павельев приехал в Одессу с целью непременно разыскать меня или его самого. Я немедленно известил Кожевникова, чтобы он приехал в заграничное местечко Скуляны для личного со мною объяснения. Тут мы условились, что Кожевников будет, в свою очередь, следить за Павельевым; потом наблюдать за моим товаром, присланным из Арзамаса, а также и относительно дел моего шурина, - и обо всем уведомлять меня без замедления. Я дал Кожевникову 25 червонцев, и он уехал в Одессу.

Скоро я начал получать от Кожевникова известия, одно за другим, но не радостные, а грустные и печальные. Так, я узнал, что приказчик, с которым прислана была моя юфть из Арзамаса, тайно продал ее и с деньгами скрылся неизвестно куда. - В одесском городском правлении было получено из русского консульства в Константинополе сведение, что шурин мой Ланин помер от свирепствовавшей там чумы; а так как в бумагах покойного не найдено никакого распоряжения об оставшемся после него имуществе, то положено его продать и деньги отдать в Приказ общественного призрения. Это известие меня очень опечалило, потому что главная моя надежда была на шурина. Я не знал, что делать. Думал немедленно отправиться в Константинополь сам; но многие причины тому воспрепятствовали: и дальность пути, и дороговизна, и тамошняя чума. К тому же жена моя ходила последнее время беременности. Словом, ехать в Царьград мне оказалось невозможно. Наскоро выхлопотал я на имя известного мне одесского купца доверенность, послал ее, вместе с распискою покойного шурина на 6000 рублей, в Одессу к этому купцу и просил его хлопотать о получении денег. Затем все дело это предоставил воле Божией.

Тяжело у меня было на душе... 19 января 1833 года у меня родился сын, которого назвали Николаем. Этому я очень обрадовался, но радость моя омрачилась печальными думами. Незадолго перед этим мой арзамасский родственник прислал мне письмо, в котором извещал, что по приказанию слободского начальства нашу дочь взяли от ее бабушки и отправили в ту вотчину, где проживал управляющий Рагузин. Какая цель имелась в виду при таком распоряжении - мне было неизвестно; но я живо

представлял невеселую жизнь дочери и ничего не мог сделать к облегчению ее участи. И новорожденного сына моего что ожидало в будущем? Правда, я надеялся устроить как-нибудь жизнь свою к лучшему; не век же я буду находиться в гонении и преследовании от моих недругов. Но когда настанет это дорогое времечко?..

На Масленице я получил из Одессы от Кожевникова известие, что сыщика моего Павельева там нет и, вероятно, он отправился в Кишинев. Полагая, как бы не пожаловал этот неприятный гость ко мне в Яссы, я переговорил об этом с своим хозяином Дубровиным, дал ему 2000 рублей денег и просил его, буде окажется нужным, оградить меня от поисков Павельева. Тот согласился. Прошло несколько дней. Однажды Дубровин прибежал ко мне в комнату встревоженный и сказал, что он видел Павельева с каким-то неизвестным ему мужчиною и консульским служителем; они идут, вероятно, сюда. Надо было куда-нибудь скрыться. Тотчас же снарядили жену с ребенком, посадили ее на дрожки и приказали ехать к одному нашему знакомому скопцу. Затем мы условились с Дубровиным, чтобы он говорил Павельеву, что я уехал в Константинополь, а имущество заложил у него за 4000 рублей. Я запер комнату, отдал ключ Дубровину, а сам спрятался в сарай на сено. Спустя немного пришел на двор Павельев с несколькими лицами. Дубровин к ним вышел навстречу. (Я наблюдал чрез небольшое отверстие в стене сарая.)

- Где Кислов[8] и его квартира? - спросил Павельев Дубровина.

- Он уехал в Царьград, - отвечал Дубровин, - а квартира его здесь Ключ от комнаты у меня. Имущество свое он оставил у меня в залог за 4000 рублей.

- Я сегодня сам видел Кислова, - говорил Павельев, - он должен быть здесь.

- Если ты видел его, - сказал Дубровин, - то почему же не взял его и не представил в консульство?

- А где жена Кислова?

- Я почем знаю. Спроси у мужа.

Тут кто-то сказал Павельеву, что жену мою отвезли к одному скопцу. Пошли искать жену, но ее, разумеется, не нашли. - Когда Павельев ушел, я вылез из сарая и на своей квартире не остался, а отправился к знакомому скопцу Александровскому. - Скоро многие из скопцов узнали об этой нашей истории, приняли в нас участие и всячески старались скрыть меня и жену с ребенком от Павельева. Так, у скопцов, у того или другого, мы и скрывались несколько времени. Но потом это оказалось неудобным по той причине, что у скопцов в домах детей нет; а у нас был ребенок. Тогда мы решились оставить Яссы. При помощи и содействии

знакомых скопцов мы скоро собрались в дорогу: они выхлопотали у прусского консула паспорт на имя прусского подданного Петра Иогана с женою Александрою и сыном Николаем, т.е. теперь я стал уже прусским подданным; купил для нас фургон и пару лошадей; снабдили провизией и дали рекомендательное письмо к игумену Пунгарацкого монастыря Константину; в провожатые нанят был молдаван, верхом. 2 марта мы распростились с гостеприимными скопцами и отправились в путь.

Ехали мы на город Тыргофармос; отсюда отъехали еще верст 50 и ночевали в молдаванской деревушке. Утром мы увидели Карпатские горы, вершины которых покрыты снегом, а ниже клубились облака. Вид был величественный и прекрасный; мы любовались довольно. Потом проехали через город Кятр, и за него верст 20; дорога пошла в гору; мы подвигались вперед медленно. Наконец увидели церковь и вокруг ее разбросанные молдаванские небольшие домики. Это - монастырь Пунгарацы.

Игумен монастыря, о. Константин, принял меня ласково. Я ему по-молдавански объяснил, что со мною жена и малое дитя, что мы приехали сюда говеть и что поэтому нам нужно где-нибудь поместиться. О. Константин приказал приготовить для нас особую келью, или комнату, и мы стали жить. - Через неделю я с женою начал говеть; исповедались и приобщились св. Таин. Странно: просфоры были из черной муки, должно быть потому, что белой муки здесь вовсе нет или трудно ее достать. Наступила Пасха. В первый день после обедни в 10 часов утра о. Константин прислал к нам монаха просить нас на обед. Мы пошли. Обед был скоромный, с мясом; приготовлен хорошо и со вкусом. В Молдавии не так, как у нас: монахи едят скоромное и мясо, разумеется, кроме постов. Праздник проводили довольно скучно. Впрочем, скуку разгоняли тем, что выходили из монастыря на прогулки по окрестностям. Тогда была там уже настоящая весна, с ясным солнышком, теплым, приятным воздухом; цветы расцвели, деревья покрылись зеленью. Вид окрестностей монастыря был прелестный; особенно мы любовались Карпатскими горами, которые на необъятных пространствах высились к небесам. В этих горах находится много камней, употребляемых на мельницах. Иногда прогуливались и вместе с о. Константином; он любил ходить на реку Быстрицу, которая протекает в трех верстах от монастыря; она впадает в Дунай. Вода в этой речке так быстра, что вполне оправдывает данное ей название. На берегу реки живет постоянно рыболов, который собственно для монастыря и ловит рыбу, называемую здесь ласташ. Эта рыба видом похожа на нашу лососину; но вкус имеет другой, особенный. Если ласташ попадался крупный, например,

более аршина, то о. Константин посылал его в Яссы митрополиту.

На Фоминой неделе встретилась надобность о. Константину съездить в Яссы. Я воспользовался этим случаем и известил скопца Дубровина с товарищами, чтобы сообщили мне о Павельеве и выхлопотали другой паспорт Для проезда в Россию через австрийские владения. Спустя несколько дней, о. Константин возвратился из Ясс; привез мне денег 330 червонцев (с небольшим 4000 рублей) и письма с паспортом на проезд Николаю Николаеву через австрийскую границу в пределы России. Деньги 4000 рублей были присланы на имя Дубровина одним моим приятелем из Москвы, для передачи мне; они получены от купца Подсосова, у которого я оставил перед бегством из дому 15 000 рублей. Дубровин писал, что Павельева в Яссах нет; ему кто-то сказал, будто я нахожусь в Бухаресте, и он уехал туда. Это известие для меня было как нельзя более кстати. Немедленно мы собрались в путь; 1 мая распростились с монастырем Пунгарацы и с его добрым игуменом о. Константином.

Переехав благополучно австрийскую границу, мы остановились в городе Сычаве и прожили здесь около месяца. Город небольшой, но красивый и приятный. В одной молдаванской церкви покоятся нетленные мощи Иоанна Сычавского. Недалеко от этого города находится известное у наших раскольников селение Белая Криница (по-молдавански Фонтынальба); тут живет старообрядческий митрополит, с разрешения австрийского правительства. Житье здесь раскольникам было привольное, льготное. - Из Сычавы мы поехали через город Серет в Черновиц. Этот последний город мне был известен по случаю моего пребывания в нем в прошлом году. Здесь я узнал от переводчика Ламиковского, что дело о моем арестованном розовом масле будто бы поступило в высшую инстанцию и скоро решится в мою пользу. Я был рад и этому.

Из Черновиц мы поехали Бессарабиею в Могилев-на-Днестре и через Балту в Одессу. Здесь я узнал, что оставшийся после шурина моего Ланина товар продан; деньги 7100 рублей асс. положены в Приказ, и получить их можно только по истечении годичного срока публикации о вызове кредиторов и наследников. Денег у меня оставалось мало, а получение их в скором времени не предвиделось. Тут я вспомнил, что бежавший из нашей Выездной слободы лет 30 тому назад крестьянин, дедушка жены моей, Марков, живет ныне в Симферополе. Недолго думая, мы отправились туда. Ехали через Николаев в Херсон. Этот последний город, по своему красивому виду и местоположению, мне очень понравился; впоследствии, много лет спустя, он

сделался как бы второю моею родиной. Из Херсона отправились в Бреславль, а отсюда в Перекоп и Симферополь. Здесь я скоро разыскал дедушку Маркова. Он был очень рад нашему приезду. Оказалось, что он знал историю моего бегства из дому: трое крестьян из нашей слободы разыскивали меня в Симферополе и расспрашивали обо мне самого дедушку; разумеется, он не мог сообщить относительно меня никаких сведений. Я занял у дедушки 500 рублей асс. и выдал ему открытое письмо - получить эти деньги от моего московского приятеля. В Симферополе мы прожили недели две и поехали опять в Херсон. Здесь мы расположились перезимовать, ввиду того, что этот город стоит как будто в стороне и Павельев, мой неутомимый преследователь, мог сюда не заглянуть; притом же я ожидал денег от московского приятеля и известий из Ясс от Дубровина. Наконец из Херсона мне удобно было следить за делом моего шурина, производящимся в Одессе. В Херсоне мы прожили спокойно и благополучно до весны следующего, 1834 года. Потом мы поехали в Бессарабию, к австрийской границе; но это путешествие оказалось совершенно бесполезным; только в одном селении мы чуть было не встретились с Павельевым, который проезжал из Черновца через Кишинев в Одессу. Из Бессарабии мы отправились в Лубны (Полтавской губернии) на ярмарку. Тут я решил ехать на Кавказ. Накупил некоторых товаров, особенно кожевенного, и препроводил это с приказчиком, при обозе донских казаков, в город Новочеркасск. Здесь купил я 1000 бутылок черкасского вина и со всем товаром отправились на волах далее, до Ставрополя. Ехали степями; дорога была трудная; подвигались по ней медленно. В Ставрополе я выправил у губернатора паспорт для проживания на Кавказе. Затем мы отправились через Георгиевск в Пятигорск, где я намеревался пожить подольше, заняться торговлею или вообще чем придется. Еще далеко не доезжая до Георгиевска, мы увидели гору Биштау, а за нею - хребет Кавказских гор наподобие облаков. Гора Биштау была видна нам на расстоянии с лишком 170 верст. Название ее - татарское и означает пять гор, т.е. 1) собственно Биштау, 2) Верблюд, 3) Лысая, 4) Змиева и 4) Машук, из которой вытекают минеральные горячие воды. В конце октября месяца мы прибыли в Пятигорск. Я явился с паспортом к коменданту и полицеймейстеру, которые приняли меня вежливо и обласкали. Потом я нанял на базаре лавку с квартирою, сроком на год. Перебрались мы в это помещение и, с разрешения коменданта, начали помаленьку торговать.

1835-1836

Прошел год. Во все это время ни слободское начальство, ни преследователь мой Павельев меня не тревожили, и я спокойно занимался торговлею: ездил в Моздок и Кизляр для покупки местного вина, под именем чихиря, и так называемой кизлярской водки[9], а также свежей рыбы шаман, которую солил и коптил по способу, употребляемому армянами; приготовлял "шишлык"[10]; прочий же товар для лавки выписывал большею частию из Москвы. Торговля моя шла довольно успешно, так что я заявил уже желание приписаться в пятигорские купцы и представил соответствующий капитал; но дело это почему-то затянулось в Ставрополе, в областном управлении.

Благодаря моей торговле я познакомился со многими лицами и в том числе с сотником донского полка Васильем Сухоруковым. Это был человек умный, ловкий, предприимчивый и пользовался большим уважением. Он снимал на Кавказе почтовые станции, брал казенные подряды и вообще пускался в разные коммерческие предприятия. Вот этот-то Сухоруков предложил мне быть у него как бы комиссионером с жалованьем по 1000 рублей асс. в год и, кроме того, 2000 рублей для торговли по моей лавке. Это предложение было как нельзя более мне по сердцу, и я согласился. - В это время объявлены были торги на казенные нефтяные колодцы, находящиеся в горах близ крепости Грозной. Сухоруков пожелал снять эти колодцы и поручил мне сначала съездить на торги в Ставрополь, а потом на самые колодцы и заняться нефтяным делом. Это было в начале 1836 года. Для своей лавки я нанял приказчика и его, вместе с моею женою, оставил торговать, а сам отправился исполнять приказания Сухорукова.

На торгах нефтяные колодцы остались за Сухоруковым, и я поехал в Грозную крепость; здесь принял от полковника колодцы, распорядился с рабочими по переливке нефти из колодцев в бочки и приказал отправить ее в склад на станцию Наур, куда чрез несколько времени прибыл и я, для следования с нефтью на ярмарки - в Моздок, Екатериноград и Егорьевск. На этих трех ярмарках мною продано было нефти довольно много и выгодно. После того я возвратился в Пятигорск с отчетом Сухорукову, который остался мною доволен и просил меня найти мастера для выгонки из черной нефти белой. Мастер скоро отыскался, и он принялся за дело при нефтяном складе в станице Наур.

Спустя немного времени, именно в мае месяце, Сухоруков послал меня в разные южные города России и на австрийскую

границу для узнания цен на белую нефть и для запродажи как ее, так и черной нефти. Ехал я на почтовых через знакомые мне города - Ставрополь, Ростов-на-Дону, Таганрог, Херсон и Одессу; отсюда - на Скуляны и Каменец-Подольск, а потом через Староконстантинов и Дубно в Радзивилов. Здесь я нашел одного еврея-фактора и послал его с пробной нефтью за австрийскую границу, в местечко Броды, разведать не требуется ли там нефть? Между тем я узнал, что верст за 30 отсюда находится Почаевский монастырь, с явленною иконою Божией Матери, известной под именем Почаевской. Недолго думая, поехал я в Почаев. Монастырь стоит на горе, окружен большим лесом. Явленная икона Божией Матери поставлена в алтаре, за престолом; посреди храма находится камень, на котором, по преданию, Пресвятая Богородица стояла своими св. стопами. Из камня вытекает каплями вода, которую собирают в особый большой сосуд; при молебнах с водосвятием вливают несколько капель этой воды и раздают богомольцам, чего удостоился и я.

Из монастыря я возвратился в Радзивилов и от еврея-фактора узнал, что в Бродах нефть никому не требуется. Тогда я отправился через Кременчуг в Киеев, а отсюда на Роменскую ярмарку и в Харьков; здесь продал нефти достаточное количество и прибыл в Ставрополь, где находился в это время Сухоруков. Я отдал ему отчет о моей поездке, после чего он отправил меня покупать житную муку по пятигорскому округу, для взятого им казенного подряда. Скоро я прибыл в Пятигорск и через три дня собрался ехать в Кисловодск. В это время пришел ко мне один из хороших моих знакомых, бывший полицейский письмоводитель в Пятигорске, Кастыченко. Узнав от него, что он едет в Кисловодск, я попросил его купить там ржаной муки, четвертей 200, так как самому мне для такой малости ехать туда не хотелось: я рассчитывал купить муку в Егорьевске и в селениях по реке Куме. Кастыченко согласился. Я дал ему 200 рублей на задаток и свою верховую лошадь черноморской породы. После этого мы расстались, и я отправился на Куму. Купив значительное количество муки в селениях, я прибыл в Егорьевск, где услыхал, что несколько дней тому назад (дело было в половине октября месяца) на Кисловодск напали ночью черкесы, казаков на посту порубили, разграбили и сожгли станицу; несколько человек взяли в плен. Этот слух сильно поразил меня и встревожил: что сталось с Кастыченком? Ведь так возможно было мне самому быть на его месте! - Я немедленно поехал в Пятигорск, а отсюда в Кисловодск; здесь узнал, что слух о побеге сюда черкесов был справедлив, Кастыченку с моею лошадью черкесы увели в плен. И то сказать: набеги разных горских хищников на мирных жителей

в тех местах и в те годы случались нередко.

В это время Сухорукое получил из Тифлиса, от почт-инспектора Клемента, письмо с известием - не желает ли он принять участия в торгах на снятие почтовых станций во всей Грузии. Сухоруков призвал меня и сказал, чтобы я ехал в Тифлис на торги, но не для того, чтобы действительно снять станции, а с тою целию: не удастся ли мне взять с почт-содержателей сколько-нибудь денег в его пользу? Эта задача была для меня трудная, да и дорога предстояла неизвестная для меня, а главное - опасная. Однако раздумывать мне было некогда: Сухоруков торопил меня отъездом. Я взял денег у Сухорукова, простился с женою и сыном и 17 октября отправился в путь по эстафету. На закате солнца я приехал в Екатериноград. Так как у меня было рекомендательное письмо от Сухорукова к тамошнему почтмейстеру, то он немедленно дал для меня верховую лошадь и вытребовал в провожатые мне десять казаков с урядником и столько же солдат с унтер-офицером, - это для безопасности от нападения ночных хищников. С таким конвоем я отправился. Переехали реку Малку через мост. Ночь была лунная, ясная; звезды сверкали, как бриллианты; тут и там возвышались серебристые исполинские горы, между которыми резко выделялись Казбек и величественный Эльбрус. В левой стороне шумел бурливый Терек. Мы ехали тихо, молча, прислушиваясь к каждому шороху или малейшему звуку. Я невольно предался своим думам, думам грустным. Что делается на моей дорогой родине, там, где протекает Волга многоводная, где раскинулись уральские степи привольные? И где я теперь влачу жизнь мою? В Кавказских горах, в опасности от хищников, ежеминутно ожидая смерти... О, свобода, свобода! Где те люди счастливые, под какою планетою родились, которые не видели и не видят никакого гонения, никакого стеснения? Живут они по своей вольной волюшке и ничего не боятся. А я?.. Мне постоянно, во сне и наяву, представляется, что меня преследуют - в темницу сажают, деньги мои отбирают, жену с сыном и дочерью со мною разлучают, в доме моем повелевают и все по-своему распоряжают; из отчизны милой в изгнание посылают и на прах родителей пролить слезы не допускают... Незабвенный родитель! Встань и посмотри на сына своего, тобою столь много любимого. Что с ним?.. Вот-вот набег хищников - и разрубят меня горцы своими острыми шашками; тогда окровавленный труп мой не будет лежать возле твоего милого праха и никто не придет оросить родными слезами мою одинокую дальнюю могилу. Разве только какой-нибудь проезжий путник, подобно мне, увидит мой бугорок могилки и скажет: "Вот здесь лежит, верно, какой-нибудь несчастный,

убитый хищниками". - Тяжело и грустно мне было; слезы невольно катшшсь из глаз... Тут унтер-офицер прервал мои размышления, начав рассказывать, что дня четы назад на этом самом месте, хищники убили одного ротного писаря и ямщика, ехавших из Ардона в Екатериноград. Я сказал унтер-офицеру: - Может быть, и нам будет такая же участь?

- Да, - отвечал он, - если набежит на нас большая шайка горцев.

Я струсил не на шутку. Однако чрез несколько времени мы прибыли благополучно в укрепление Ардон. Здесь мне тоже дали конвой из 12 казаков, и я поехал далее. На рассвете прибыли в укрепление Манарет. Тут я немного отдохнул, подкрепил себя в духане пищею и опять-таки с казаками отправился до следующей станицы. Так я доехал до Владикавказа. Отсюда опасности от горцев не предвиделось, и потому мне посоветовали взять с собою только одного казака. Отправились мы, переплыли шумный Терек на плавучем мосте и въехали в самые горы Кавказские. Дорога неприметно повышалась, то извиваясь узкой полосой по берегу Терека, то пролегая между страшных каменистых утесов, нависших над головою путешественника. С непривычки кажется, что эти утесы вот-вот сейчас обрушатся: страшно становится, сердце сильно бьется, и творишь молитву, желая одного - как бы поскорее миновать эту скалистую дорогу. Доехали до селения Казбек, расположенного близ горы этого названия, которая возвышалась над селением несколько верст; на вершинах горы висели огромные сугробы снегов, как бы готовых обрушиться и задавить это небольшое селение. Отсюда я поехал уже в повозке, на тройке лошадей. Тут дорога изменилась к лучшему, только немного. Со станции Пасанаур она стала заметно скатистою с гор на обширную равнину, до самого города Тифлиса. С левой стороны стояли высокие утесы, а с правой - страшные обрывы с долинами внизу, где заметны были селения, пасущийся скот и люди. Все это казалось столь малым, как маленькие детские игрушки. По местам дорога была так узка, что мы с трудом проезжали по ней; я обыкновенно вылезал из повозки, так как упасть ей в обрыв было очень легко. Но вот мы спустились на станцию Ананур, дорога стала не так крута, и мы поехали рысью до города Душет, а отсюда прямо в Тифлис.

Нимало не медля, я отправился к почт-инспектору Клементу и подал ему письмо от Сухорукова. Он принял меня радушно, видимо был рад, что Сухоруков послал меня для снятия почтовых станций в Грузии, и между прочим разговором серьезно спросил меня: действительно ли найдутся у Сухорукова лошади, если станции останутся за ним, и может ли он содержать их? Я, помня

приказ Сухорукова, отвечал на это утвердительно. Тогда Клемент обещался сделать для меня все от него зависевшее.

Между тем съехались в Тифлис почт-содержатели, повидались с Клементом и узнали от него, что я, как поверенный Сухорукова, приехал с непременным намерением снять все станции в Грузии. Они желали переговорить со мной и для свидания назначили дом одного почт-содержателя. Клемент, сообщив мне об этом, выразил мысль, что если бы почт-содержатели предложили мне порядочную сумму денег, то можно бы торги оставить и без хлопот возвратиться к Сухорукову. Я это замотал себе на ус и в назначенный день, вечером, отправился на свидание с почт-содержателями. Меня попросили в большую залу, где были армяне, грузины, татары - человек 30. Я рас кланялся, и мне предложили сесть на диван. Тут находились какие-то князья, другие - с золотыми и серебряными медалями, словом, все лица важные, представительные. Некоторые из них знали Сухорукова лично, спрашивали об его здоровье, делах и потом повели разговор насчет предстоящих торгов. Я им решительно заявил, что приехал снять станции, так как у Сухорукова лошадей много и он ни в чем не нуждается. Подали чай, затем ром. Я сказал, что крепких напитков не пью. Все очень этому удивились и высказали: не может быть, чтобы русский ничего не пил. Потом разными намеками стали говорить мне, чтобы я не вмешивался в торги, за что предлагали денежную благодарность. На это я сказал: если вы хотите, чтобы я не мешал вам на торгах, то дайте мне 10 000 рублей серебром. Они положительного ничего не говорили и стали угощать меня разными европейскими винами, закусками и наконец шампанским. Увидев, что я упорно отказываюсь от их угощения, перепились сами и с тем все разъехались.

На другой день явился я к Клементу и рассказывал, что было на свидании с почт-содержателями. Он похвалил меня и сказал:

- Теперь я буду делать все в пользу Сухорукова и на то употреблю все свои силы. Если скоро он не вышлет тебе денег, то я могу дать тебе своих тысяч до десяти; на них ты пока будешь покупать здесь ячмень, сено и саман (ячменную солому). Только вот что: скажи мне откровенно - сдержит ли Сухорукое станции? Ведь к 1 января (1837 г.) надобно выставить на все станции 360 троек лошадей и 360 русских ямщиков. Если он этого не сделает, что я тогда скажу барону Розену?[11]

Я, видя такие добросердечные чувствования и расположение Клемента к Сухорукову, затруднялся в своих мыслях. Знаю, что Сухоруков послал меня только с обманом; но придется ли мне взять что-нибудь с почт-содержателей - неизвестно. А завтра

торги; время коротко. Я сказал Клементу:

- Василий Михайлович! Я вижу ваши добрые намерения. Но если я вам скажу всю правду и Сухоруков о том узнает, ведь мне будет беда.

- Не беспокойся, - живо возразил мне Клемент, - я буду защищать тебя от нападок Сухорукова.

Тогда я признался Клементу, что у Сухорукова нет ни денег, ни лошадей и что он вовсе не намерен снимать станции. Клемент остался этим очень доволен, велел мне явиться на торги только для проформы и обещался взять что-нибудь с почт-содержателей в мою пользу.

На другой день состоялись торги, но барон Розен их не утвердил и отдал все почтовые станции в Грузии своему любимцу, грузинскому купцу Зубалову, впрочем, с большою уступкою в пользу казны.

В Тифлисе я прожил до половины ноября месяца. Денег у меня оставалось мало, а Сухоруков не присылает. Тогда Клемент дал мне денег на путевые издержки, и скоро я оставил Тифлис. В дороге пришлось пробыть довольно долго, потому что близ Екатериноградa я просидел 14 дней в карантине. По прибытии в Пятигорск явился к Сухорукову и отдал справедливый отчет о своей поездке. Сухоруков на этот раз худого мне ничего не сказал; но скоро обнаружились его худые против меня замыслы.

1837-1841

В январе месяце стали доходить до меня слухи, что Сухоруков вел переписку с своими тифлисскими приятелями относительно того: не взял ли я сколько-нибудь денег с почт-содержателей, будучи на торгах в Тифлисе? Пока слухи эти ничем не подтверждались. Но вот в половине апреля Сухоруков призвал меня к себе на квартиру и сказал, что я получил от почт-содержателей 4000 рублей асс. При этом он подал мне письмо, полученное им от отставного полковника Городинского. Разумеется, я утверждал, что Городинский написал обо мне неправду. Тогда Сухоруков предложил мне сделать сейчас же следующее: написать жене моей письмо, что будто бы я уехал по делу Сухорукова в Егорьевск и чтобы она прислала мне деньги с подателем письма - нашим общим знакомым, прапорщиком Гловацким. Ничего не подозревая, я исполнил это требование Сухорукова, и Гловацкий отправился с письмом к жене. Чрез несколько времени он возвратился и в другой комнате о чем-то переговорил с Сухоруковым. После этого Сухоруков вышел ко мне и сказал:

- Ну, Николай Николаевич, верно правда, что Городинский наврал про вас, потому что у вашей жены не оказалось никаких денег. - Я это и без того знал.

Мы с Сухоруковым расстались друзьями. - Когда я пришел домой, то жена моя немало дивилась происшедшему и рассказала, что так как у нее денег не было, то она пошла к одному знакомому занять денег, а Гловацкого просила подождать ее; но знакомого не застала дома и вернулась ни с чем. После того Гловацкий ушел. Я посмотрел в столовый ящик, где обыкновенно хранились у меня разные бумаги и документы: многих из этих бумаг, особенно касающихся Сухорукова, не оказалось; пропал также и лежавший тут же бриллиантовый перстень. Тогда я понял проделку со мною Сухорукова и Гловацкого. На другой день мною подана была об этом жалоба коменданту Симборскому, с целию оградить себя от происков и притеснений Сухорукова. Но после я каялся, что подал эту жалобу. Дело в том, что Сухоруков, узнав о моей жалобе, сильно на меня разгневался и решился во что бы то ни стало сделать мне зло. Начальник Кисловодской линии, барон Ган, храбрый воин и человек во всех отношениях почтенный, был коротко знаком с Сухоруковым. Последний упросил Гана послать тому же коменданту Симборскому такую бумагу, что будто бы пойманы двое хищников, при коих найдено 10 фунтов пороху, и они

показали, что порох этот куплен ими у меня в лавке, где его имеется достаточное количество, и что поэтому следует сделать у меня в квартире и в лавке надлежащий обыск, а затем - отдать меня под суд. В один несчастный день неожиданно явились ко мне комендант, полицеймейстер и стряпчий с понятыми для обыска. Однако пороху не нашли. Спросили хозяина моей квартиры и соседей о продаже мною пороху, но те сказали, что ничего подобного не видели и не слыхали. Тем дело и кончилось. Тогда Сухоруков воспользовался таким случаем. Мои родственники и знакомые адресовали свои письма на имя Сухорукова, с передачею мне. Сухоруков стал предварительно прочитывать присылаемые мне письма. Однажды он получил из Одессы письмо от Кожевникова, который писал мне, что преследователь его и мой - крестьянин Павельев - находится в Одессе и что ему, Кожевникову, верно, не укрыться от него и быть в остроге; поэтому Кожевников просил меня, чтобы я выслал ему денег, за что он не скажет Павельеву о моем местопребывании. Сухоруков представил это письмо полицеймейстеру, и меня посадили под арест при полиции. Прошло недели три, и я упросил письмоводителя, чтобы мне дозволено было хоть изредка навещать свое семейство. Тут я узнал, что Сухоруков подал на меня в полицию заявление, будто я должен ему 500 рублей асс. и просил описать мое имущество. Это было исполнено, лавка запечатана; должники по лавке отказались платить мне. Наконец Сухоруков добился того, что меня с женою и сыном отправили по этапу из Пятигорска в Ставрополь. Здесь препроводили меня из полиции в острог, а жену - в женскую тюрьму. Это было 1 августа.

Меня поместили в казарме, на дверях которой висела доска с надписью: "За бродяжничество". Началась для меня невыразимо горькая жизнь, столь горькая, что и теперь, при воспоминании о ней, из моих глаз катятся невольные слезы... Но буду продолжать рассказ.

Прошел месяц. Жену мою выпустили из тюрьмы на поручительство. Изредка она с сыном навещала меня; но мне от этого было не легче. Она поступила работницей к одному купцу, да притом же ходила последние дни беременности. Я ничего не мог сделать к облегчению ее горькой участи. Впрочем, 4-летнего сына нашего взял к себе в острог.

В октябре месяце прошел слух, проникший и в нашу камеру, что проездом из Грузии скоро будет в Ставрополе Император Николай Павлович и посетит острог. Все арестанты пришли в движение, и хотя нам было объявлено, чтобы мы не смели беспокоить государя ни письменными, ни словесными просьбами, однако многие запаслись прошениями, надеясь подать их лично

Государю. Я также решился сказать незабвенному монарху о злоупотреблениях на Кавказской линии, в той уверенности, что он окажет мне какую-либо милость. В день приезда Государя, с раннего утра все начальство острога было на ногах. Везде чистили, выметали сор, полы усыпали песком. Арестантам выдали по новому полушубку; наварили говядины и каши, словом, для нас наступил настоящий праздник. В 12 часов приехал Государь. Я встал у самой двери нашей казармы. Лишь только отворилась эта дверь и я увидел Государя, как тотчас же пал на колена и произнес: "Ваше императорское величество!" Но в ту же минуту дверь затворилась; Государь не вошел в нашу казарму. Так я и остался влачить жизнь свою по-прежнему.

В соседней с нашей казарме посажены были раскольники, человек 35. С некоторыми из них я познакомился, и они рассказали мне про себя следующую историю. Все они государственные крестьяне селения Михайловки, отстоящей 15 верст от Ставрополя. Они были люди зажиточные, трудолюбивые. Несколько лет тому назад им пришло на ум разведать: какая на Руси вера правая, истинная? С этой целию они отправили в Москву, в разные другие города и места двоих стариков. Когда старики возвратились домой, то рассказали, что лучшей веры, как старая поморская, не было и нет; так говорили и в Москве, и на Унже, и везде. Тогда михайловцы избрали себе наставника, по имени Гаврила, начали жить по этой старой вере, и никто их не тревожил. В начале прошлого (1836) года пришел в Михайловку какой-то странник, по фамилии Липатов, и попросился у одного крестьянина пожить немного времени. Тот согласился. Скоро старообрядцы узнали о новоприбывшем страннике, стали навещать его и слушать его речи "от книжного писания". Липатов говорил: в слове Божием сказано: "Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение свое, и раздай нищим, и следуй за Мною"[12]*. Поэтому слушатели должны были оставить дома свои с имуществом и бежать в горы далее немирных черкесов, в места пустынные и безлюдные, и там поселиться. На дорогу следовало взять с собою только самое необходимое. Если бы они пошли, то он, Липатов, всех их перекрестит, но имен им не переменит и будет во всем их главным наставником и руководителем; они станут называться братьями, а жены их сестрами. Если бы на дороге или где-либо они попались и их стали бы обращать назад в дома свои, то они не ходили бы и обличали антихриста. Такое учение Липатова прельстило михайловцев, и они решились ему последовать. Исподволь, понемногу они распродали скот, хлеб и другое имение, а в ночь на светлое Христово воскресенье (1837) на нескольких повозках

выехали из своего селения. Отъехав верст 40, остановились близ какой-то речки кормить лошадей. Тут Липатов всех их перекрестил, и они стали называться "братьями", а жены их "сестрами". Прибыли на Кубань, где были расставлены казачьи посты из линейных казаков. Эти казаки оказались тоже какие-то старообрядцы, и михайловцы скоро сторговались с ними, чтобы они пропустили их за Кубань, да кстати нашли им одного черкеса в провожатые. Ночью наши странники переправились через Кубань, и вожак повел их далее в горы. День провели в лесу, а ночью вожак опять повел их; но чрез несколько времени скрылся, и они остались одни в совершенно незнакомой им местности. На рассвете невдалеке от себя они увидели черкесскую деревню. Вошли в большой лес и расположились тут передневать. Из деревни (она оказалась мирных черкесов) вышел один черкес в лес осмотреть капканы, расставленные для ловли диких коз и оленей; он заметил табор михайловцев и дал знать об этом начальнику своей деревни - офицеру русской службы из черкесов. Офицер, с вооруженными черкесами, немедленно прибыл к странникам и начал их расспрашивать: кто они, куда идут и проч.; но в ответ получал только грубости и бранные слова. Тогда офицер приказал гнать их в станицу, где находился полковой штаб. Полковник вышел к старообрядцам и спросил: "Кто у вас начальник?" - "Я", - отвечал Липатов и начал говорить разные грубости. Полковник тут же приказал дать ему 200 ударов казацкой плетью. Липатов под этими жестокими ударами не стонал, не охал, а произносил только слова: "Братцы мои! помолитесь за меня грешного". Товарищи его стояли на коленях и молились на восток. По окончании экзекуции Липатов встал, повернулся лицом к востоку, перекрестился и сказал: "Слава тебе, Господи, что снял с меня всю нечисть". Полковнику не понравились эти слова, и он приказал дать Липатову еще 70 ударов, после чего он уже не мог встать: его подняли товарищи. После Липатова наказан был еще Таврило 80-ю ударами. Потом на другой день всех их погнали в Ставрополь. Здесь им были разные допросы; ходили к ним священники, уговаривали, увещевали; но толку от всего этого выходило мало. Впрочем, человек десять из них возвратились в свои дома, а остальные были посажены в этот острог, где и я влачил с ними свою горестную жизнь. - Наставник их Липатов содержался от них особо, на гауптвахте, в тяжелых кандалах; он приходил только в острожную баню, где виделся с своими товарищами и говорил с ними. Я видел этого наставника. Он был роста среднего, широкоплечий и, казалось мне, очень неглуп. Впоследствии некоторые из этих старообрядцев скоро померли, другие

возвратились в свои дома, человек 15 сослано было в Сибирь, а иные отданы в солдаты.

В конце этого (1837) года начали собирать обо мне справки из тех мест, где я получал заграничные паспорта. Вероятно, благодаря этому обстоятельству, сыщик мой Павельев в Бессарабии, в Одессе или в каком другом месте узнал, что я содержусь в ставропольском остроге и приехал в Ставрополь. Свидание мое с ним было непродолжительно, но крайне неприятно и тяжело для меня. Павельев говорил мне, чтобы я возвратился домой в Выездную слободу и помещик меня простит. Я отвечал, что так как теперь дело пошло по суду, то пусть суд и рассудит нас; я лучше буду жить в Сибири, а к помещику не пойду. Тем разговор наш и кончился.

Прошло более года. В это время губернским правлением собраны были обо мне справки из разных присутственных мест и дело мое поступило на Рассмотрение уездного суда, а отсюда, как я слышал, скоро должно было перейти в уголовную палату, и, благодаря ходатайству за меня генерала Реброва, оно должно было решиться наконец в мою пользу. Так я ожидал и надеялся.

Но не дремали и мои недруги. Не припомню, в феврале или марте месяце 1839 года в Ставрополе получено было из арзамасского уездного суда отношение, коим требовалось, чтобы я выслан был в Арзамас, на мою родину, для очных ставок с крестьянином Кожевниковым, который содержался в арзамасском остроге. (Вероятно, все это сделалось по происками и домогательствам Тархова с Рагузиным.) 19 апреля меня с женою и сыном отправили по этапу из Ставрополя на родину. Здесь посадили меня в арзамасский острог, обрили мне половину головы и бороды и заковали в кандалы, - а жена моя с сыном, по распоряжению Тархова, была отправлена на жительство в село Ларионово (100 верст от Арзамаса), где жил управляющий Рагузин и где находилась моя дочь. - Скоро родные, знакомые и слободские крестьяне узнали о моем печальном прибытии и положении; хотя всем им запрещено было навещать меня, но это не всегда соблюдалось. Поэтому жить мне в остроге было не особенно тяжело; я собрал даже с прежних моих должников порядочно денег, благодаря которым в октябре месяце и выпущен был из острога на поручительство.

Я поселился у дяди своего Феоктистова; ко мне приехала жена с сыном[13]. В декабре месяце родилась у меня еще дочь, и я, в память освобождения моего из острога на поруки, 10 октября, назвал ее Евлампией. Сын начал учиться грамоте. Мы стали жить не совсем худо, особенно по сравнению с только что пережитым временем.

Не прошло и полгода, как стали доходить до меня слухи, что Тархов, по приказанию Рагузина, хлопочет и домогается, чтобы вновь посадить меня в острог. Действительно, 30 июля 1840 года я призван был в уездный суд, где судья прочел мне указ из Нижегородской уголовной палаты о заключении меня вновь в арзамасский острог. Делать нечего: пришлось покориться необходимости.

Между тем дело мое рассматривалось в уездном суде, который решил: по наказании, сослать меня в Сибирь. Уголовная палата это решение утвердила. Но Сенат, согласно ходатайству нижегородского губернатора Панова, определил: водворить меня к помещику.

5 ноября 1841 года я был выпущен из острога.

1842-1844

В январе месяце приехал в нашу слободу главноуправляющий Рагузин, и я упросил его выдать мне полугодовой паспорт на случай куда бы то ни было моей поездки из дому. Я постарался собрать с прежних своих должников кое-какие деньги, до 1000 рублей; получил от Тархова полугодовой паспорт и 15 мая выехал в Москву. Здесь отыскал я жену моего покойного друга, у которого некогда мною оставлены были деньги и часть имущества. Эта женщина оказалась уже вышедшею замуж; она сказала мне, что не знает никаких денег и имущества, которые я будто бы оставил у них, и в завещании покойного об этом ничего не сказано. Я прослезился и с тем ушел от нее.

В Москве нашлись некоторые старые мои приятели, сделали мне посильное денежное пособие, и я отправился через Коренную ярмарку в Херсон. Здесь служил двоюродный брат мой военным писарем у коменданта; он переведен был сюда из Брест-Литовска. С этим братом я не видался более 11 лет. Какая радость у нас была при свидании!.. Хотя он был и солдатом, но дышал свободно; за верную и добросовестную службу его любили начальники и давали препоручения, какие выпадают на долю не всякого. А я все еще находился под бременем своих гонителей и влачил жизнь свою, как в поле былинка, засохшая от бездожия. И за что же? За то единственно, что я желал вольности до последнего моего издыхания; искал не чести, славы и богатства, а только независимости себе и моему потомству от жестокосердого помещика. Но мне предлежало еще много перенести горя и лишений, пока не пробил для меня вожделенный час...

В Херсоне у брата я пробыл недели две; потом поехал на Одессу, а отсюда через Тирасполь в Кишинев. Тут я случайно узнал, что упоминаемый мною прежде Годунов имел здесь собственный дом, неправедными делами воздвигнутый. Теперь мне нечего было страшиться, как прежде, когда он вместе с Павельевым разыскивал меня в Яссах. Поэтому я пошел к нему. Он знал меня только по портрету, бывшему в то время у Павельева. Придя к Годунову, я сказал:

- Когда-то вы с Павельевым задорого желали посмотреть на Шилова.

Теперь можете даром его видеть и не стараться его разыскивать. Я - Шипов.

Годунов, по-видимому, обрадовался мне и просил меня остановиться у него в доме. Я согласился. В разговорах мы припоминали прошлые обстоятельства моей жизни, в которых

Годунов принимал столь неприятное для меня участие. Между прочим, я узнал от него, что покойный шурин мой Ланин оставил часть наших денег и имения у одного кишиневского купца. Эти деньги и вещи отданы были в полицию; но мне получить их не привелось: сказывали, что все они были раскрадены.

Из Кишинева я отправился в Яссы. Здесь я получил от кума моего, скопца Чукова, часть своих денег, золотые вещи и жемчуг. Вещи эти я распродал и думал было заняться в Яссах какою-либо торговлею. Но это показалось мне неудобным потому, что мое слободское начальство опять могло приняться меня разыскивать, и тогда уж мне несдобровать. Я распростился с Чуковым и возвратился в Кишинев, где случайно узнал, что одна купчиха сдает в наем свой клейный завод с шерстяною мойкою, стоящий на реке Бычке. Мне показалось это дело выгодным, и я снял этот завод на три года с тем, чтобы вступить в него 18 февраля следующего 1843 года. Задаток, материал для выгонки клею и проч. - все это стоило мне 1200 рублей.

12 декабря я возвратился на родину. Рагузин был в это время в Петербурге. Я пришел к Тархову и объяснил, что выгодно снял в Кишиневе клейный завод, употребив на то почти все свои деньги, и просил его дать мне паспорт. Тархов снесся об этом с Рагузиным, который чрез несколько времени писал ему, что помещик не приказал выдавать мне более паспорта. Тогда, желая, чтобы деньги мои не пропали, я в начале 1843 года нанял в Арзамасе мастера, приказчика с работником и отправил их на завод в Кишинев. Однако без меня они ничего не могли там сделать и возвратились ко мне ни с чем. Так погибло для меня это предприятие, а вместе с ним - и последняя надежда поправить свои денежные обстоятельства.

В апреле месяце 1843 года начали сватать мою дочь женихи - из хороших и богатых домов, с тем, чтобы отдать за нею в приданое мой дом, на что я был согласен; но от помещика разрешения на это не последовало. Видя, что зажиточные люди дочь мою не возьмут замуж, я решился выдать ее за одного небогатого слободского крестьянина - Пузакова, по ремеслу сапожника[14]. Свадьба у нас была самая бедная, и скоро молодые уехали в Нижний Новгород, на ярмарку, для занятия сапожным мастерством.

В это время я находился в бедственном положении. В услужение меня никто не принимал; меня боялись, как медведя. К тому же я должен был платить 400 рублей оброку, которых мне решительно негде было взять. В сих крайних обстоятельствах я решился обратиться к не раз упоминаемому прежде дяде моему Феоктистову, у которого все-таки оставалась часть моего имения;

но он не хотел отдать мне его. Я подал об этом прошение в магистрат, который решил дело так, что имение мое принадлежит Феоктистову на основании десятилетней давности владения им. Я обратился с жалобою в гражданскую палату; но она рассудила, что по этому делу должен был хлопотать сам помещик или его управляющий. Я просил Тархова войти в мое положение; но он наотрез отказал мне. Тем дело и кончилось.

Ходя по этому моему делу, я познакомился с одним столоначальником, который давал мне читать законы. Однажды он принес мне IX том Свода Законов, и я нашел тут статью, в которой было сказано, что крепостные люди, бывшие в плену у горских хищников, по выходе из плена освобождаются на волю со всем семейством и могут избрать род жизни, где пожелают, в течение девяти месяцев. Тогда я решился испробовать и это крайнее средство, лишь бы избавиться от власти помещика. Затаив от всех такое мое намерение, я в декабре месяце выхлопотал кое-как у Рагузина полугодовой паспорт, собрал от добродушных людей 25 рублей на дорогу и 3 января 1844 года покинул свою родину...

Я не буду (да и не могу) описывать те чувства, которые наполняли и волновали в это время мое бедное сердце. Помню, чтобы губы мои шептали только одно: Всемогущий Боже! Вразуми меня и услышь вопль души моей, хотя не для меня, но для наследника сына моего. Творец милосердый! Дай мне крепость и терпение перенести все несчастия... Впрочем, да будет воля Твоя!..

С попутчиком поехал я на Тамбов, а отсюда в Воронеж, где отыскал одного старинного приятеля; он отдал мне немного прежнего долгу и свою лошадь с повозкой и упряжью. На этой подводе я отправился сначала в Харьков, а отсюда в Херсон - к брату, у которого провел Масленицу. Сделалась распутица, дорога стала ужасно трудная, грязная. Я купил себе маленькую, легкую повозку, на двр колесах, называемую по-малороссийски "беда" или "выгода". В этом-то экипаже я и поехал в разные города, как то: в Одессу, Кишинев, Яссы и Черновиц, с тою целию, не получу ли где денег. Деньгами хоть я и раздобылся, но очень немного - всего 250 рублей. Однако и этому я был рад. 3 апреля возвратился в Херсон, где с братом думали и советовались: что мне следовало предпринять? В то время генерал Лидере выступил из Херсонской губернии с 4-м корпусом в поход на Кавказ. Я решился последовать туда же, с намерением поступить там к маркитантам в работники, или не примут ли они меня к себе товарищем. По приезде в Одессу продал я свою лошадь, взял пассажирский билет до Керчи и в конце апреля на пароходе

"Наследник" отправился на Кавказ.

Погода была теплая, ясная; море тихо и спокойно. На поверхности его играло множество морских свинок, которыми я любовался. Севастополь оставался у нас в левой стороне, да к тому же мы проехали тут ночью. Но вот показалось издали имение графа Воронцова - Алупка. Когда пароход поравнялся с нею, нам салютовали с гавани из пушки, на что с нашего парохода отвечали тем же. С моря вид на Алупку был очарователен: строения причудливой архитектуры очень красивы; кругом их, по горе, прекрасные сады, которые покрыты были свежей весенней зеленью; извилистые, как змеи, дорожки, и везде цвели цветы, как лучший персидский ковер; ветром доносило к нам ароматный запах и долетали песни соловьев. - Мы поплыли в Ялту, где пароход на два часа останавливался, - в Феодосию и Керчь, куда прибыли 1 мая. Отсюда проливом верст 30 я поехал в город Тамань на лодке. Этот город хуже деревни, но из него прекрасный вид - Керчи, Еникаля и Евпаторийского госпиталя. Из Тамани я нанял извозчика до Екатеринодара, а отсюда в Ставрополь. Здесь я встретился с некоторыми из прежних своих знакомых, и они немало дивились моему приезду. Им было хорошо известно дело по заключению меня в Ставропольский острог, но они не знали, чем оно кончилось, и считали меня или сосланным на край света, или же умершим. Я рассказал им эту горестную историю.

Между тем срок моему паспорту через месяц истекал, и я стал придумывать - как бы мне получить новый паспорт? Думал я, думал и решился написать в Петербург главноуправляющему Рагузину следующее: "Проезжая через город Екатеринодар, я видел тут бежавших из слободы Выездной четырех крестьян, которые годны в солдаты. Я могу поймать этих крестьян и представить их в местную полицию для препровождения на родину. Но без доверенности этого сделать нельзя. Поэтому не угодно ли вам будет прислать мне эту доверенность, а вместе с нею пришлите и паспорт". Отправляя это письмо, я надеялся, что Рагузин с помещиком поверят моей выдумке. И не ошибся: через два месяца я получил и доверенность, и паспорт. Но, разумеется, для меня нужен был только последний.

Из Ставрополя я отправился в Пятигорск пешком, так как нарочно нанимать подводу было для меня не по карману, а попутчиков не находилось. Шел я этим путем-дорогою, придерживаясь старой поговорки: "Мне не привыкать куликать - где пришлось, тут и остановился". За станцией Александровской мне вновь открылись величественные Кавказские горы; я увидел знакомые места и дорогу. В одном месте я присел на камень

отдохнуть, прослезился и подумал: "Господи! Еще раз Ты привел меня видеть эти исполины. В виду их я претерпел самое горестное событие моей жизни... Но - где получишь несчастие, тут должно ждать и радости". Я вынул из мешочка кусок хлеба, закусил и пошел далее. К Пятигорску прибрел я поздно вечером и думал: куда мне идти ночевать? Знакомые в Пятигорске у меня, конечно, были; но не забыли ли меня? Пошел я к одному приятелю-армянину, по фамилии Аракчееву; он имел собственный дом недалеко от базара. Аракчеев не узнал меня и сначала не хотел пускать меня ночевать; но когда узнал, принял меня как родного и немало дивился моему прибытию: в течение семи лет ему ничего не было обо мне известно. В это время у Аракчеева находился упомянутый мною выше бывший полицейский письмоводитель Кастыченко, который в 1836 году взят был в плен хищниками. Велика и непритворна была радость при нашем свидании. Мы всю ночь провели в разговорах за стаканами чихирю. На другой день я вышел на базар, и скоро все знакомые и приятели узнали о моем прибытии.

В Пятигорске я прожил до июня месяца, а потом отправился через Екатериноград в Моздок. Здесь я пробыл всего одни сутки и пешком пошел далее. Солнце стало заходить за Кавказские горы, когда я приближался к станице Науру. Но вот и самая станица. Я вошел в один духан и сел на лавку отдыхать. Между прочим, я просил сидельца: кто у него хозяин? и в ответ услышал, что ростовский купец, еврей Осип Борисович Фавишевич. Эта фамилия мне показалась знакомой; я стал припоминать, что в 1836 году, когда я служил у Сухорукова, то тогда был у нас приказчиком по продаже нефти еврей Оська, как мы его называли, по фамилии Фавишевич. Я начал подробно расспрашивать сидельца об его хозяине и убедился, что наш бывший Оська теперь стал Осипом Борисовичем. (На Кавказе, да в некоторых и других местах, лиц бедных, особенно евреев, называют полуименем; если же кто-нибудь из таких лиц сделается богатым и влиятельным, то его уже величают по имени и отчеству.) Сиделец мне сказал, что его хозяин завтра должен быть в Науре. Тогда я подумал: "В былое время я оказывал этому Осипу Борисовичу возможное пособие и добро, при его бедности, и он хоть еврей, но, верно, не забыл того, что я для него сделал", - и решился повидать Фавишевича. На другой день около полудня сиделец сказал мне, что хозяин его приехал с братом своим Леоном Борисовичем (прежде мы звали его Лейба). Я тотчас же пошел к Фавишевичам. На дворе их квартиры стояла коляска, запряженная тройкою отличных гнедых лошадей. "Вот тебе и Оська!" - подумал я. Придя в комнату, я сделал приветствие

обоим братьям и сказал:

- Признаете ли меня, Осип Борисович и Леон Борисович?

- Нет, - отвечали братья в один голос, - мы вас совсем не знаем.

- Вы, вероятно, помните, Осип Борисович, Николая Шилова, - сказал я, - я рекомендовал вас по торговле нефтью, в 1836 году, в бытность мою у Сухорукова комиссионером.

Тогда они бросились ко мне и начали целовать меня, говоря:

- Ах, друг наш любезный! Какими судьбами ты сюда попал? Слух был, продолжал Осип Борисович, - что негодяй Сухорукое вас обидел и довел до несчастия. Я жалел об этом, сердечно жалел; но пособить вам ничего не мог, потому что не знал, где вы тогда находились. Мы даже слышали, что будто бы вы сосланы были в Сибирь за какое-то важное преступление. Садитесь, пожалуйста, любезный Николай Николаевич.

Я сел и рассказал Фавишевичам о постигшем меня, по вине Сухорукова, бедствии. Выслушав меня, Осип Борисович сказал:

- Душевно сожалею о вашем несчастии и желаю помочь вам - потому, помню ваши для меня благодеяния.

Потом Фавишевич предложил мне быть с ним компаньоном по торговле, рассказав, что он с одним товарищем, белевским купцом Кузнецовым, заключил контракт с Кабардинским егерским полком на три года - доставлять полку жизненные припасы. Штаб этого полка находился в крепости Незапной, за Тереком, на реке Акташе, близ Андреева аула, а батальоны расположены по разным укреплениям, неподалеку от Незапной. Так как у Осипа Борисовича были еще другие дела, то он соглашался дать мне доверенность и я мог, по усмотрению, торговать или при полковом штабе, или же идти с полком в поход, который предполагался в этом месяце (июне). Разумеется, мне ничего не оставалось, как с радостию принять это предложение Фавишевича. На другой день я поехал с ним в Незапную крепость и немедленно вступил в отправление своих обязанностей.

Теперь скажу несколько слов об этой Незапной крепости и об Андреевском ауле, так как здесь совершилось одно из самых важных событий моей жизни. - Крепость стоит близ леса, на правой гористой стороне быстрой, каменистой речки Акташа. В крепости находятся казармы, церковь и дома каменные; кругом их - крепостной вал, на котором четыре бастиона с большими орудиями. Этот вал соединяется с форштатом, где живут в собственных домах женатые казаки. Здесь находится дом полкового священника, разные казармы, маркитантский двор и две обвахты, или заставы, из коих одна на реку Акташ, по дороге

к укреплению Кастычам, а другая - в Андреевский аул, отстоящий от форштата не более версты. За дровами ездят из Незапной всегда с конвоем; это называется "оказией". Скот пасут за рекой Акташем тоже под конвоем, так как не редко случалось, что черкесы нападали на скот.

Андреевский аул - татарский, большой; в нем было более 5000 жителей. Улицы в ауле очень узкие, грязные и бестолково построенные, так что в них легко заблудиться. Дома или сакли деревянные, без заборов; крыши плоские, земляные; на них родится крупный красный лук, который на вкус сладковатый. Печей в саклях нет; только в одной из стен проведена труба, под которой разводят огонь и готовят кушанья. Виноградное вино татары пьют кипяченое или молодое; хлебную водку любят. Лошадей держат хороших, в поле работают с осторожностию и недалеко от своего аула, по которому ходят всегда вооруженными прекрасными кинжалами: Андреевский аул всегда славился этим оружием. Базар в ауле бывал по пятницам; народу сходилось множество. Торговлею занимались татары, евреи, а частию моздокские и кизлярские армяне. Говорить по-кумыцки я научился довольно скоро, так как этот язык сроден киргизскому. В Андреевском ауле мне приходилось бывать часто, и я хорошо познакомился тут с некоторыми татарами; они звали меня "Мекелей".

Итак, с половины июня месяца (1844 г.) я начал в Незапной крепости заниматься по торговым делам у Фавишевича[15]. Это занятие было нелегкое. Надобно было наблюдать интересы хозяина и в то же время ладить с разным полковым начальством, начиная от ротного фельдфебеля. - В укреплении Таскичах, при батальоне нашего полка, торговал у нас приказчик; там же находился и Кузнецов. Приказчик что-то не поладил с батальонным лекарем. Этот подал полковому командиру рапорт, будто приказчик доставлял для батальона нехорошую говядину, отчего солдаты болеют. Полковник вспыхнул гневом, призвал к себе Кузнецова и распорядился с ним так, что он прибежал ко мне в Незапную как полоумный, весь в слезах и просил меня поправить дело. Я пошел в Таскичи; повидался с лекарем, дал ему подаяньице, достодолжно угостил его - и с тех пор от него не было никаких подобных рапортов.

А таких случаев - что греха таить? - могло быть немало. То вот говядина нехороша, то сено гнилое, то водка уж слишком разбавлена водой - да мало ли что? Бывало, полковой квартермистр знает, что такого-то предмета у нас в лавке нет, а по контракту он должен быть. Квартермистр прибежит в лавку и начнет требовать чего нет к завтрашнему дню непременно;

зашумит, раскричится, - так что и сам Фавишевич не показывается ему на глаза. Что тут делать? Обыкновенно вечером, незаметно для других, я отправлялся к разгневанному квартермистру на квартиру и умел сделать так, что он переменял гнев на милость; и потом с улыбкой говорил:

- Давно бы так делали; а то с вами одно только беспокойство и неудовольствие.

На другой день квартермистр присылал в лавку своего денщика за даровой провизией. Плац-адъютанту и адъютанту полковому у нас тоже шла дача немалая; а, например, ротным командирам так сам Фавишевич приказывал отпускать из лавки безданно-беспошлинно все, что им заблагорассудится... Из Незапной крепости выходили несколько раз летучие отряды, которые скоро опять возвращались в Незапную. С этими отрядами я или отправлял приказчика при нагруженных провизиею арбах, или же присутствовал сам. Однажды в конце августа месяца из Незапной выступил отряд в 3000 пехоты и артиллерии, под командою полковника Козловского. Я снарядил две арбы с разными припасами. Отряд направился вверх по реке Акташу и, отойдя верст 6, встретился с хищниками. Завязалась перестрелка. На другой день черкесы заняли реку Акташ, заградив нам путь к воде, засели за большими камнями, в ущельях, и открыли огонь. Все усилия Козловского выбить черкесов из ущельев оставались тщетными, тогда как черкесы беспокоили нас сильно, потому что бивак наш расположен был на открытом месте. Мы даже с трудом могли доставать из Акташа воду. Кончилось тем, что на 4-ю ночь Козловский сделал беспорядочное отступление обратно в Незапную. При этой суматохе у меня у одной арбы изломалась ось, и весь бывший на ней товар достался в добычу хищникам. До арбы ли тут, когда только думы и заботы: как бы самому остаться целым и невредимым? - Ох, ты жизнь и торговля маркитантская!..

1845

Из Незапной крепости в Андреевский аул я ходил довольно часто, как для учета сидельцев в двух духанах Фавишевича, так для покупки скота и разных припасов. По пятницам (базарные дни) я бывал в ауле непременно. Ходить приходилось большею частию одному, иногда довольно поздно. Некоторые знакомые татары предупреждали меня, чтобы я опасался ходить ночью. На такие предостережения я мало обращал внимания: я боялся только смерти; плена же у горцев хоть и страшился, но в душе желал его. Наступило 8 число февраля, пятница.

8 февраля

В этот день я, по обыкновению, был в ауле на базаре, купил что надобно и к вечеру возвратился домой в Незапную; отдал отчет и деньги Фавишевичу. Поблагодарив, он сказал мне:

- У нас в лавке совсем нет коровьего масла. Сегодня последнее взяли в полковую квартиру. А завтра утром опять потребуется, как полковнику, так и офицерам.

- Масло я сегодня приторговал у одного татарина, - доложил я Фавишевичу, - только не дал ему задатка.

Тогда Фавишевич стал просить меня, чтобы я шел в аул и дал татарину задаток и чтобы масло было доставлено завтра рано утром в лавку. Хоть мне и не хотелось идти, потому что весь день провел на ногах, бегая по аулу, - но я хорошо знал полкового командира и просьба Фавишевича мне показалась основательной. Я пошел в аул. Солнце закатилось за горы, с которых потянулся ужасно густой туман. Близ обхваты попался мне навстречу знакомый унтер-офицер и спросил:

- Куда так поздненько идешь?

- В аул, - отвечал я.

- Смотри, Николай Николаевич, - сказал мне унтер-офицер, - теперь ходить опасно: как бы тебя чеченцы где не схватили. Проклятые азиаты замысловаты; они знают, что при тебе всегда есть деньги. Подкараулят и отправят в горы, а то так прямо на тот свет.

- Вот вздор какой, - сказал я, - позже ходил, да с рук сходило. Авось и теперь ничего не случится.

Мы расстались. Когда я шел по улицам аула, было уже очень темно, и я с трудом отыскал саклю татарина, у которого утром сторговал масло; дал ему задаток и приказал привезти масло

завтра пораньше. Отсюда я зашел в наш дран, где сиделец отдавал мне вырученные им деньги 200 рублей; но денег этих я не взял до завтра. Посидев немного в духане, я пошел домой. Темнота была ужасная, - хоть глаз выколи. При выходе за аульские ворота меня окликнул часовой: "Кто идет?" - "Маркитант", - отвечал я. От ворот дорога шла под гору; с левой стороны был утес горы, а с правой - к реке Акташу - крутой яр. Я шел близ самого утеса. Как раз на половине дороги от аула и форштата меня вдруг схватили неизвестные люди и потащили под гору к Акташу; вниз я скатился с ними по снегу. Я вздумал было кричать часового, но хищники обнажили свои кинжалы и приставили их к моей груди. Я об мер. Потом хищники надели мне на голову какой-то башлык - перевязали его так, что я не мог ничего уже видеть; руки мои тоже связали ремнем и повели. Мы прошли близ какой-то водяной мельницы, где я слышал разговор на кумыцком языке. Перешли вброд реку, вероятно Акташ; потом повели меня далее; но куда - я не понимал. Где-то вдали послышался лай собак Тут спутники мои начали разговаривать между собой по-чеченски; этого языка я почти не понимал. Прошли по снегу так версты 4. Лай собак стал слышнее. Перешли еще раз реку по колено, и я полагал, что это опять-таки Акташ. Мы поднимались как будто на гору. Потом хищники остановились и начали кого-то окликать. Откуда-то сверху тихо отвечали, потом что-то сбросили. Хищники перевязали меня веревкой поперек живота, развязали руки и по-кумыцки сказали: "Уста аркан" (держись за веревку). Я это сделал. Меня потащили вверх, где сажени через три я был принят за руки двумя человеками, которые вели меня потом с четверть часа. Затем они связали мне руки назад, толкнули в какой-то чулан, хлопнули дверью и заложили ее цепью. Мое новое помещение оказалось не из теплых: в него со свистом врывался холодный ветер. На мне были тогда бешмет и легкая на вате шинель; промокшие ноги холодели, связанные руки коченели. Я стоял на ногах, боясь ходить или двигаться. Так прошло довольно времени. Потом кто-то вывел меня в другое помещение и развязал мне голову. Тут я увидел большую саклю, которую освещало горящее на табуретке сало. Передо мной стоял кумык - высокий, стройный, широкоплечий, которого я никогда не видел. Он спросил меня:

- Танимсан менеке (знаешь ли меня?).

- Бельмейма (не знаю), - отвечал я.

Тогда кумык, указав мне на табуретку, сказал:

- Ултар (Садись).

Я исполнил это приказание. Кумык вынул из кармана нож и начал его оттачивать на бруске. У меня волосы на голове

становились дыбом; сердце мое так сильно забилось, что, полагаю, и кумык мог слышать это биение моего сердца. Я мысленно прощался со своими родными и со всем светом, полагая, что настали последние минуты моей жизни... Кумык кончил точить нож, подошел ко мне, прижал к себе мою голову и, сказав: "Коркма" (не бойся), - принялся мылить мне голову. Я догадался, что он будет брить мои волосы. Сердце мое стало отходить. Кумык обрил мои волосы, подстриг бороду, надел на меня шапку, завязал тем же башлыком, отвел меня в прежний чулан и безмолвно затворил за мною дверь. Эту ночь я проводил очень беспокойно; от холода не мог сомкнуть глаз. Пропели в ауле петухи.

9 февраля

Вот я слышу: люди загалдели, буйволы заревели, арбы заскрипели, залаяли собаки. Должно быть, рассветало. Я то разминал свои коченевшие члены, то, сидя или стоя, прислонялся к стене и дремал. Какой-то человек отворил дверь и сказал: "Аман, Мекелей" (Здравствуй, Николай). Я очень обрадовался, что меня назвали по имени, и ждал с нетерпением, что пришедший будет говорить мне; но этого я не дождался: дверь захлопнулась. Вероятно, уже вечером меня опять привели в ту саклю, где вчера кумык обрил мне голову. Когда меня развязали, я увидел того же кумыка, который меня спросил:

- Ахча барма сенике (Есть ли у тебя деньги)?

- Иок ахча (Нет денег), - отвечал я.

Тогда кумык всего обыскал меня, но денег не нашел; только вынул из кармана в бешмете мою записную книжку с карандашом и сказал:

- Зжяс Осип кагас (Пиши Осипу записку).

- Не зжяздым (Что напишу)?

- Мень чебердым саган, берь ахча чус Тюмень кумыш (Я отпущу тебя; дай десять десятков серебряных рублей).

Я вырвал из книжки чистенький листок и Фавишевичу (Осипу) написал: "Нахожусь в плену и не знаю где; а выкупу за меня просят 300 рублей. Ради Бога, выручи несчастного Н. Шилова". Кумык взял эту записку и снова запер меня в чулан. Эту ночь я провел как и прошлую.

10 февраля

В этот день ко мне никто не показывался. Уже поздно вечером, когда в ауле все смолкло, пришел татарин и повел меня из темницы. Чрез несколько времени мы остановились, и близ меня очутилось четыре человека; они развязали мне руки, которые обтерлись от ремня до крови; перевязали вокруг живота веревкой и, сказав по-русски: "Держись крепче", - столкнули меня с крутизны и начали спускать вниз. "Верно, в первую ночь меня здесь втаскивали", - подумал я. Внизу приняли меня два человека и о чем-то тихо поговорили с верхними. Потом, связав мне руки ремнем, повели меня вброд через речку; затем скорыми шагами пошли по снегу. Собачий лай оставался у нас назади. Дул не очень холодный ветер. Дорога шла то под гору, то в гору. Я стал догадываться, что теперь ведут меня к немирным черкесам в самые горы. Шли мы довольно долго. Ветер стал тише. Мы как будто подходили к лесу. Тут развязали мне глаза и руки. Передо мной стояли два, средних лет, татарина, которые имели при себе по ружью, шашки, пистолеты и кинжалы. Они глядели мне в глаза, а я на них смотрел; потом они спросили меня по-кумыцки - знакома ли мне местность, на что я отвечал отрицательно, - и стал осматривать окрестность. По обеим сторонам дороги тянулся небольшой лес; чем далее шли вперед, тем дорога делалась уже и уже. Ночь была пасмурная; на небе ни звездочки. Татары, насмехаясь надо мной, говорили мне:

- Согом саган керек, ахча бар (Надо тебе скотины; деньги имеешь)[16]. Я им сказал только, что теперь у меня нет денег. Ветер дул мне в лицо; я освежился; мне стало легче и приятнее. Прошли лесом несколько верст. Татары свистнули, на что последовал тоже свисток; а спустя немного, подошел к нам молодой татарин, который сделал моим провожатым приветствие: "саламаликам", давали друг другу руки и говорили по-чеченски. Пришедший и мне сказал: "аманма" (здорово). Я сказал ему то же. Потом все мы пошли узенькою снеговою тропинкой. Лес становился крупнее. Тропинка стала извилистой, под гору. Впереди я заметил как будто татарское кладбище, на котором стояли разные каменные памятники. Когда мы поравнялись с этим местом, татары остановились и громогласно сказали: "саламаликам". Тогда я спросил: - Не бу монда? (Что такое здесь?)

Один из них на каком-то странном кумыцко-русском языке отвечал: "Кардаш умрит, коп салдат убит, монда бардым аул" (Умерли братья, много убито солдат, здесь была деревня). Тогда я понял, что татары здравствовались с своими умершими родичами.

Мы пошли далее, и скоро послышался шум быстро текущей

воды. Я спросил спутников - что это за река? Они сказали: "Эраксу". Тут мне стало ясно, где мы идем, и я стал внимательно примечать местность. Перешли реку вброд и стали подниматься на гору. Потом вышли на ровную дорогу и шли довольно долго. Далеко впереди я увидел огонь и спросил:

- Кайда от-курнеда? (Что за огонь видно?)

Мне отвечали:

- Караул чечен-бар (Чеченский караул).

Подошли близко к огню. Для меня это было интересно. Я как будто позабыл, что я пленный и что могло со мной случиться. А могло случиться, как Я слыхал, вот что: у горцев есть будто бы обыкновение, что когда ведут пленного и в это время навстречу попадется кто-нибудь из хищников же, то между ними происходит большой спор и распря: встречному хочется взять что-нибудь с того, кто ведет пленного; а тот ничего не дает, потому что встречный не участвовал в поимке пленного, всегда сопряженной с большим трудом и опасностью. Тогда, со злобы, встречный хищник убивает пленного: пускай, мол, никому не достается. Вот что могло со мной случиться. Но, слава Богу, нам навстречу никто из хищников не попался.

Наконец мы подошли к плетневым воротам, по обеим сторонам которых были вырыты небольшие канавы с земляным валом и наверху накладен колючий терновник. Мы отворили ворота; нас окликнул вооруженный чеченец и повел к плетневой караулке, близ которой ярко горел огонь. У огня спали 4 черкеса. Когда мы пришли, черкесы встали и приветствовали нас. Потом они сели возле огня и стали разговаривать по-чеченски, после чего все легли спать. Прикорнул у огня и я. Скоро мои товарищи заснули; но мне было не до сна. У меня в голове роились разные мысли. Бог даст, думал я, как-нибудь удастся мне бежать из плена; тогда я буду вольный человек и потомство мое всегда будет благодарить меня. А что подумают гонители мои, когда узнают, что я с семейством свободен? Они будут очень недовольны собой, что выпустили меня из своих рук, и притом ни за копейку. Они никогда не простят за это ни себе, ни мне. А может быть, мне уже более никогда не придется видеть ни родины, ни милого семейства... Тут часовой разбудил моих спутников, и мы пошли далее. Дорога шла под гору, и опять начался крупный лес. В правой стороне от нас в лесу, на возвышенном месте, виднелся огонь и шумели люди. На вопрос мой провожатые ответили: "алтмиш-кши караул бар салдат зжиберьма" (60 человек караульных солдат не пускают).

Почти тотчас же прибежал к нам с того караула чеченец, поговорил с моими спутниками и ушел обратно, а мы начали

спускаться под гору. Светало.

11 февраля

Мы подошли к реке, о которой провожатые мне сказали, что это Яман-су. Перейдя реку вброд, мы пошли вверх по ее течению. На косогоре, по мелкому лесу, виднелись разбросанные сакли, из которых выбегали к нам злые собаки. Чрез несколько времени один из моих спутников простился с своими товарищами; потом он подал мне руку и также сказал: "Саубул" (прощай). Стало совершенно светло. По обеим сторонам ровной дороги возвышался большой чинаровый лес, в котором какая-то птица пела странным заунывным голосом, и я думал: не предвещает ли она мне смерть? Но вот пол горою показался небольшой аул; из разбросанных саклей шел дым, который мешаясь с туманом, расстилался по низменной равнине и чинаровому лесу Из гор протекала в Яман-су маленькая речка. Когда мы спустились по извилистой дороге в аул, то вошли в саклю о двух трубах. Нас встретила очень хорошенькая молодая черкешенка, с грудным ребенком на руках, с прелестным видом смотрела на моих спутников, из которых один, как потом оказалось, был ее муж; время от времени и на меня обращала она свои быстрые, огневые, черные глаза. Сели мы в сакле на разостланные кошмы; я - возле камина, в котором горел небольшой огонь. Черкешенка с ребенком вышла из сакли и скоро возвратилась в шелковых шароварах и бумажном бешмете. Чрез несколько времени я прилег у камина и крепко заснул. Долго ли спал - не знаю. Меня разбудил хозяин, сказав мне: "Тур" (вставай). Тут я увидел полную саклю черкес и черкешенок разного возраста. Мужчины и мальчишки были вооружены кинжалами, а некоторые и пистолетами. Все смотрели на меня своими черными глазами с любопытством и неприязненно; а я, как невольник, глядел на них с унылым видом. Они между собой говорили по-кумыцки, чеченски и тавлински. Черкешенка-хозяйка вынимала из золы в камине небольшие круглые лепешки из пшеничной муки (чуреки) и, вытерев их грязной тряпкой, подавала моим спутникам; один чурек дала и мне. Я его с большим аппетитом съел, держа над горстью, как просфору: ведь трое суток я не принимал никакой пищи. Затем хозяйка, подложив в огонь дров, повесила над ним небольшой котелок с водой, всыпала в него ячменной крупы и положила немного соли. Когда это кушанье поспело, хозяйка разлила его в чашки, положила в чашки по ложке и подала моим хозяевам, а также и мне; при этом она дала мне еще один чурек. Я

поел с удовольствием, отдал чашку хозяйке и стал сидеть безмолвно. Народ то приходил в саклю, то уходил, и дверь беспрестанно скрипела, как несмазанное колесо. Часа через три меня отвели в другую саклю; здесь по стенам висели ружья, пистолеты, шашки и седла; посередине стояла наковальня. Я своего провожатого спросил:

- Кэм дархан монда бар? (Кто здесь кузнец?)

- Кардаш маган (Брат мой). Тут я понял, что меня вели два брата, из коих один был холостой, а другой женатый. И сюда начал приходить народ. Из пришедших один кумык сел со мною рядом и начал порядочно говорить по-русски. Оказалось, что он житель Андреевского аула, где у него был дом, жена и двое детей. Имя его - Мустафа. Как-то раз он купил в ауле Таскичах у неизвестного татарина пару лошадей. Лошади оказались краденными, и Мустафа посажен был под арест с тем, что если он не разыщет татарина, у которого купил лошадей, то будет предан военному суду. Найти этого татарина было невозможно, и Мустафа из-под ареста бежал в здешний аул, где и жил уже более месяца. Тайно он ходил в Андреевский аул к своему семейству. Я был очень рад, что встретился с этим Мустафой, и подробно рассказал ему о своем плене. Выслушав меня, он заметил, что мне едва ли удастся отсюда вырваться скоро; вероятно, меня поведут к Шамилю в Красный аул (Дарго), который в 40 верстах от здешнего аула. Тут вошел в саклю черкес, пожилых лет, рослый, стройный, красивый; одет он был в желтую черкеску, убранную серебряным галуном; на груди прекрасные патроны, на левом боку кинжал с дорогой рукояткой, сзади пистолет. Он сел возле меня, бросил на меня свой орлиный узор и сказал:

- Аман, салдат (Здравствуй, солдат). Я ответил: "Аман" - и потом спросил Мустафу - кто это?

- Чеченец, - отвечал Мустафа, - этого и окрестных аулов начальник. Тысячным прозывается. В случае какого приказа от Шамиля к тревоге, он выгоняет из аулов вооруженных людей и представляет, куда следует.

После этого Мустафа разговаривал с тысячным минут 10 по-чеченски. Потом тысячный через Мустафу спросил меня - сколько у русского царя войска? Я отвечал, что два миллиона. Мои собеседники очень этому удивились тысячный полагал, что в России только и войска, которое дерется с ними в горах. Тысячный сказал еще, что у них есть свой порох; делают его тавлинцы; он не так силен, как русский. При этом тысячный высыпал из одного патрона порох и показал мне. Порох похож на наш пушечный, только помельче. Русский порох черкесы доставали от мирных черкесов по 2 абаза (40 коп.) за фунт. По

словам тысячного, у Шамиля пушки лили беглые поляки.

К вечеру черкесы ушли из сакли, а в том числе и тысячный. Остались только четыре молодых черкеса и один старик да Мустафа, который сказал:

- Тебе скучно; я принесу карты, и будем играть.

Он ушел; а один из черкесов принес ножные железы и сковал мне ноги. Скоро Мустафа возвратился с новенькими картами. Мы сели у камина, в котором ярко горел огонь. К нам присоединились два черкеса, и мы стали играть в дураки. Черкесы играли плохо; но я нарочно оставался дураком; они были очень довольны и смеялись надо мной, говоря: "салдат теньтяк" (солдат дурак). Часа через два хозяин принес мне чурек; я бросил карты и начал его есть с водою, которая была в чугунном кувшине. Эта вода служит черкесам для умыванья рук и лица, когда они идут в мечеть на молитву. Поевши, я начал опять играть в карты, и играли до позднего вечера. Потом Мустафа сказал мне: хочу спать - и стал собираться уходить. Я просил его прийти ко мне завтра, и буде услыхал бы в ауле какую новость, то поделился бы ею со мной: ведь так приятно было слышать хоть что-нибудь!.. Когда Мустафа ушел, молодые черкесы легли спать, а старик предварительно осмотрел на мне железы, привалил к двери стоящую посередине сакли наковальню и потом уже расположился спать. Я лег у самого огня под своей шинелью, но долго не мог заснуть от разных невеселых дум.

12 февраля

Проснулся я рано. Товарищи мои еще спали крепким сном. Я прозяб и стал разводить огонь в камине. Когда рассветало, загалдел в ауле народ, замычали коровы, заблеяли бараны, закричали петухи, кудахтали куры, ревели буйволы, в лесу кричали филины. Товарищи мои встали и выходили из сакли. Я тоже вышел подышать свежим утренним воздухом. Небо было пасмурно; с гор расстилался по аулу густой туман; на высоких чинаровых деревьях висел серебристый иней; вдали шумела по камням реке Яман-су. Я возвратился в саклю и сел у огня. Чрез несколько времени пришел ко мне хозяин с каким-то одеяньем и пантомимно объяснил, чтобы я переменил свой костюм; при этом он отпер мои кандалы. Я надел рубашку, столь грязную, как у трубочистов, овчинную, дырявую шубу, на ноги - худые "чевяки", а на голову - рваную шапку. В этом наряде я, вероятно, похож был на пугало, что ставят в деревнях на огородах. Хозяин запер у меня кандалы, взял с собой мою одежду и вышел из сакли. Спустя

немного, жена хозяина принесла мне кашицы с салом и несколько более обыкновенного чурек. Лишь только окончил я свою трапезу, как пришел Мустафа; он сказал, что был у тысячного, который ему передал, будто меня скоро поведут к Шамилю; только мой хозяин уговорил его повременить, обещаясь дать ему за это подарок. Тут мне пришло на мысль: не хлопочет ли Осип Фавишевич о моем выкупе. Кроме меня и Мустафы в сакле никого не было. Я его спросил: нельзя ли мне как-нибудь бежать отсюда? Мустафа отвечал, что он душевно рад бы мне помочь догом деле; но одному ему тут ничего не поделать, а кому-нибудь сказать об этом он страшится. Впрочем, завтра ночью он отправится в Андреевский аул к своему семейству и, может быть, что-нибудь разведает там относительно моего освобождения. Тут пришли мои товарищи и некоторые другие черкесы. Мы стали опять играть в карты, и, как вчера, я умышленно оставался дураком, чем доставлял видимое удовольствие черкесам.

Вечером мы остались с Мустафой одни. Четверо моих молодых товарищей не показывались. Мустафа сказал, что они уехали на воровство.

- А куда? - полюбопытствовал я.

- Они и сами не знают, когда выезжают из своего аула, - отвечал Мустафа. - Обыкновенно ездят и бродят, как голодные волки, по разным дорогам и близ мирных аулов. Если кто встретится - ограбят; попадется скот - угонят. Они неустрашимы. Этим только и живут. Да вот еще - кого в плен возьмут; если не убивают - продают.

При этом Мустафа грустно взглянул на меня, а мне было грустнее его. - Он простился со мной. Хозяйка принесла мне чашку кашицы и чурек. Потом пришел старик, осмотрел на мне кандалы, не забыл привалить к скрипучей двери наковальню и расположился спать. В камине горел огонь. С тревожными мыслями заснул и я.

13 февраля

Проснулся рано. Старик встал, посмотрел мои кандалы, взял топор и ушел из сакли. Я остался один и с горечью вспомнил этот незабвенный в моей жизни день: в этот день скончался дражайший мой родитель. Слезы ручьем полились из глаз моих... Явился хозяин, поздоровался со мной и ушел. Хозяйка принесла кашицы и чурек. Спустя немного, забежал ко мне Мустафа, - сказал, что ему сегодня некогда и завтра, по возвращении из Андреевского аула, у меня будет. Я вышел из сакли и тяжелыми

стопами направился в гору. Хозяин прошел мимо меня, но не сказал ни слова. Сел я на приталинке, как жаворонок, возле огромного чинарного дерева и стал рассматривать окрестность. Солнце ясно выкатывалось из-за гор и своими лучами пригревало землю. С гор журчала вода; река Яман-су шумела. С деревьев осыпался иней. В лесу черкесы рубили столетние чинары, которые с треском валились на землю, и их возили на буйволах в аул. Жаворонки пели; филины кричали каким-то странным голосом. Черкешенки гнали на водопой скот; некоторые носили из протока на плечах воду в кувшинах. Ко мне подходили ребятишки; у них были кинжалы и небольшие пистолеты. Они садились возле меня и смотрели очень недружелюбно. Между собой говорили по-чеченски, и я не понимал. Но вот я остался один, стал смотреть в землю и тут заметил: что-то светится, вроде звездочек. Покопал щепкой немного в земле - звездочки умножались. Мне пришло на ум, что это, должно быть, какой-нибудь горный металл, я подумал: дай Бог нашему царю скорее покорить Шамиля с его хищными народами и завоевать эту мятежную землю, в которой можно найти немало богатства и изобилия; Бог даст, настанет конец этим постоянным браням и кровопролитиям, и наш царь овладеет этою прекрасною страной... В сих размышлениях я заметил - вдали с горы к аулу спускались какие-то два человека в белых чалмах, ведя оседланных лошадей. Хозяин мой, увидев этих людей, пошел к ним скорыми шагами и долго о чем-то с ними разговаривал; причем все трое посматривали на меня. Когда те отправились далее, хозяин подошел ко мне и, вздохнув, спросил:

- Сенике катан бар? (Есть ли у тебя жена?)

- Бар катан улу нике кыз (У меня есть жена, сын и две дочери). Хозяин опять вздохнул и пошел от меня в свою саклю. Я совершенно терялся в догадках: для чего это он спросил меня о моем семействе? Я думал, что нет ли тут какой связи с моей запиской к Осипу Фавишевичу, у которого я просил для выкупа меня 300 рублей. Мне по опыту известно, что худо делается скоро, а добро творится медленно. И Фавишевич едва ли обратит внимание на мою записку. Вот если бы он хоть догадался и написал жене моей в Выездную слободу - другое дело: жена, может быть, как-нибудь собрала бы в Арзамасе от сродников и знакомых требуемую сумму. Но это дело могло очень затянуться. Я заплакал неутешно... Уже вечером, когда воздух начал чувствительно холодеть, я приплелся в саклю, поужинал известной кашицей с чуреком и расположился у огня. Пришел мой неизменный страж - старик с охапкой дров и, бросив их возле меня, сердито сказал: "Ма, салдат, от - сал" (На, солдат, клади в

огонь). "Что ж, - подумал я, - от безделья и то рукоделье", и стал подкладывать дрова в огонь.

14 февраля

Рано утром пришел ко мне Мустафа и сказал, что он только что прибыл из Андреевского аула, где виделся с своей женой, которая передала ему обо мне следующее: на другой день моего плена (9 февраля), утром, Фавишевич будто бы заявил полковому командиру Козловскому, что ночью я не пришел домой из Андреевского аула, куда он, Фавишевич, послал меня по делу. Полковник полагал, что меня убили андреевские татары или передали в горы хищникам, и поэтому приказал солдатам искать меня по подозрительным в ауле саклям; но эти поиски, разумеется, оказались тщетными. На другой день найдена была по дороге в аул та записочка, которую я писал Фавишевичу о своем выкупе, и теперь будто бы полковник, по просьбе Фавишевича, хлопочет выкупить меня или сделать промен на хищников, содержащихся на обвахте. Но когда это будет - неизвестно. Разумеется, я был очень рад этим вестям. - После этого хозяин принес мне известный обед; я стал есть, а он разговаривал с Мустафой. По уходе хозяина, Мустафа передал мне свой разговор с ним. Хозяин говорил, что вчера мимо здешнего аула проезжали два черкеса из купцов, узнали, что у него есть пленный (то есть я) и покупали меня за 100 баранов; но хозяин на это не согласился и сказал, что он еще подождет - не будет ли лазутчика из Андреевского аула насчет выкупа меня за деньги: это для него удобнее, так как деньги всегда можно иметь при себе, а скот держать опасно, даже от набегов русских. Потом мы целый день играли в карты. Уходя, Мустафа сказал мне, что, кажется, его скоро простят, и тогда он будет в состоянии отсюда меня украсть. Обрадовало меня и это. Я заснул с приятными мечтаниями. Сон мне привиделся: будто мой покойный родитель, пришедши ко мне в эту саклю, сказал: "Что ты, Николай, здесь сидишь? Я тебя давно ищу. Пойдем скорее". И, взяв меня за руку, повел из сакли. Мы вышли на ровную, чистую дорогу; по обеим сторонам зеленелись обширные луга с сочной высокой травой и цвели цветы. Я был очень рад... и проснулся.

15 февраля

Я начал разводить в камине огонь. Старик проснулся, быстро

встал, посмотрел на мне кандалы и взглянул на дверь: она была не завалена наковальней. Старик покачал головой и чуть слышно сказал: "Алла, алла". Чрез несколько времени хозяйка принесла мне обычную порцию кашицы и чурек. Поевши, я пошел из сакли на прежнее место к высокому чинару; сел на камень и, смотря как бы на знакомую местность, призадумался. - Ко мне подошел пожилых лет мужчина; в одной руке он держал деревянную необделанную ложку, а в другой - род топорика, которым ложку эту обделывал. Он поздоровался со мной, сел и изломанным кумыцким языком стал говорить; я с трудом понимал его. Мужчина объяснил, что он тавлинец, живет в здешнем ауле. При этом он указал рукою на одну из саклей. Потом говорил, что у него есть много всякого хорошего оружия, овец, лошадей и рогатого скота; имеет дочь. Вслед за тем совершенно неожиданно для меня он предложил мне, чтобы я взял дочь его в замужество и остался здесь навсегда. Я ему отвечал, как умел, что у меня есть жена и дети, и закон наш не позволяет жениться при живой жене. Тавлинец покачал головой, вздохнул и задумался. Потом он стал обделывать ложку, которую я похвалил. Он ушел от меня, не сказав более ни слова.

День был ясный, теплый. Я просидел до вечера, когда стало холодать: тут я возвратился в саклю; развел в камине огонь. Пришел Мустафа и сказал, что он был в мечети. Вслед за ним хозяин принес мне молочной кашицы с сорочинским просом и два куриных яйца, промолвив, что сегодня у них "байрам" (праздник). Потом он начал разговаривать с Мустафой, который разговор этот переводил мне. Хозяин говорил, что, по случаю давнишней брани с русскими, у них в горах все дорого; не будь этой брани - было бы совершенно наоборот: самый хлеб ничего бы не стоил, потому что почва здесь плодороднейшая. Житье им стало трудное и потому, что надобно бояться и Шамиля, и русских, которые всегда могут напасть на них врасплох и истребить до основания. Поэтому, если ему, хозяину, удастся продать меня в горы или получить выкуп от русских, то он оставит здешние места и примет русское подданство. Мы стали играть в дурачки. Чрез несколько времени вошел в саклю рослый, совсем вооруженный черкес, которого хозяин и Мустафа приняли благосклонно и с почтением просили садиться. Этот черкес посмотрел на меня очень свирепо, как зверь; казалось, своими быстрыми глазами он хотел съесть меня. Такой взгляд был для меня неудивителен, потому что редкий азиат смотрел на меня с улыбкой или сожалением. Это и понятно. Все горские народы от века своего жили свободно и не зависимо ни от кого. Только с русскими они вели давнишнюю беспрерывную брань. Во все это

время много пролито русской крови; а из горцев, может быть, из десяти один найдется, у которого не был бы убит русскими дед, отец, сын - какой-либо родственник. Поэтому как же иначе, как не с ненавистью, должен был смотреть на меня азиат?

Пришедшего черкеса я еще не видал у себя в сакле и думал: не пришел ли он сюда покупать меня или вести к Шамилю? Сердце мое забилось. Я спросил о черкесе Мустафу, который отвечал, что это - здешнего аула житель, отважный храбрец, уважаемый всеми, даже самим Шамилем; он только сегодня приехал из гор. Я успокоился. Пришедший черкес не умел играть в карты; он только смотрел на нас. Потом вступил со мной в разговор, выражаясь по-кумыцки с изломанным русским языком.

- Сколько у вашего царя войска? - спросил меня черкес.

- Много, - ответил я. - А у вашего Шамиля сколько?

- Годных к ружью выйдет тысяч 60.

- У нашего царя в 30 раз больше. Черкес подумал и потом сказал:

- Ваши четыре солдата не стоят нашего одного горца. У нас каждый приучен стрелять с малолетства. С малых же лет каждому внушается, что русские много убили наших и они наши враги. Потому черкес модничает убить русского и промаха не дает: дорожит пулей. Опять и то: мы хорошо знаем местность. Русский солдат всегда идет грудью: открыт для наших выстрелов, и мы стреляем то с дерева, то из-за камня. В нас нелегко попасть.

Потом, помолчав, он спросил меня:

- Когда выгоняют скот для питья из Незапной крепости на реку Акташ и бывает ли при нем конвой?

- Поят скот, - отвечал я, - когда взойдет солнце и туман совсем рассеется; если же есть туман, то скот на Акташ не гоняют: боятся черкесов. Да вам зачем это знать?

- Мне давно хочется угнать скот из Незапной, - сказал черкес.

- Но вокруг всей крепости расположены секреты, - возразил я. - Сейчас дадут знать на обвахту; забьют тревогу, и майор Кишинский в самых горах вас будет преследовать.

- Ох, уж этот Кишинский, - сказал черкес. - Много вреда он нам делает. Но когда-нибудь он попадется же нам. Тогда с живого кожу сдерем и вам пришлем чучело. Нам много еще вредит ваш толстый полковник[17]; и до него доберемся. Он прошлой весной много наших черкесов перебил.

- Да, правда, - заметил я. - Хоть меня в то время и не было, но я слышал, что 23 апреля приходил Шамиль к Незапной крепости и полковником Козловским был прогнан с большим уроном.

После этого разговора черкес ушел. Затем Мустафа рассказал мне новость, что Шамиль издал повеление по всей Чечне, чтобы

его подвластные горские народы не курили табаку и не пили водки. Какой смысл в этом повелении - мне было неизвестно. Я спросил Мустафу:

- А что, исполняют это повеление?

- Да, - отвечал он, - в самой точности. Даже и я не могу курить здесь явно, а курю секретно; потому - как раз наживешь себе худо.

Мустафа просидел у меня до поздней ночи и потом ушел в свою саклю. Мы остались вдвоем со стариком, который скоро заснул. А я начал думать. нельзя ли бы мне убежать как-нибудь? Вот если бы можно было чем-нибудь разбить железы или отпереть их. До Незапной не более 40 верст; дорогу я по мню. Но если навстречу попадутся хищники - что тогда? Положим, я могу взять со стены кой-какое оружие, но ведь все-таки я буду один в дороге... Вдруг собачий лай разнесся по всему аулу; люди начали громко кричать. Старик проснулся, выбежал из сакли и чрез несколько времени возвратился, сказав мне: "Кас кыр-кельды" (К скоту пришли волки). Шум в ауле продолжался не более полчаса, и затем все смолкло. Старик уснул, а вместе с ним и я.

16 февраля

Утром пришел ко мне хозяин и после приветствия "аман" рассказал мне, что ночью приходили волки и утащили много овец. Хозяйка принесла мне кашицы и чурек. Потом пришел ко мне Мустафа с известием, что поутру тысячного зачем-то потребовали к Шамилю. "Вот, - подумал я, - теперь, верно, скоро и меня поведут к нему". Между тем приехали четверо моих прежних товарищей, которые ездили на грабеж. Мустафа объяснил мне, что им на воровстве удачи не было никакой и что дня через три они отправятся за добычей на самый Терек. Весь день играли в дурачки. Вечером хозяйка принесла мне известное кушанье, к которому я стал привыкать. Товарищи мои, верно утрудившись в дороге, скоро легли спать, а за ними и старик.

На дворе был мороз; в сакле становилось холодно. Я прибавил в огонь дров и безмолвно грелся. Старик позабыл запереть дверь и завалить ее наковальней. Я задумал бежать. Вышел тихонько из сакли и направился к конюшне: она оказалась незапертой. Я также тихо вернулся в саклю и стал обдумывать следующее: оружие, развешанное по стенам, надобно вынести и спрятать; если черкесы мои и проснутся - не беда: у них не будет оружия. Затем возьму с собой два ружья, пистолет и кинжал; оседлав лошадь, отведу ее из аула сажен 40, разобью кинжалом

свои железы, сяду на лошадь и ускачу. Если попадется кто из хищников - у меня все-таки три выстрела. Да, - думал я, - надо бежать! Благослови меня, Господи! И начал кандалы свои обвертывать тряпкой, чтобы они не бренчали. Только что хотел достать седло и оружие, как один из черкесов заворочался, приподнял голову и, взглянув на меня, спросил: - Не турассан? (Что ты сидишь?)

- Бек сувук (Очень холодно), - отвечал я и затрясся, как в лихорадке. Черкес встал и вышел из сакли, а чрез несколько минут вернулся. Хотя он и лег спать, но все что-то ворочался. Нет, - подумал я, - видно, не настал еще час моего побега, и начал развертывать с желез моих тряпку. После этого я лег у самого огня; но от сильного волнения и мыслей о дорогих родных не мог заснуть до самого рассвета.

17 февраля

День начался обычным движением в ауле. Рано пришел ко мне Мустафа и, вынув из кармана трубку и табак, сказал:

- Хоть Шамиль и запретил курить в горах табак, но - только своим подданным; а вы не подданные - пленные: сегодня здесь, а завтра у русских.

- Твоими бы устами да мед пить, - промолвил я.

Потом пришел хозяин с четырьмя моими прежними товарищами. Он спросил меня:

- Аман-ма, салдат? (Здоров ли, солдат?)

- Бек-аман (Очень здоров), - отвечал я. Хозяин улыбнулся.

Спустя немного хозяйка принесла мне обычное кушанье. Потом играли в карты. Около полудня я вышел из сакли и, сев на толстое сухое дерево, предался своим печальным думам... Тут пришел ко мне хозяин и сказал:

- Юр мень курсетеим ат-каисы урланда Андрев аул у салдат (Пойдем, я покажу тебе лошадей, которых украли в Андреевском ауле у солдат).

Действительно, я увидел великолепных четырех лошадей, принадлежавших батальону Замойского полка, расположенного в Андреевском ауле.

Вечером опять сели за карты. Правда, это - пустое занятие; но в моем положении - и за то спасибо: без этого развлечения обуяла бы меня скука смертная и дума горькая. К полуночи игра кончилась, и я, завернувшись в свою дырявую шубу, подложив под голову кулак, уснул. Мне привиделся сон, будто меня привели к Шамилю, который уже был немолод, с подкрашенною

бородой, худощавый, в пестрой чалме, в белом шелковом бешмете, подпоясанный наборным серебром ремнем, с убранным драгоценными камнями кинжалом; он сидел на прекрасном персидском ковре, поджав под себя ноги. Я ему поклонился, и он также, сказав: "аман, москов". Я сказал: "аман" - и проснулся. Да, - подумал я, - может быть, сон мой осуществится сегодня же. И что со мною будет? Я слышал, что Шамиль круто обходится с нашими офицерами, попавшими к нему в плен. А уж мне и думать нечего о какой-нибудь милости или снисхождении. Впрочем, и то: ведь я не сделал никакого зла повелителю горских народов; так за что же он меня будет тиранить? Но - чему быть, того не миновать.

18 февраля

Утром, по обыкновению, пришел ко мне хозяин и после обычного приветствия сказал:

- Монда турассан сигас кун (Ты здесь сидишь восьмой день).

После этого ушел. "Верно, - подумал я, - хозяин высчитывает цену меня".

Явился Мустафа и передал мне, что если не завтра, то послезавтра тысячный поведет меня к Шамилю.

Я ничего не сказал, а только вспомнил прошедший сон. Хозяйка принесла мне больше обыкновенного чурек и кашицы; она как будто знала, что мне предлежит нелегкий путь к повелителю горских народов. Когда я пообедал, Мустафа, подавая мне трубку, сказал:

- Кури и накуривайся. У Шамиля курить не дозволят. Мы вышли из сакли и сели на пригорке.

- Ты очень изменился в лице, - промолвил Мустафа.

Я согласился, что это может быть, - и снова начал говорить ему о своей тоске, по пословице: "у кого что болит, тот о том и говорит". Потом Мустафа ушел.

Весь день и вечер провел я невыразимо скучно.

19 февраля

Когда я проснулся, в сакле было уже светло. Товарищи мои встали, надели на себя свои боевые доспехи, оседлали лошадей и уехали на грабительский промысел. Скоро пришел ко мне Мустафа, а за ним - хозяин, который сказал мне через Мустафу, что его тревожит тысячный относительно того, чтобы меня вести к Шамилю, и затем с огорчением оставил саклю. Думать надобно,

что это огорчение происходило от того, что Фавишевич не присылал лазутчика с выкупом за меня, а при отправке меня к Шамилю хозяин мог и ничего не получить; значит - труды его и какое ни на есть содержание мое пропали для него даром. Мустафа угостил меня трубкой, обещался прийти ко мне завтра пораньше проводить меня, как поведут к Шамилю, и обо всем поговорить. Он удалился.

Скушав чурек и кашицу, я вышел из сакли и, поднявшись в гору, сел на камне. Знакомые картины!.. Я стал смотреть в ту сторону, куда меня поведут: там синели высокие горы, на вершинах которых белелся снег и клубился густой туман, а там - облака неслись по направлению полуденного ветра к северу. Выглянуло солнце, но прискорбное сердце мое не находило отрады...

Ко мне подошел как будто черкес, невысокого роста; при нем был один кинжал. Подошел ко мне и чисто по-русски сказал: "Здравствуй, брат". Это меня удивило, и я полюбопытствовал узнать: кто он?

- Я, - сказал он, - Кабардинского полка солдат, татарин. Из полка бежал уж года три. Живу здесь, в ауле. Вон моя сакля. (При этом он протянул правую руку к краю аула.) Я видел, когда тебя вели два брата - кумыки. Говорят, из Андреева аула. У меня знатная собака; первая в здешнем ауле.

- Видел, брат, твою собаку, как вели меня в этот аул. Собака злая. Если бы ее в Россию - для гуртовщиков, то не пожалели бы и ста рублей, потому - не подпустит к скоту хищного волка. А какой ты губернии и уезда?

- Оренбургской, - отвечал он, - Каргалинской слободы житель.

- Я, любезный, очень хорошо знаю Оренбург и слободу Каргалу. Там у меня есть знакомые купцы и татары. Я покупал у них баранов. Да и на меновном дворе, в 1828 году, приказчик мой имел там лавку и обменивал баранов на красный товар у киргизов.

Солдат спросил:

- А как звали приказчика?

- Иван Семис[18], - отвечал я.

- Я служил у него четыре месяца в том году, - начал татарин. - Водил киргизов в его лавку, именно менять баранов на товар. За это получал от него хорошее жалованье. Но вас в лавке не видал. К вашему приказчику я поступил в августе месяце.

- В это время меня уж не было в Оренбурге. Уехал. Но вот что, любезный друг: какой странный случай видеть в горах, у хищников, своего работника! Как ты сюда попал?

- В солдаты я пошел за братьев; потому - у них дети.

Назначили в этот самый Кабардинский полк. Пригнали на Кавказ. Но как я привык дышать свободой, то не хотел служить, ушел сюда и живу ладно: разве только при большой тревоге потребуют к Шамилю. Да и то отлыниваю. Что я за дурак такой - в своих стрелять? Это противно и грешно. Живу себе здесь, коплю копейку; завелся саклей; хочу жениться. Может быть, здесь и умру.

Тут он попросил меня рассказать ему мою историю жизни. Разумеется, я с удовольствием исполнил эту просьбу и свою печальную повесть заключил так:

- Ты видишь - я теперь пленный человек у хищников. У меня осталось милое, дорогое семейство. Мне его душевно жаль. А как ты ел мой хлеб и слышал обо мне, кто я был таков, - то, добрый работник мой, помоги мне в моем несчастии: помоги мне отсюда бежать. Я могу там дать тебе 200 рублей.

При этом я взял его за руки и сам горько заплакал.

- Я слышал, почтенный мой хозяин, - сказал татарин, - что завтра вас поведут к Шамилю. Вырваться оттуда трудно. Я бы помог вам, только... (Тут он задумался.) Знайте: из этого проклятого аула черкесы часто ездят на воровство или к родным и знакомым в Андреевский аул. Ведь попадешься - смерти не минуешь. А дорога не близка. Положим, до Незапной добежать можно. Все-таки...

Тут татарин опять задумался и потом сказал:

- Мне жалко вас, хозяин, и хочется сделать вам добро. А денег ваших мне не надо, да и трудно получить их: опасно... Когда бы вы вышли из плена, то, по крайней мере, сказали бы, что татарин освободил вас только из одного сердоболия.

Мой собеседник снова умолк. Затем он, оглянувшись кругом, начал говорить мне следующее:

- Да, так: я хочу только помочь вам. И вот что я сделаю: железы на ваших ногах отопру; провожу два караула; дорогу расскажу, а сам вернусь поспешно в свою саклю. Бегите до Незапной, как знаете. Если же на дороге вы попадетесь хищникам и будете живыми возвращены в этот аул или в другие немирные аулы, то никак не открывайте, кто вам отпер железы и выпроводил отсюда. В дороге не медлите.

В порыве радости я произнес:

- Ты - второй отец мой, покровитель и избавитель в гонениях моих и всего рода моего вовеки.

Татарин говорил мне:

- Теперь ступайте в свою саклю: нас могут заметить. Я буду у вас перед вечером, когда ваши хозяева будут в мечети, и принесу вам - чем можно отпереть на ваших ногах железы. Дайте взгляну.

Он посмотрел на ногах моих железы и, сказав "хорошо", молвил:

- Ужо, как выйдете из сакли, идите вон по той тропинке (он указал рукой) и ждите меня. Я свистну.

У меня был точно чад в голове. Неужели это правда? Ведь правда так несбыточна!.. Я утер кулаком катившиеся по лицу моему слезы и пришел в свою саклю. Растопил камин и стал смотреть на свои железы. Будет ли мне обещанный ключ отпереть их? Жду не дождусь своего благодетеля-татарина. Но вот он торопливо вошел в саклю и сказал:

- Давай отпирать ваши железы: скоро из мечети придут хозяева.

Он вынул из кармана какие-то четыре железки, из коих одной было очень ловко отпереть замок на моих кандалах. Эту железку я взял.

- Иди тихо, - сказал татарин, - как бы собаки не услыхали. И поспешно ушел.

Хозяйка принесла мне чурек и кашицу. Я подумал: "Может быть, в последний раз угощаюсь этим кушаньем". - Покушавши, осмотрел свои чевяки: они были худые. Ни чулок, ни портянок нет. Я разодрал неприглядную хозяйскую рубашку, в торопливости, дрожащими руками обмотал свои ноги и надел худые чевяки. - Пришел мой страж-старик, сел возле огня и стал со мною греться. Потом он осмотрел на мне кандалы, завалил дверь наковальнею и лег спать. "Господи! - подумал я. - Может быть, этот старичок в последний вечер исполняет свой дозор: осматривает на мне железы и запирает дверь. Когда я уйду, он, вероятно, получит за меня жестокие побои". Мне стало его жаль (а себя - не скрою - больше). Я лег возле старика и притворился спящим. Через несколько времени, будто во сне, я толкнул старика ногой, но он лежал, как убитый. Тут я встал, перекрестился, отпер замок на кандалах железкой, которую мне дал татарин, взял небольшую палку и тихо, осторожно вышел из сакли. Собаки не почуяли меня. Выбрался я из аула и по указанной тропинке пошел на гору. Тут остановился близ толстого чинарового дерева и стал прислушиваться. Прошло минут 10. Слышу - кто-то идет ко мне по тропинке и, остановившись на минуту, тихонько свистнул. Это был мой благодетель-татарин, вооруженный по-черкесски. Мы пошли скорыми шагами. Я не чувствовал под собою ног - как перо на воздухе поднимался. Перешли вброд Яман-су и поднялись на гору в лес. Тут добрый сопутник мой сказал, что один караул надобно обойти лишнего версты на три, чтобы не попасться с этого караула возвращающимся в свои аулы хищникам.

- Ради Бога, веди, где знаешь, - сказал я. - Я теперь пройду не только что три лишние версты, а и двадцать.

Мы подошли далее в лес, без дороги, снегом, который под нашими ногами проваливался. Мои худые чевяки были полны снегом; но мои разгоряченные ноги того не чувствовали. Вышли из большого леса в маленький, на узенькую, чуть видную тропку. Потом спутник приказал мне сесть в стороне под куст; а сам пошел по тропинке к караулу разведать: спят ли часовые? Минут через 15 благодетель мой пришел ко мне с поспешностью, говоря, что все караульные спят. Мы пошли тихо, с осторожностью. Вот - и те ворота, через которые вели меня аульские хозяева в плен. Я взглянул на караулку, в которой горел небольшой огонь, и - сердце мое забилось. Пролезли в ворота очень осторожно; от них дорога пошла под гору, к речке Эраксу. Отсюда немного; добрый провожатый мой остановился и сказал:

- Я, хозяин, больше провожать тебя не могу. Вот тебе дорога. Вправо не сворачивай - попадешь в немирный аул Аухи. Если влево пойдешь, когда перейдешь Эраксу, то выйдешь в мирный Акташ-аул или на большую дорогу, которая идет с линии Акташ-аула, и тебе будет все равно бежать до Незапной ли крепости или до Акташ-аула. Если же не собьешься с прямой дороги, то прибежишь в Незапную прямо. Будь осторожен, прислушивайся. Чуть что заслышишь впереди - бросайся в сторону. В случае, поймают тебя хищники - не сопротивляйся; становись на колени и проси прощения: они это любят. Не теряй времени; оно для тебя дорого. Прощай. - Он крепко пожал мою руку и промолвил: - Если благополучно доберешься до Незапной, вспомни, что я сделал это для тебя из сердоболия. Прощай. Я поклонился ему в ноги и поцеловал его.

Как стрела пустился я под гору. Добежал до Эраксу, перебрел ее по колена и побежал далее, опять под гору. По обеим сторонам был лес и небольшие каменные утесы. Мне мерещилось, как будто за мной бегут. Остановлюсь на минуту, прислушаюсь - и снова бегу. Дорога стала суживаться. Вот татарские кладбища; скорее - мимо их. Ноги мои начали путаться в наполненных снегом чевяках. Пот с меня лил градом; страшную жажду утолял снегом, который хватал пригоршнями. Так пробежал я примерно верст 20 и сел в изнеможении на снег. Как от лошади после долгой езды в морозную ночь шел от меня пар. Я заслышал: кто-то по тропинке едет. На голове мокрые волосы встали у меня дыбом. "Ну, теперь не миновать мне своей погибели", - мелькнуло у меня в уме. Я начал всматриваться вперед, откуда явственно слышался какой-то шорох, и увидел огромную дикую свинью. Как быть? Когда свинья приблизилась ко мне сажени на две, я

крикнул что было мочи. Свинья шарахнулась с тропинки в сторону и, сделав несколько прыжков, в снегу завязла. Потом полезла далее. Я тихо пошел по тропинке, не спуская глаз с дикого животного. Отойдя сажен десять, пустился бежать, что называется, во все лопатки. Долго ли бежал, не помню. Тут и черкесов забыл. Остановился, посмотрел назад: не бежит ли за мной свинья? Нет, и рысью побежал далее. Взмокшая на мне шубенка стала тяжела; впору бы ее и сбросить. А снег беспрестанно бросал себе в рот, как воду на каменку. От свиньи отбежал приблизительно верст 10. Мои портянки и чевяки размочалились. Я пошел шагом. Начала заниматься заря. Дорога виднелась впереди шире и шире, и мне было очень способно бежать. Вот и лес стал реже. Потом - дорога санная, мне попутная: верно, в Незапную. Тут я, немного отдышавшись, тихо проговорил: "Господи! вынеси раба твоего грешного. Не попусти врагам или зверям растерзать мое нечистое тело на чужбине. И приведи мне быть у Твоего св. гроба в Иерусалиме, чтобы пролить чистосердечные мои слезы за столь щедрые и богатые Твои милости". - Светало. Мне подумалось, что откуда-нибудь, издали, хищники могут меня завидеть и мне будет невозможно укрыться от них. Я бежал, сколько осталось сил моих. Слезы лились от встречного ветра; но мне было не до них... Вот вдали, по правую сторону, я увидел башню Незапной крепости, а там - и Андреевский аул. Скоро лес совершенно кончился. Я побежал на большую дорогу, которая шла с линии от Терека. Вон часовой на крепостной стене. Я прибежал к форштадтским воротам и упал замертво...

Фавишевич ужаснулся, увидев меня в таком поистине плачевном виде, и был очень рад моему возвращению. Он по-прежнему взял меня к себе на службу. Хотя и искажена была моя голова, но в ней, благодаря Бога, ум не повредился. - Прошло близ месяца, и я начал хлопотать по делу о моем плене. Пришел к полковому командиру Козловскому, рассказал ему все дело и просил выдать мне свидетельство о том, что в плену у хищников я действительно был. Командир сделал мне строгий выговор за то, что я иногда поздно ходил в Андреевский аул; однако приказал отобрать от меня в полковой канцелярии подробное объяснение, выдать мне надлежащее свидетельство и отнестись к начальнику левого фланга генералу Гасверту.

После того Фавишевич дал мне поручение ехать на линию до Ставрополя для разузнания цен на скот. Это поручение мне теперь было как нельзя более кстати. 21 марта я отправился верхом, при "оказии", до Терека, а потом один, по большой дороге, на старое свое пепелище - Пятигорск. Здесь с старинными

приятелями провел первые три дня Пасхи и двинулся в Ставрополь. По приезде сюда, на Фоминой неделе, в понедельник, я подал прокурору, с приложением свидетельства о плене, прошение, коим ходатайствовал "об освобождении меня от помещичьего владения". После того возвратился в Незапную крепость.

Помнится, в первых числах мая месяца у нас разнесся слух, что Незапную посетит главнокомандующий граф Михаил Семенович Воронцов. Он осматривал в горах все укрепления. Ехал будто бы из Тифлиса чрез Темир-Хан-Шуру и аулы: Казиюрт и Кустяки, а затем и Андреевский. В назначенный день мы все вышли за крепостные ворота встречать высокого гостя. Когда граф с многочисленным конвоем и свитою показался из Андреева аула, началась стрельба из крепостных орудий. Он, украшенный сединами, ехал на белой черкесской лошади. С лица его не сходила приветливая улыбка. Подъехав к нам, граф спрашивал: нет ли кому от кого обиды или притеснения? Тогда полковник Козловский представил меня пред лицом графа. Его сиятельство очень ласково со мной говорил и расспрашивал о моем плене. В заключение он с улыбкою сказал:

- Молодец! Скоро ушел от них. Верно, тебе там не понравилось.

И с тем поехал от меня. В крепости был развод, которым граф остался доволен и благодарил Козловского. На другой день граф оставил Незапную и чрез Баташ-Юрт отправился на линию в Кастыченское укрепление.

По отъезде графа войско из крепостей начало стекаться в сборный пункт - укрепление Таскичи. С своими нагруженными разного провизией арбами притащились и мы. Войска собралось тысяч до 30. Скоро прибыл граф Воронцов и выступил из Таскичей к Незапной[19]. В одном месте войско расположилось на отдых. Зной был нестерпимый, и потому всеми чувствовалась сильная жажда. От меня потребовали для графа портеру. Я взял с дюжину бутылок и с ними явился к графу. Он спросил: какого я полка маркитант? Козловский отвечал, что вверенного ему полка.

- Да это горский пленник, - сказал с улыбкою граф. - Сколько стоит бутылка портеру?

- Два рубля, - отвечал я.

Граф подивился, что так дорого. Я высчитал все расходы, во что обходится каждая бутылка маркитанту. Граф покачал головой и сказал:

- На тебе за десять бутылок (20 руб.). Я поклонился и пошел к своему обозу.

29 мая войско под начальством графа Воронцова выступило

из Незапной на Метлинскую переправу через реку Сулак. С этим войском пошел сам Фавишевич, а я получил расчет и 12 июня отправился в Ставрополь.

Здесь, в областном правлении известное дело мое затянулось разными справками, перепиской да проволочками. Между тем я получил от жены письмо с известием, что там, на родине, прошел слух о моем плене и новый бурмистр (Тархова уже не было на свете) писал в Незапную крепость, в полк, чтобы я выслан был по этапу на родину. Но из полка отвечали, что меня там нет и потому все находятся в недоумении относительно моего пребывания. А я спокойно торговал в лавке знакомых купцов и ждал решения своего дела.

Наступило 16 число октября. Поутру пришел ко мне знакомый чиновник, поздравил меня с освобождением от помещичьего ига и просил идти в Областное правление за получением свидетельства. Выслушал я это и ни слова не мог вымолвить счастливому вестнику. Бывали в жизни моей радости, но такой, как в настоящую минуту, я не испытывал никогда... Господь праведный, как много я чувствую бесконечное Твое милосердие... Отселе начинается для меня новая жизнь...

Как на крыльях прилетел я в областное правление. Столоначальник вынес мне свидетельство, я расписался в исходящей книге в его получении и поклонился столоначальнику в ноги; больше мне нечем было благодарить его. Потом этот чиновник сказал мне, что на днях будет дано знать по сему делу Нижегородскому губернскому правлению для объявления моему помещику и жене моей с детьми. Я еще раз низко поклонился и вышел. Придя к знакомым, начал было читать свидетельство, но слезы радости застилали зрение, и я ничего не мог разобрать. Да, такие редкие, столь счастливые минуты не забываются во всю жизнь. Вот и теперь я стою уже на краю гроба, а вспоминаю их с неописуемым удовольствием.

Денег у меня в это время оставалось 3 рубля да незавидные серебряные часы, которые я разыграл в лотерею за 15 рублей, и я задумался над тем: куда мне пуститься, где приписаться? Тут получил я от двоюродного брата из Херсона письмо, которым он приглашал меня ехать к нему. (Он был извещен мною, что я хлопочу в Ставрополе о своей вольности.) Я так и сделал. Приписался в херсонские мещане и известил жену, чтобы она приезжала с детьми ко мне. Ее старались задержать и притеснить (как она мне рассказывала); но против закона и права ничего не могли поделать местные власти, тем более что главные мои гонители - помещик и главноуправляющий Рагузин в это время отдали Богу свои грешные души. Жена с детьми приехала ко мне

в Херсон, и мы начали жить по-новому.

1846-1852

Я занимался разными коммерческими оборотами. Купил себе в Херсоне небольшой домик. Главная моя забота теперь состояла в том: что делать со старшим сыном, который хоть и хорошо учился в Арзамасском уездном училище, но взят был из 2-го класса. Отдать его в ремесленную работу, но у нас в роду не бывало ремесленников. Пристроить в лавку к какому-нибудь купцу; но тут он мог натерпеться много горя не только от пьяного и безалаберного хозяина, а и от взбалмошных приказчиков, и притом горя бесполезного. Имей капитал я сам, другое дело. Да и то: он все-таки вышел бы неучем. А потому решил: отдать сына своего в Херсонскую гимназию, что с разными затруднениями и лишениями я и исполнил.

Весь 1847 год я почти безвыездно прожил в Херсоне. Побывал только в Таврической губернии, где намеревался купить тарпанов (диких лошадей), и в Кишиневе по делу о наследстве после покойного моего шурина Ланина; но эти поездки во всех отношениях оказались для меня тщетными.

1848 год тоже провел в Херсоне. Упомяну только о случае, бывшем со мною на Масленице. Из города Алешки я переправлялся через Днепр по столь рыхлому льду, что река вот-вот вскроется... ну, и чуть было не погиб в водах этой реки.

В начале 1849 года вдумалось мне побывать в Ростове, с тем, не приищу ли себе какого места, или нельзя ли заняться торговлей, да кстати - не получу ли с одного давнишнего должника сколько-нибудь долгу. Вздумал - и отправился чрез Екатеринослав. В Ростове я нечаянно встретился с одним приятелем из Пятигорска, который сказал мне, что он едет к моздокскому армянину выгонять из черной нефти белую. Тут и во мне явилось желание побывать на столь памятном для меня Кавказе, тем более что по полученным мною здесь слухам еврей Фавишевич торговал в Грозной крепости, и он мог снова принять меня к себе на службу. Денег у меня было очень мало, и потому 1 марта я отправился на Кавказ по образу пешего хождения. Дорога хоть и дальняя, но мне знакомая. Добрался до Ставрополя, где получил долгу 15 рублей. Пошел в Моздок, куда прибыл ровно через месяц по выходе моем из Ростова. В Моздоке я узнал, что Фавишевич живет в Грозной крепости не в прежнем положении, а гораздо хуже, чуть ли не в бедности. Потому я не счел за благо идти к нему и решил возвратиться в Ростов. Зашел в Пятигорск. 8 мая прибыл в Ростов и, здесь пожив малое время, отправился пешком же в Таганрог. Этот город мне показался очень красивым.

В нем обратил я свое внимание на дворец императора Александра Благословенного, в котором сей незабвенный монарх кончал остаток дней своих, и на прекрасный сад, где великий монарх прогуливался и отдыхал. Верстах в двух от города - дубовая роща, посаженная, по сказаниям, при Петре I. Из Таганрога пошел я в Мариуполь, Бердянск, Мелитополь и Бреславль. В последних числах июля я увидел Херсон. К концу года ездил по некоторым делам в Одессу и на Аккерманские соляные озера.

В 1850 году ездил я в Кишинев все по тому же злосчастному делу о наследстве шурина моего Ланина. Магистрат решил: выдать мне 45 рублей 50 копеек - это из пяти-то тысяч рублей! Но в градской полиции и этих присужденных мне денег не оказалось. Я поехал в Одессу и подал прошение генерал-губернатору. Прибыв в Херсон, нашел письмо из Бухареста от одного должника, чтобы приехал к нему за получением денег.

В мае месяце 1851 года я поехал, взяв с собою на всякий случай кинжал, как это со мною случалось при моих скитаниях и странствованиях (Кавказ научил). В дороге за Кишиневом, верстах в 12, около полудня, я зашел в корчму. В ней сидели два рослые, молодые молдавана; они были пьяны. Заметив у меня за поясом кинжал, они набросились на меня, крича, что я разбойник. Один из них вырвал у меня кинжал, причем обрезал себе руку. Я взывал о помощи к корчмарю, но он ничего не мог поделать против буйных своих гостей. Молдаване посадили меня в свою повозку и повезли к Кишиневу. Проехали версты две. Я увидел каких-то людей - тоже молдаван - и стал кричать: "Караул!" Те прибежали к нашей повозке. Один из моих спутников показал им мой кинжал и окровавленную руку и стал говорить, что я обоих их хотел зарезать. Несмотря на мои оправдания, все молдаване кричали в один голос: "Талгар батэ, ляга" (вора бей, вяжи). И связали, и били меня жестоко, и потом прежние два молодые молдавана повезли меня к Кишиневу. Отъехав несколько, они вылезли из повозки, отошли в сторону и, что-то поговорив между собою, возвратились ко мне; взяли у меня все деньги, около 30 рублей, и бумаги. Потом один из них сказал мне (по-молдавански):

- Мы лишим тебя жизни.

Я пал на колени и просил о пощаде. Они вновь отошли и опять стали совещаться.

- Если пустим тебя, будешь жаловаться в Кишиневе, - сказали они, подойдя ко мне очень близко.

- Как я могу на вас жаловаться? - вскричал я. - Ведь я беглый солдат и все документы у меня фальшивые. Пустите меня, я уйду за границу и более вас не увижу.

Тогда у одного моддавана смягчилось сердце, и он молвил своему товарищу: "Ласса" (оставь). После этого они оставили меня в одном бурнусе и поехали к Кишиневу.

Мне бы и надо было этим остаться довольным. Нет, я вздумал искать правды и суда. При этом искании правды меня переводили из тюрьмы в острог, из одного места заключения в другое. Я сидел в арестантской при земском суде, в Кишиневе. Однажды призвали меня в этот суд и, возвращая мне мои бумаги, сказали:

- Ступай, брат, куда хочешь, потому ты ничего не доказал.

Я пошел пешком в Херсон. Но недолго здесь пробыл и отправился в Яссы. Отсюда 18 августа прибыл в Бухарест. Знакомого должника моего, который просил меня приехать за получением денег, здесь не оказалось: он выбыл в Константинополь. Благодаря помощи и содействию знакомых скопцов, я добрался кое-как до Херсона. Старший сын мой был уже в 7-м классе.

В январе следующего (1852) года со мной приключился такой случай: однажды на базаре встретился со мной кум мой, отставной унтер-офицер, с каким-то неизвестным мне человеком. Они пригласили меня в винный погреб и стали расспрашивать меня: каким манером переезжал я границу? Потом кум отвел меня в сторону и сказал, что пришедший с нами человек просит каким-то людям написать билеты для проезда. Я смекнул, что дело нечисто, и посоветовал куму:

- Смотри, это не для тех ли людей он хлопочет, что недавно бежали от какого-то полковника, обокравши его. Разузнай хорошенько и в случае чего немедленно дай знать полиции.

После этого я ушел домой. Кум же отправился с неизвестным человеком к тем людям, которым нужны были подложные паспорты на выезд за границу, - будто для определения их роста и снятия примет, а когда это было исполнено, то он пошел домой, будто писать билеты; но вместо того оповестил полицию. Подозрительных лиц взяли и посадили в острог. Прошло четыре дня. Тут потребовали меня с кумом в полицию и в свою очередь засадили в тот же острог. Оказалось, что неизвестные лица утверждали на допросе, будто я с кумом хотел перевести их за границу. Кума предали суду военно-судной комиссии; он был оправдан. А я без всякого суда просидел в остроге три недели и выпущен: иди, мол, себе с Богом; не поминай лихом. А как не помянуть?!

Сын мой окончил гимназический курс и в августе намеревался ехать в лицей, в Одессу. Я же 29 июня отправился пешком в Москву, а может быть, и в Петербург, с тем намерением - не продам ли кому-нибудь свои тяжебные дела хоть за бесценок.

Денег со мною было 2 рубля. Шел на Николаев до Кременчуга. Денег у меня осталось 20 копеек. Но Бог не без милости и солдат не без счастья. В Кременчуге нашлись попутчики - извозчики с обозом до самой Москвы. Так как мне заплатить было нечем, чтобы сесть на воз, то я шел при обозе. В дороге один из извозчиков сильно заболел лихорадкою, почему он не мог своих четырех лошадей впрягать и выпрягать, поить их, мазать колеса и проч. По просьбе больного извозчика я эту работу исполнял (мне не привыкать стать), за что он позволил мне сидеть на одном возу, поил и кормил меня. В конце июля добрались до Москвы белокаменной. Здесь старые приятели одарили меня кой-какими деньжонками, и я за 3 рубля на тяжелой машине через 48 часов прибыл в Петербург. Свои тяжебные дела продать мне тут не удалось. Чрез несколько дней вернулся в Москву; но и здесь я ничего не мог поделать с своими тяжебными делами. Поэтому скоро отправился в Нижний Новгород для свидания со своей замужней дочерью, которую я давно не видал; да к тому же было и время ярмарки. Прибыл в Вязники, денег у меня осталось 25 копеек. Но тут неожиданно нашел на постоялом дворе серебряную монету в 3 рубля. Порадовался. В конце августа добрался до Нижнего. Свидание с дочерью было для меня трогательно: ведь я не видел ее 9 лет! Прожив здесь неделю, добрался до родины - Выездной слободы. Поклонился праху родительскому; повидался с родными и знакомыми. Скоро я узнал, что бурмистр разыскивает меня чрез полицию. Зачем так? "Но ведь за деньги все можно сделать", - подумал я и сказал себе: Удались от зла и сотворишь благо. Потому я вернулся к дочери в Нижний, а через три дня опять отправился в Москву. Здесь получил из Одессы от сына письмо с известием, что он не выдержал экзамена для поступления в лицей. Это, конечно, было для меня грустно; но подумал и то: выдержит в следующем году; а между тем спознается с нуждой - это лучшая наука. В Москве я столкнулся с одним знакомым, который пригласил меня быть участником в торговле; только в руках у него денег не было; за ними следовало съездить в Петербург. Отправились. Но здесь денег мой товарищ не получил. Проживать мне в северной столице было не из-за чего да и не из чего. Я вернулся в белокаменную. Это было в октябре месяце. Наступили морозы. Пришлось издержать последние деньги на ватную шинель, которую я купил на толкучем рынке за 5 рублей 50 копеек. Собрал кое-как от знакомых доброхотных дателей 14 рублей и договорился с извозчиком до Харькова за 10 рублей. Вместе со мной должны были ехать еще трое: офицер, приезжавший из Швеции в Полтаву на службу, старуха-богомолка и девица-немка,

ни слова не говорившая по-русски, до Харькова же. 12 октября в просторной, обшитой рогожами колымаге мы двинулись в путь. Погода подула холодная, с большим снегом; а на нас, пассажирах, шубного и лоскута не видно. В Серпухове извозчик посадил еще одного пассажира - какого-то булочника, тоже не хитро одетого. Мороз стоял градусов в 20; снег на дороге был глубокий. Ехали ужасно медленно, а зябли очень быстро. В Орле отогрелись. Из Курска двинулись вечером. Отъехали верст 10 - стемнело. Поднялся снежный буран. Ветер жестоко продувал нас в колымаге: рогожи и легкие одеяния защищали плохо. Но вот колымага остановилась: извозчик сбился с дороги. Тут нам пришлось изведать знаменитый наполеоновский марш из Москвы 1812 года. Долго разыскивали дорогу, а когда нашли и добрались до постоялого двора в деревне, то насилу отогрелись. 25 октября приехали в Харьков. Денег у меня не осталось ни гроша. Я пошел на толкучий рынок и продал свой суконный сюртук за 5 рублей. Отправился в Полтаву, а отсюда в Херсон, куда прибыл в конце ноября месяца.

Жена с двоими детьми жила незавидно; она порядочно задолжала. Я продал свой дом, расплатился с долгами, жену поместил у двоюродного брата, а сам 15 декабря выехал в Одессу к сыну, который был учителем в частном пансионе за 50 рублей в год. Переправляясь через Буг в шаланде, чуть не утонул. У сына пробыл недолго. Здесь, в Одессе, прошел слух, что скоро должна быть у нас с Турцией война. Этот слух я на всякий случай принял к сведению и в конце декабря пошел в Кишинев.

1853-1856

В Кишиневе я встретил большое движение, - говор и суету на улицах: ждали и приготовлялись к войне. 16 марта с одним рублем в кармане я отправился пешком в Черновиц для того: не получу ли от поверенного моего Ламиковского за розовое масло деньги, в которых мне предстояла теперь настоятельная надобность. Через города Оргеев и Бельцы я пришел в пограничное местечко Новоселицу. Здесь отыскал одного комиссионера, по обыкновению еврея, к которому у меня было рекомендательное письмо из Кишинева. Еврей прочитал письмо, посмотрел мой паспорт и сказал, что он может препроводить меня за границу; только я должен заплатить ему за это 10 рублей.

- Хорошо, - согласился я. - Но у меня теперь нет денег. Как возвращусь из Черновца - заплачу. Вот извольте посмотреть мои бумаги, зачем я иду в Черновиц.

Еврей не хуже меня читал по-русски, но понимал, разумеется, по-жидовски. Он просмотрел бумаги и согласился исхлопотать мне пропуск за границу. В таможне меня держали недолго, и я пошел в местечко Буяны. Переправившись на легкой лодочке через реку Прут за 3 крейцера, я стал подниматься в Черновиц. День был прекрасный. Мне повстречался молодой человек, по-видимому, студент, который прогуливался по зеленому лугу. Как умел, я начал спрашивать его о моем поверенном Ламиковском - по-польски, по-немецки, наконец по-молдавански. Молодой человек на последнем наречии отвечал мне, что поверенный мой здесь, в Черновце, живет в собственном доме, и показал мне с горы его дом. Но дома я Ламиковского не застал; встретился с ним на улице. Он совсем не узнал меня. И то сказать: ведь не видались около 20 лет. Потом он сказал:

- Я бы рад просить вас к себе в дом; но у меня большое семейство. Остановитесь в трактире под названием "Золотая грушка", я скоро приду к вам.

Пошел я в указанный трактир, занял номер за 20 копеек в сутки и спросил себе чаю да порцию супу. "Мне можно теперь и пороскошествовать, - думал я. - Скоро разбогатею".

Через несколько времени пришел Ламиковский. Побеседовали о прошедшем. Когда коснулись предмета настоящего нашего свидания, то поверенный мой рассказал, что из таможни он розовое масло мое получил; но далеко не сполна, и продал дешево, а деньги давным-давно прожил; теперь он находится в отставке с небольшой пенсией, на которую должен содержать многочисленные семейство, и в настоящее время

никаких денег не имеет.

"Вот тебе и богатство!" - подумал я; но все-таки объяснил ему свои крайние недостатки в средствах к жизни и прибавил, что я пришел к нему из Одессы пешком, чуть не Христовым именем, и теперь нет у меня ни гроша. После этого Ламиковский, вздохнув, сказал, что он у кого-нибудь займет денег хоть на дорогу мне, и, обещавшись прийти на другой день, удалился. Я вышел на базар. Побеседовал с гостеприимными скопцами и встретился с одним знакомым австрийским помещиком. От этих лиц я узнал, что Ламиковский действительно находится ныне в бедственном положении. Как тут быть?

На следующий день пришел Ламиковский и, отдавая мне 14 рублей, примолвил, что больше дать не может. Как ни прискорбно мне это было, но - делать нечего. После этого он удалился прописать мой паспорт для выезда в Россию, а я рассчитался с хозяином гостиницы, отдав за все 1 рубль 20 копеек. Потом я пошел к Ламиковскому в его дом, куда чрез несколько времени явился и сам хозяин с моим прописанным паспортом. Когда Ламиковский рассказал домашним наше дело и что я не имею к нему никаких более претензий, то все семейство очень радовалось, и благодарили меня. После скромного угощения мы расстались. "Где мое не пропадало, - думал я. - А тут - видимо - на пользу. За это Бог не оставит меня", - и пошел к перевозу через Прут.

В Новоселице отыскал известного комиссионера-еврея и объяснил ему свои обстоятельства. Еврей взял с меня вместо 10 рублей только половину. Такому снисхождению со стороны жида я немало подивился: это в первый раз случилось в моей жизни.

В половине апреля пришел в Одессу, куда скоро прибыла и моя жена и поступила смотрительницею в пансион, где мой сын был учителем. С одного должника случайно получил небольшую сумму денег.

Проведя с родными праздник Пасху, 23 мая, я снова пошел в Кишинев. Дорогою попадалось множество войска, направлявшегося в Бессарабию. Придя в Кишинев, я думал поступить маркитантом в какой-нибудь полк; но без денег это устроить было трудно, да жиды уже и успели захватить почти все места. Я призадумался. Полки наши стягивались к молдавской границе, в местечко Лёвы, на реке Прут, в 100 верстах от Кишинева. Я сходил в это местечко, но и здесь места не нашел. Возвратился опять в Кишинев. Тут я повстречался с одним кишиневским мещанином, моим давним приятелем, который ехал в Яссы для продажи нескольких лошадей. А так как дорога в молдавскую столицу мне была хорошо знакома, то он пригласил

меня сопровождать его. Я охотно согласился, и 21 июня мы с работником втроем выехали из Кишинева. Переночевав в местечке Каралаш, поднялись на отроги Карпатских гор. Надобно было верст 6 спускаться под гору, довольно круто, в большой овраг, на дне которого находился колодезь, называемый по-молдавски: "фонтан толгарь" (воровской колодезь)[20]. Я советовал затормозить колеса; но спутник мой понадеялся на лошадей. Я убедил его по крайней мере слезть с повозки. И недаром: на половине спуска лошади с повозкой полетели в овраг к воровскому колодцу. Хлопот нам было немало; управились лишь к вечеру и успели доехать до ближайшей корчмы, стоящей близ небольшой речки, вытекающей из Карпатских гор. Эта корчма носит название "Светлейший" - потому, вероятно, что невдалеке от нее, на горе, по дороге к Скулянам, проездом из Ясс, помер князь Потемкин-Таврический. На том месте и до днесь стоит памятник - высокий каменный столб, обнесенный железной решеткой. При памятнике жил солдат в небольшой будке. - Переночевав в корчме "Светлейший", направили путь в Скуляны. Здесь все было дешево: водка, вино, ром и проч. Спутники мои загуляли. Я, видя дело плохо, ушел от них в Яссы. Здесь один из знакомых мне скопцов подыскал из своих человека с деньгами, чтобы торговать при нашем войске, и просил меня быть участником в этом деле: прибыль и убытки пополам. Я, разумеется, согласился с удовольствием, - и вот я снова маркитант!

Запасшись товаром и всеми маркитантскими принадлежностями, мы с двумя работниками 5 июля выехали из Ясс, вместе с войском, по дороге в Бухарест. Сюда прибыли 16 июля. Но тут оставались только три дня и выехали к Журже. Недалеко от Галтеницы, на реке Аржисе, собралось много разного войска - пехоты, артиллерии, казаков и Нассаусский уланский полк. Расположились лагерем. Я ходил являться к командиру этого последнего полка, полковнику Радину; он принял меня ласково и просил быть при его полку. Я согласился охотно. Стали торговать. На той стороне Дуная, при Туртукае, находился турецкий лагерь, откуда доносилась до нас музыка, бой утренней и вечерней зари, а перед зарями - выстрелы из орудий по одному разу. Неприязненных действий не происходило. Впрочем, в этом месте мы и оставались недолго; да к тому же был слух, что войны вовсе не будет. В августе и сентябре (1853 г.) наши войска имели постоянные передвижения.

Чуть ли не все войско собралось лагерем близ селения Питешты. Здесь князь Горчаков делал смотр войскам, и затем все они разошлись по разным местам на теплые квартиры.

Нассаусский полк был расквартирован в 20 верстах от Бухареста. Наступил октябрь месяц. Тут товарищ мой по торговле от меня отделился; я остался полным хозяином. В конце этого октября получен был приказ о выступлении нашему полку на сборный пункт со всем полковым обозом. На сборном пункте товар был весь распродан, и я поехал в Бухарест для покупки нового. Возвращаясь отсюда, узнал, что Нассаусский полк направился к Галтенице. где на третий день я нашел его расположенным на бивуаках. В один день у меня все было раскуплено. И немудрено: люди голодали, так как подвоза съестных припасов по нестерпимо грязной дороге (от проливных дождей) ниоткуда не было. Скоро полк ушел на зимовку в селении Кривцах; а я опять - в Бухарест за товаром, и так ездил сюда довольно часто.

Торговать было можно, да только осторожно. Труда, хлопот, беспокойства и забот было очень много. Главное, приходилось продавать больше в долг, на книжки. Нельзя сказать, чтобы у офицеров денег было мало; нет, они получали хорошее жалованье. Но как-то так случалось, что им никак недоставало этого жалованья. Лагерная или поквартирная жизнь весьма однообразна и скучна. Надо же чем-нибудь развлечься. Вот и являются на столе карты да вино. Карточная денежная игра была очень в употреблении. Красивые волошки тоже обходились недешево. Частые поездки в Бухарест опять-таки требовали довольно русского золота. Да от скуки-то мало ли каких расходов представлялось!.. Ну и приходилось бедному горемыке-маркитанту отпускать товар в долг. Но с офицерами еще можно было ладить: при получении третного жалованья редко кто из них не платил долгу. А вот юнкера - другое дело. За свою службу они получали очень мало, какие-то гроши, - и потому рассчитывали на деньги из дому, от родных. Придут, бывало, в мою палатку и начнут мне рассказывать о своих отцах, об их доходах и богатствах; у одного отец был какой-то генерал, у другого - богатый помещик, у третьего - купец именитый и т.д. А сами все пьют и едят без денег. Подожди. Но вот наступило время расплаты; тут уж пошли другие разговоры: то из дому не прислали, то пропали на почте, то хранятся в полковом ящике, то вчера в карты проиграл, то выиграл, да не получил, и так без конца. А не дал в долг - и не только ничего не получишь, но ожидай себе еще какого-нибудь посрамления. - А то войдет в палатку партия солдат: один кричит - давай, другой - давай, а третий - сзади даром взял. Случалось: у солдата брюхо болит, коли где плохо лежит. Иной выпьет, закусит, скажет: "Завтра отдам" - да и пошел. Догонять его не будешь: пропадет еще больше. Вечером пожалует вахмистр; надо с ним заняться,

угостить как следует (он подчас человек необходимый). А тут идет взводный, и его надобно почестить; за ним привалит обход, человек 12, скажут: "Гаси огонь", и их необходимо чем-нибудь задобрить. Да всего и не пересчитаешь, сколько расходу для маркитанта. Какой же прибыток мог быть от такой торговли?..

Но как бы то ни было, только я торговал при Нассаусском полку до 1 марта 1854 года. Накануне этого числа получен был приказ: полку повелевалось выступить на Дунай, в Турно. Ночью собрались, а рано утром двинулись в поход. Сделалось тепло, снег растаял, грязь увеличилась. 3 марта пришли в Журжу, а отсюда через три дня прибыли в небольшой городок Александрию. Тут полк наш разделился: два эскадрона пошли на Дунай, к городу Зимнице, а четыре эскадрона следовали в Турно. С этими последними был и я. В Турно войска собралось довольно; из наших три эскадрона остались здесь же, а один эскадрон, к которому и я примкнул, пришел за реку Голту, в местечко Излазы, расстоянием от Турно верст 12. Это селение стояло на левом берегу Дуная, по которому у нас устроены были шанцы с небольшим бастионом и двумя амбразурами; в укреплениях постоянно находились солдаты. Против самого селения был остров с большим лесом, по берегу коего тянулись небольшие турецкие укрепления, а за островом, по ту сторону Дуная, на горе, близ молдавских селений, находился турецкий лагерь. Через Дунай ежедневно происходила перестрелка; но от турецких пуль нам не происходило никакого вреда. Впрочем, было не без опасности. 10 марта мне вздумалось пройти по нашим шанцам. Я пригласил с собою вахмистра. Остановились на одном месте близ шанца, и перед нами открылся прелестный вид на Дунай. Мы стали любоваться. Вдруг откуда ни возьмись, унтер-офицер толкнул нас за какой-то молдаванской постройки плетеный чулан, где и сам остановился. Не прошло минуты, как мимо нас со свистом пролетела пуля, потом - другая, третья. Мы укрылись в шанце. Последовали выстрелы и с нашей стороны. Через четверть часа перестрелка прекратилась. "Вот тут и любуйся веселым Дунаем, - раздумывал я, возвращаясь в свою палатку. - А унтер-офицер, верно, смекает свое дело. Спасибо ему". - Жители в Излазах очень боялись турок; они зарывали свое имущество в землю или вывозили его в другие деревни.

Великим постом я поехал в Турно для покупки разной провизии. Этот городок новый; заведен он, как я слышал, в 1830 году нашим генералом Киселевым, который находился тогда в Валахии главным представителем от русского правительства. Турно стоит на небольшой возвышенности, в полуверсте от Дуная; а на противоположном берегу была незначительная

крепость Никополь. Рассказывали местные жители, будто в этом маленьком городке была древняя молдаванская церковь и в ней чудотворный образ св. Николая; отсюда и название городка - Никополь. Здесь - по рассказам, ходившим в Турно, - находилось довольно много турецкого войска; но это было не регулярное войско, а какой-то сброд, с башибузуками во главе. В справедливости таких рассказов нам скоро пришлось убедиться воочию.

Запасшись товаром, я возвратился в Излазы, где, поторговав недолго, поехал в город Каракуль, расстоянием от Излаз около 45 верст. Тут торговля моя пошла хорошо, потому что нашего войска и стояло здесь довольно, и много проходило его в Калафт, что на Дунае. На возвратном пути из Каракуля я увидел Балканские горы; после виденных мною разных гор прежде, они меня мало удивляли.

11 апреля наступила Пасха. После заутрени и обедни, отслуженной молдаванским священником в местном маленьком деревянном храме, я пошел по начальству христосоваться. К полудню началось в селении гулянье, а у меня в палатке - торговля. Все в этот день радовались и веселились; по-видимому, и забыли о турках, что они близко. - На другой день пришел к нам Подольский полк, бывший в Четати на Дунае и участвовавший в сражении при Калафате. Побыв в Излазах немного, полк отправился в Турно. - На 3-й день Пасхи мы увидели на турецкой стороне спускавшихся с горы к молдавской деревне несколько орудий большого калибра. Скоро раздались из этих орудий выстрелы. К счастию, ядра перелетали и наши шанцы, и селение и не делали нам никакого вреда. Но страху все натерпелись вдоволь. Сделав выстрелов 50, орудия двинулись по дороге к Никополю. - На 4-й день убит был один артиллерист: это единственная жертва турецкой пули. - В ночь на 15 апреля вся находящаяся в Излазах пехота выступила в Турно; остался только наш уланский эскадрон, а днем, этого 15 числа, последовало распоряжение, чтобы и этот эскадрон был наготове к походу опять-таки в Турно. Уланы засуетились, а вместе с тем поднялась суматоха и во всем селении. Жители догадывались, что дело, должно быть, неладно, и с плачем собирались с нами или идти куда глаза глядят.

Ночь на 16 апреля мы не спали; чего-то ждали. Мой фургон был совсем готов в дорогу. Наступило утро. Уланы начали приготовлять себе завтрак. У меня в палатке сидел вахмистр, мы пили чай. Было около 8 часов. Вдруг по направлению к Турно послышалась пальба из орудий. Минут через пять прискакал донской казак с приказом, чтобы эскадрон сейчас же отправлялся

в Турно. Мой вахмистр опрометью бросился к ротмистру; уланы торопливо садились на коней и съезжались в одно место на улице. Ротмистр прибежал ко мне, как угорелый, прося меня посадить к себе в фургон одну прекрасную особу. Я взял эту спутницу и поспешно выехал. Мы перебрались через реку Голту; эскадрон нас не догонял. "Что бы это значило? Верно, он поскакал ближайшей дорогою", - подумал я. Между тем в Турно, на Дунае, происходила страшная пальба; лес и окрестности наполнились пороховым дымом. Моя спутница от страха не переставала плакать и просто не знала, что с собой поделать. Я погонял лошадей: хотелось быть на месте битвы. Когда фургон мой поднимался на гору к Турно, пальба прекратилась. Оставив на квартире фургон и спутницу, сам поспешил на базарную площадь. Наш эскадрон из Излаз только что пришел. На площадь шли войска с музыкой и песнями. За ними вели пленных турок, которых было 130 человек. Потом везли наших раненых и убитых, в числе всего 58 человек. У турок же, - говорили, - убито и потоплено в Дунае более 1000 человек. После всего солдаты угощаемы были по кружке водки.

В этот же день с частью войск, а в том числе и с уланским эскадроном, мы возвратились в Излазы. У всех только и рассказов и разговоров было, что про сегодняшнюю битву. Мне хотелось узнать: с чего произошла эта самая битва? И узнал, за достоверное, следующее: по распоряжению отрядного командира, генерала Липранди, в Никополь к туркам подослан был фальшивый переметчик с известием, что русские оставили Турно; турки, как любители грабить и жечь беззащитные города и селения и резать мирных жителей, обрадовались этому известию и решили напасть на Турно именно 16 апреля, о чем переметчик известил генерала Липранди. Ночью на помянутое число пехота и артиллерия были действительно выведены из Турно и размещены в засадах, главным образом в лесу, который тянется от Турно до берега Дуная, к которому турки должны были пристать при своей переправе. Турки утром переправились и, как упомянуто, были наказаны жестоко.

В конце апреля войску, расположенному в Излазах, приказано было перейти в селение Одай, в 5 верстах от Турно. 8 мая я отправился в полковой штаб, который стоял в городе Зимнице на Дунае, против турецкого городка Систова; отправился для получения с офицеров долгов, так как в это время им выдавалось жалованье. Надобно было уследить тот именно день, в который раздавалось жалованье; а то случалось так, что на другой день у иного уже ничего не оставалось. Приехал я в Зимницу вечером и узнал, что жалованье еще роздано не было по случаю завтрашнего

(Николая Чудотворца) полкового праздника, а будет раздаваться 10 числа. В праздник, поутру, был развод за городом; а вечером - бал у полкового командира. На другой день раздали жалованье, и мне в этот раз так посчастливилось, что почти со всех получил свои долги.

Полагая, что Нассаусский полк постоит еще в здешних местах, я 23 мая поехал в Бухарест за товаром. На возвратном пути, в городе Александрии. узнал, что полк мой из Одай вышел и расположился лагерем в селении Чу-ланештах (верст 60 от Александрии). Я приехал сюда. Через неделю, именно 12 июня, Нассаусского полка два дивизиона, легкая батарея и несколько донских казаков, под командою полковника Рейсиха, выступили в город Гаешты, который был верстах в 40 от австрийской границы. Я потащился с этим небольшим отрядом. Расположились лагерем. При разъездах казаки достигали иногда до границы и сказывали, что там стояло в лагерях очень много австрийского войска. Наш отряд был осторожен. 17 июля мы оставили Гаешты и шли близ австрийской границы до города Бузеева. Здесь собралась тогда, кажется, вся русская армия в присутствии князя Горчакова. Из Бузеева двинулись на Рымник. Когда армия пришла сюда, то во всех фонтанах города не оказалось воды. Это было очень странно, и скоро разведали, что жители завалили все водопроводы. Разумеется, эти завалы были разысканы и уничтожены. Воды стало в изобилии. От Рымника, с незначительными остановками, двигались на Фокшаны, через реку Серет, потом на г. Текучи и верстах в 15 от Галац, в Волконештах, переправились через реку Прут 26 августа (1854 г.). Тут последовало разделение армии; часть ее, именно Нассаусский полк расположился на квартирах около Сатунова; Бугский уланский полк, под командою генерал-майора Гасферта, направлен был к югу. Я решился торговать при Бугском полку. 29 августа полк этот переправился через Дунай и двинулся к городу Исакче, а отсюда - в Бабадах. Не доходя до последнего 15 верст, расположились лагерем в большой деревне Желави. Я нанял двух работников и начал торговать. Мне приходилось быть больше в разъездах, по случаю покупки товаров, то в Бабадаге, то в Тульчи. Торговля шла у меня не обидно. Однажды - это было в половине сентября - я возвращался из Тульчи с провиантом в свой лагерь. При мне был улан, данный от полка, чтобы сопровождать меня. Приближался вечер. Хотя на дороге нам и встретилась небольшая болгарская деревня, но мы не решились ночевать в ней, боясь, как бы нас не обокрали. Солнце уже закатилось. Дорога пролегала лесом. Пошел сильный холодный дождь. Темнота - ужасная. По едва проходимой грязи я шел впереди лошадей и разыскивал дорогу. Дождь не переставал;

лошади едва двигались. К довершению несчастия, мы как будто сбились с дороги. Остановили лошадей и стали с уланом думать: что теперь делать? На нас могли наткнуться турки при своих ночных набегах. При всем том мы ничего не могли придумать, кроме того, что надобно в лесу ночевать. О пище нам нечего было заботиться; был и спирт, да в бочке, и достать его мы не находили способа. А надо бы, - не ради себя, но мне жаль было улана, в одной шинели жестоко промокшего и прозябшего. Мы уже хотели выпрягать лошадей, как вдруг впереди заслышали конский топот, который прямо приближался к нам. Мы с уланом так и замерли, - думали, что это турки. Через несколько минут в темноте раздался окрик: "Кто здесь?" Мы обрадовались, и я отвечал, что полковой маркитант. Оказалось, что это были разъездные казаки с офицером. Последний справился: нет ли у меня водки? Я сказал, что в бочке есть спирт, да достать нечем. Офицер послал казака сыскать в лесу бурьянную дудочку. Затем я узнал от него, что мы находимся близ самой дороги, в 5 верстах от лагеря, и что нам стоило бы немного подняться в гору, как показались бы лагерные огни. Скоро казак вернулся с бурьянной дудочкой, посредством которой я довольно легко натянул из бочки спирту и угостил офицера с казаками. Не забыл и моего бедного улана. Казаки поскакали далее, а мы потащились в гору. Дождь перестал; но дул холодный ветер. Не прошло и часу, как мы были в лагере.

18 сентября получен был приказ о выступлении нашего лагеря в Бессарабию. Мы двинулись на Белград и в 15 верстах за ним остановились в местечке Татар-Кипчак. 1 октября я ездил в Измаил для покупки товару. Здесь, по письму моему, дожидалась меня жена с 8-летним сыном. Втроем возвратились в полк. Торговля моя становилась хуже. Офицеры стали меньше, против прежнего, выпивать, потому что им выдавалось жалованье уже не заграничное; да и водка в России, сравнительно с заграничной, была дороже и притом качеством хуже. В конце этого (1854) года я отправился с сыном в Одессу, оставив торговать жену с работником.

В Татар-Кипчак возвратился 5 января и узнал, что во время моего отсутствия один дивизион нашего полка вместе с другими ходил за Дунай, участвовал в битве близ Бабадага и отличился. По этому случаю я написал стихи и поднес их генералу Гасферту, за что получил благодарность.

Зима стояла необыкновенно теплая; весна наступила ранняя, так что 9 марта уже расцвели все плодовые деревья. 30 марта полк двинулся из Татар-Кипчака к Днестру и остановился в немецких колониях - Париж и Розенкрейц. Тогда в этих колониях свирепствовала холера. Но в нашем полку умерли немногие.

Торговля моя пошла уже очень неудовлетворительно. Однако все ждали похода в Молдавию или в Севастополь; этого и я ждал, почему и не оставлял торговлю при полку. Но вот прошли четыре месяца, а походу нет. Наконец в августе полк передвинулся в колонию Кульмы, 80 верст от Кишинева, а через месяц - на Днестр, в селение Аланешты, расстоянием от Одессы 70 верст. - В первых числах ноября полк выступил к Кишиневу на зимние квартиры. Дела мои совершенно стали; торговля прекратилась. Я снял в Кишиневе квартиру и ждал - не будет ли похода.

Тут наш полковой командир, добрый генерал Гасферт, назначен был начальником бригады в одну из тех частей войск, которые находились в Крыму. На прощанье офицеры дали в честь любимого начальника бал. На этом бале я был и, обращаясь к Гасферту, прочел следующие моего сочинения стихи:

Настал нам час с тобой расстаться,
Добрейший Гасферт, навсегда.
Мы сошлись с тобой прощаться -
Вспомянуть твои дела.

* * *

На поле битвы воин славный,
Ты с нами стужу, жар терпел.
В огне, в сражениях - отважный -
Ты нас, как деточек, жалел и т.д.

Эти стихи, по-видимому, понравились всем, даже и самому Гасферту. Проводы были шумные, задушевные, искренние. Это было 20 марта 1856 года.

Вскоре после этого разнеслась весть о мире.

1856-1860

Во время моей торговли при Бугском полке корнет этого полка Павел Мухин задолжал мне 635 рублей серебром - сумма для меня немаловажная. Мухин был сын богатого помещика Курской губернии и имел брата, который служил в Петербурге, в Морском министерстве. Этот брат моему должнику будто бы был должен значительную сумму денег. Поэтому Мухин дал мне письмо к своему брату, чтобы я получил с него свои 635 рублей, и просил меня зайти в имение его отца, в деревню Пахомку, Тимского уезда. Из Кишинева я прибыл с семейством в Одессу. Сын мой окончил в здешнем лицее курс с званием действительного студента. При нем я оставил жену младшего сына и дочь, а сам, взяв с собою 15 рублей в дорогу, 7 июня пошел в Курск. Но предварительно вздумал зайти по дороге в Киев поклониться св. угодникам Божиим. Пришел сюда 18 числа, а через два дня пустился в путь к Курску. Имение отца Мухина находилось в 45 верстах от этого города. Я пришел в Пахомку 3 июля и от жителей узнал, что старший брат Мухина недавно приехал сюда из Петербурга погостить. Разумеется, я этому был рад, потому что мне не предстояло надобности пробираться в Питер. Действительно, я увиделся с братом моего должника и подал ему от последнего письмо. Он, прочитав его, сказал мне, что денег в настоящее время не имеет, а пришлет их мне в Кишинев к половине октября. Я убедительно просил его дать денег на дорогу в Одессу. Он дал мне 5 рублей. В Одессу пришел я 23 июля, а через несколько месяцев отправился пешком в Новый Буг за получением с некоторых офицеров прежних долгов. Получил с одного 110 рублей и опять возвратился в Одессу. Здесь нанял квартиру с лавкой, купил бакалейного товару и начал торговать. В половине октября я ездил в Кишинев; но деньги от брата моего должника, Мухина, высланы мне не были. Эту зиму я перебивался с грехом пополам, тем более что старший сын мой, будучи в это время смотрителем в лицее, уехал к одному заводчику для обучения его детей. Между тем я узнал, что должник мой, корнет Мухин, уехал из полка к своим родителям в имение Пахомку.

В последних числах марта 1857 года я отправился пешком к моему должнику. Денег у него не было; он вновь дал мне письмо к своему брату в Петербург. 18 мая я пришел в Москву, а через день приехал по железной дороге в Петербург. Брат Мухина принял меня очень недружелюбно, чуть не выгнал из дому. Вышел я от Мухина и задумался: что мне теперь делать? Денег у

меня было только 6 копеек. Тут я вспомнил, что один полковник Бугского полка, по случаю отпуска, проживает здесь. Я разыскал квартиру этого полковника, где-то на Литейной улице, и пришел к нему. Он принял меня радушно; угостил кофеем. Я рассказал о своем деле. Полковник посоветовал мне подать прошение великому князю, который был, впрочем, в это время за границей, а заведовал делами Морского министерства адмирал Метлин. Так следовало обратиться с прошением к этому адмиралу. Затем полковник пригласил меня к себе ночевать. Это было очень приятно для меня. На другой день утром я шел по Невскому проспекту и встретился с камердинером Мухина, который мне сказал, что он меня разыскивает, чтобы я пришел к его барину. На этот раз Мухин принял меня вежливо и извинился за прошлый грубый поступок со мною. Я начал слезно просить его о деньгах, говоря, что у меня всего только 6 копеек - мне не на что и здесь жить и не с чем выехать из Петербурга. Должно быть, Мухин сжалился надо мною и дал мне 60 рублей с тем, чтобы я ехал из Питера, куда знаю. Этим деньгам я чрезвычайно обрадовался и решил вовсе не подавать жалобы на Мухина, потому - народная пословица гласит - с слабым не борись, с богатым не тягайся. Денег у меня было довольно, чтобы выбраться из Петербурга, где становилось для меня скучно. И вот 7 июня я оставил северную столицу.

На тяжелом поезде прикатил в Москву. Здесь у Серпуховских ворот нанял извозчика до Курска за 5 рублей, ехать с ним при обозе. Дорога с этими извозчиками мне так надоела, что я неоднократно раскаивался, что с ним поехал; наконец в Орле вышел из терпения и пошел пешком. Шагая по направлению к Курску, я размышлял о железной дороге: сколь она благодетельна для людей. Первое: скоро и дешево; второе: харчей надо мало. Если бы было побольше этих железных дорог в России, народ стал бы гораздо развязнее и коммерческие дела пошли бы несравненно лучше. Дай Бог, чтобы сеть железных дорог покрыла всю широкую раздольную Русь-матушку. Это великое благо!

21 июня явился я к должнику своему в Пахомку; но от него не добился никакого толку и пошел в Харьков. Тут я вспомнил, что мой сын учит детей у зятя сахарозаводчика Яхненки. Я отправился к сыну, в той надежде - не найдется ли мне какого-нибудь местечка на заводе! Здесь я узнал, что сын мой, покончив занятия с детьми, еще перед Пасхой отправился в Одессу. При этом мне было предложено место приказчика на заводе. Я согласился. Должность моя состояла в том, чтобы наблюдать за казармами, в коих помещалось до 2000 человек рабочих, и при этом радеть о хозяйском интересе. Жалованья мне было

назначено 300 рублей в год; квартира и стол от хозяина. Я начал служить и наблюдать хозяйские интересы. Прошло два месяца. Двое управляющих остались недовольны мной за то, что я обнаружил следующее злоупотребление: положим, рабочих было 2000 человек, а обеденных порций отпускалось 2200, т.е. на 200 человек более. Куда эти лишние порции шли - неизвестно. Все-таки я прожил на заводе Яхненки до мая месяца 1858 года.

Тут я получил от должника моего Мухина, из Харькова, письмо с известием, что он теперь разбогател. Оставив службу на заводе, я пошел к Мухину. Он дал мне 100 рублей, обещавшись отдать остальные деньги не позже сентября месяца. Спасибо и на том. Из Харькова я пошел в Воронеж поклониться св. Митрофанию, а потом в Саратовский монастырь. 14 июля я прибыл на родину в Выездную слободу. Здесь вместе с родными и знакомыми мне довелось встретиться с известным в истории моей жизни крестьянином Павельевым. Ему за поимку меня от главноуправляющего Рагузина и от помещика обещаны были великие милости и награждения. Но этих милостей он не дождался. Напротив того, несчастие за несчастием следовало с ним и с семейством его: самого его разбил паралич, а сын - мой крестник - отдан был в солдаты. Павельев приглашал меня к себе в гости, но я от этого приглашения отказался.

Через неделю я оставил родную слободу и направил путь свой к замужней дочери в Нижний Новгород. Здесь скоро пронесся слух, что на ярмарку приедет Государь император с своею августейшею супругою. Столь редких высоких гостей нельзя было не дождаться. 16 августа на фонарных столбах и на углах появились афиши о прибытии в город по Волге Государя с Государыней 18 числа в 12 часов дня. Накануне этого числа я вышел на ярмарку. Народу было несметное количество. Прислушиваясь к толкам и разговорам мужичков, я видел, что эти простые люди пламенно желали хоть одним глазком взглянуть на обожаемого монарха, от которого, по слухам, дана будет скоро свобода крестьянам от крепостного рабства. Этим обстоятельством и объяснялось, по моему мнению, столь небывалое стечение народа в Нижнем и на ярмарке. В самый день приезда высоких посетителей, то есть 18 числа, с раннего утра несметные толпы народа заняли кремль, набережную, покрыли всю гору по направлению к Волге. В 4 часа пополудни пароход прибыл с державными путешественниками; в городе раздался торжественный звон и неумолкаемое "ура!" огласило воздух. Признаюсь, на своем веку мне не однажды приводилось присутствовать при встречах наших русских помазанников Божиих, но такой встречи я не видал. Радость на всех лицах и

воодушевление были поистине трогательны и умилительны. Когда Государь с своею супругою вышел с пристани на берег и сел в карету, то оказалось, что от тесноты народной не было никакой возможности ехать: народ на руках вез экипаж с Государем и Государыней до самого собора, что в кремле. Вечером была великолепная иллюминация: зрелище необыкновенное и нигде мною не виданное! - На четвертый день, то есть 22 августа, в 11 1/2 часов, державные гости оставили Нижний Новгород. Как я заметил, многие и многие проливали искренние слезы...

Из Нижнего я отправился в Херсон, где старший сын мой хлопотал занять место учителя в здешней гимназии. В январе месяце 1859 года сын мой определен был на это место, где находится и по настоящее время.

В первых числах июня я вздумал навестить должника моего Мухина, проживающего в Харькове, а по дороге зайти к помещику Полтавской губернии, у которого сын мой учил детей и который остался ему должен около 200 рублей серебром. Пробирался я на Николаев, Бобринец и Елисаветград - где пешком, где на подводах с попутчиками. Из Елисаветграда пришел к упомянутым помещикам, получил с одного деньги и отправился в Кременчуг. По дороге отсюда я догнал двух молодых людей с котомочками за плечами, которые оказались окончившими курс в Могилевской гимназии и пробирались в Харьковский университет. Не доходя версты две до Полтавы, мы расположились ночевать на обширном поле, где некогда великий преобразователь России император Петр I одержал блистательную победу над шведским королем Карлом XII. В Полтаве я расстался со своими молодыми спутниками и направился к Харькову, куда прибыл 17 июня. Явился к должнику моему Мухину. Денег у него не оказалось. Я убедил его выдать мне формальное заемное письмо на 530 рублей. В это время в Харькове показывалась и давала представления известная Юлия Пастрана. Я пошел посмотреть на это чудо-женщину: невысокого роста, безобразная; она пела песни на двух иностранных языках и одну русскую песню. 25 июня с оставшимися у меня 5 рублями серебром я пошел обратно в Херсон. В конце 1859 года я вздумал открыть торговлю с одним знакомым; но из этого ничего не вышло.

В начале 1860 года я отправил одному богатому человеку письмо с таким предложением: я предприму путешествие на реку Амур, отсюда в Камчатку и по краю Северного Ледовитого океана до Архангельска и Петербурга; подробно опишу это путешествие в видах какого-нибудь коммерческого предприятия, а средства на путешествие должен дать мне он, богатый человек. Последний письменно отвечал мне, что на мое предложение согласен, и

обещался прибыть в Херсон для личных со мною объяснений. Я дожидался.

В день Отдания Пасхи у нас совершался великолепный крестный ход при перенесении в Херсон чудотворной Касперовской иконы Божией Матери, учрежденный преосвященным херсонским и таврическим Иннокентием. В 25 верстах от города Херсона, на правом берегу Днепра, находится село Касперовка, принадлежавшее помещице Касперовой. Эта помещица, по преданию, имела у себя древнюю икону Божией Матери, на которой изображение совершенно стерлось. Однажды, в 1846 году, помещица заметила, что икона совсем переменилась; изображение на ней оказалось как бы сделанным заново. Немедленно донесли об этом местной духовной власти. Надлежащим обследованием было обнаружено, что изображение на иконе действительно обновилось. Потом эту икону назвали "Корсунскою", по сходству ее с древними греческими иконами Богоматери Корсунской, отличительная черта которой, как известно, такая: свиток в руке Божественного младенца. По сказанию летописи, несколько таких икон было вывезено из Корсуни равноапостольным князем Владимиром, после принятия им здесь крещения, и одна, как говорит местное предание, была принесена в наши края каким-то корсунским выходцем. Помянутую обновившуюся икону из дома помещицы Касперовой взяли и поставили в церкви близ левого клироса. Народ очень чтил эту икону, и вот, по просьбе жителей города Херсона, преосвященным Иннокентием учрежден был ежегодный крестный ход с перенесением ее из Касперовки в Херсон. Первый такой ход состоялся в 1852 году. В июне месяце я послал Мухину письмо, напомнив ему об его мне долге. В конце сентября он выслал мне все деньги, то есть 530 рублей, и я немедленно отправился в Кишинев купить посходнее кой-какого товару, с тем чтобы заняться в Херсоне торговлею. Ведь не сидеть же, сложа руки; да и кормиться чем-нибудь надо же было. Накупивши в Кишиневе разных фруктов, виноградных вин и проч., я 20 октября возвратился в Херсон и стал торговать. Зима в этом году была снежная и необыкновенно для того края холодная: морозы доходили до 30 градусов. По словам старожилов, такая зима была только в достопамятном 1812 году.

1861-1862

С 1 марта 1861 года я начал сбираться в св. град Иерусалим для поклонения гробу Господню, горя нетерпением исполнить это давнишнее мое обещание. Сделал некоторые необходимые распоряжения по торговле, заготовил себе фунтов 15 сухарей и 12 марта, на пароходе, отправился в Одессу. Здесь в канцелярии генерал-губернатора, куда я пришел за заграничным паспортом, мне сказали, что нужно свидетельство обо мне от херсонского губернатора. Я послал депешу сыну, чтобы он выхлопотал это свидетельство и выслал мне. 19 числа в соборе прочитан был всемилостивейший манифест об освобождении крестьян из крепостного состояния. Радость народа была неописанна. Благодарность его к своему добрейшему Царю-батюшке Александру II Николаевичу была велика и беспредельна. Народ загулял, да и было от чего.

Лишь только сын прислал мне губернаторское свидетельство, я немедленно получил заграничный паспорт и за 1 рубль серебром прописал его у турецкого консула. Потом скорыми шагами пошел в контору пароходства, находившуюся на карантинной пограничной гавани; взял билет для проезда на палубе винтового парохода "Эльборус" до Константинополя; заплатил 5 рублей серебром. Затем в городе разменял ассигнации на золото; прописал свой паспорт в карантине и таможне. Наступило 25 марта - день Благовещения, когда в 4 часа пополудни "Эльборус" должен был отправиться из Одессы. Я отстоял в соборе утреню и обедню, пообедал у одного своего приятеля, взял свой мешочек с провизией и около 3 часов пришел на пароход. Через час пароход вышел из бухты в открытое море.

На палубе пассажиров было довольно - русские, армяне и татары. Одни из них ехали по своим торговым делам в Константинополь, другие - в Иерусалим, а третьи - из татар - в город Мекку для поклонения гробу Магомета. Я присоединился к компании двух спутников - мужчины и женщины из русских, едущих в Иерусалим. Ветер дул противный, и притом холодный. Мы надумали чай пить. Как старший из двух моих спутников, я пошел с двумя чайниками в кухню к повару за водой; договорился с ним за воду на чай по 10 копеек в сутки; если что вздумаем варить, то - плата особенная. Повар налил мне в чайники из кастрюли воды, и притом скоромной ложкой. Я заметил ему, что это мне не нравится, так как теперь Великий пост. Повар отвечал: "Если будешь разговарить да брезговать, так и этой воды не получишь. Что за грех, что ложка скоромная? Бог за таким грехом

не погонится".

Я увидел, что разговаривать тут нечего, и удалился с водой, налитой поваром. Наступила ночь. Я, наряду с некоторыми, спать расположился близ пароходного куба на железном помостье: хоть жестко и неудобно было спать, зато тепло.

На третий день рано утром "Эльборус" наш вошел в Константинопольский пролив, и перед нами открылись прелестные предместья Царьфада, тянувшиеся на пространстве более 30 верст, по обеим берегам пролива. Тут, за рощами, среди садов виднелись дома самой причудливой архитектуры, раскрашенные разноцветными красками и покрытые черепицею. Некоторые сады уже покрыты были зеленью; цветы расцветали. Словом - красота местоположения приковывала к себе взоры путника. В 8 часов утра мы увидели Скутари, Галату, Перу и самый Царырад. Вид был очаровательный. Множество минаретов, мечетей с золотыми полумесяцами возвышались над зданиями и блестели от лучей солнца. А выше всех красовалась своим величием мечеть "Ая Софи" - бывшая некогда православным храмом св. Софии - Премудрости Божией. Против этого исторического достославного здания пароход наш остановился и бросил якорь. Невольная грусть овладела моим сердцем при мысли - как этот христианский храм, выстроенный мудрым царем Иустинианом, подвергся власти нечестивых агарян; больно видеть христианину полумесяц там, где красовался св. крест. - Мне вспомнилось сказание, что несколько столетий тому назад, пред самым вторжением турок в Царьфад, для жителей его были разные дивные знамения, будто бы предвещавшие падение их великого города. Поэтому патриарх и знатные вельможи советовали благоверному царю Константину прекратить кровопролитие с турками и добровольно оставить свою столицу. Но благоверный не внял этому совету и в кровавой битве положил свою голову у самых ворот Царьфада. Султан с своим войском въехал в город и прямо направился к Софии, где пафиарх молился с народом. Султан приказал не нарушать богослужение. В тот же день один христианин-булгарин нашел между группами голову царя Константина и принес ее султану. Этот взял голову будто в руки, поцеловал ее, и тело Константина повелел предать земле с приличными почестями. С тех пор турки начали владеть Царырадом и назвали его по-своему, Стамбулом.

Лишь только пароход остановился на месте, как со всех сторон бросились к нам наперерыв множество баркасов, или каиков (особый род лодок) с турками, которые, как кошки, хватались крючьями за борт парохода, вскакивали на него, насильно брали мешки пассажиров, зазывали и тащили

пассажиров каждый на свой каик. Когда суматоха на пароходе поутихла, русские богомольцы отдали свои паспорта явившемуся к нам русскому фактору (маклеру) для прописки их у русского консула, за что он взял на наши деньги по 10 копеек за паспорт. Потом я вместе с другими переправился на баркасе в город. В доме российского агентства, находящемся на самом берегу Босфора, я взял билет до Яфоры за 10 рублей серебром. После этого купил на дорогу чаю, сахару, рому и феческого вина. Эти продукты в Константинополе были недороги: ром - 30 копеек серебром кварта, лучший цветочный чай - 1 рубль 70 копеек за фунт, сахар - 14 копеек фунт, вино "тенедос" - 20 копеек кварта. Оставив все эти припасы у русского фактора, я с одним богомольцем пошел осматривать город[21]. Улицы - до безобразия узки, кривы и так были запружены народом разных наций, что не представлялось никакой возможности идти прямо, а нужно было пробираться боком. Тут встречались турки, греки, евреи, французы, немцы, итальянцы, испанцы, англичане, арабы, поляки, молдаване, волохи, болгаре, персияне, черкесы, караимы и др. Мне при своих многолетних странствиях приводилось видеть улицы городов неприглядные и грязные; но таких, как в столице Турции, признаюсь, я не видал: здесь на улицы без зазрения совести выбрасываются из окон всякие остатки от завтрака и обеда, выносится из домов и льется какая бы то ни было жидкость и валяется без запрету всевозможная падаль. Словом - нечистота отвратительная. Смешанный же крик и визг торговцев просто выводили из терпения. Дома - двух-, трех- и четырехэтажные - очень красивы; примыкают один к другому плотно. Наряду с богатым, роскошным магазином находилась или грязная лавочка торговца старыми сапогами и башмаками, или же какая-то собачья конура мясника, пропитанная промозглым запахом от недоброкачественной говядины или баранины. Я с своим спутником зашел в греческую харчевню закусить: взяли только 60 копеек за обед с двоих. И то дело. В 4-м часу пополудни мы, захватив с собою припасы от русского фактора, пришли на пароход.

Вечером, при захождении солнца, погода стала великолепною; море - тихо и спокойно; на поверхности его ныряли морские свинки, отыскивая себе пищу. Взошла луна. Вид на Константинополь и его на далекое расстояние заметные окрестности казался чрезвычайно приятным. Вот по всему городу загорелась иллюминация; это - как по расспросу оказалось - было провожание турками "байрама" - большого праздника мусульман. Раздалась пушечная пальба; на турецких пароходах заиграла военная музыка. Все кончилось далеко за полночь.

На другой день в 7 1/2 часов мы оставили Царырад, и спустя немного "Эльборус" пустился в Мраморное море. Скоро, переехав через него, остановились близ города Галлиполи. Миновав Дарданелльский пролив, пустились в Архипелаг. Мы плыли темно-синими его водами, придерживаясь левого азиатского берега. Вот вдали показались разные суда: это близ острова Тенедоса. Пароход побежал мимо этого острова. Я мог заметить только полуразрушенные древние укрепления и бойницы да на пригорке несколько ветряных мельниц. По горе виднелись зеленеющие поля. Жителей было не видно. Чрез несколько времени показался большой гористый остров Метелен с городом того же названия. Наш пароход вошел в гавань и стал на якоре. Вид города очень красивый; он расположен по холмам между двух высоких гор, и на одной из них, по свесившейся над морем скале, расположена была старая крепость, на которой развевался турецкий флаг. На наш пароход нагружались некоторые товары, преимущественно деревянное масло, и садились новые путники. На другой день утром "Эльборус" вошел в Смирнскую гавань. Здесь наш пароход должен был простоять более полутора суток. Воспользовавшись свободным временем, я с одним богомольцем отправился на баркасе осматривать город Смирну. Этот город стоит в котловине, окруженный с трех сторон (кроме западной - к морю) значительной высоты горами. Домов очень много каменных, разной постройки, т.е. и европейской, и азиатской: улицы хоть и тесные, но чистые. В окрестностях города и в нем самом много садов - кипарисовых, финиковых и виноградных; некоторые из этих садов уже распустили свою приятную зелень. (Мы осматривали город 31 марта.) По улицам за отсутствием многолюдства ходить было удобно. Таких уродливых экипажей, какие я встречал в Стамбуле, здесь почти не видно, да и ездят более на мулах, верблюдах и отчасти на лошадях верхами. В магазинах разных европейских товаров, а на рынках всяких припасов, особенно рыбы[22], было в избытке. Торговали преимущественно греки или армяне; просили за каждый предмет втридорога и при этом всячески старались обсчитать или обмануть покупателя. По улицам нам попадались турчанки, с лицом, покрытым белой кисеей; гречанки, совершенно наоборот, с открытым лицом и очень свободным обнажением полугруди; наконец, черные арабки, с покрытым наполовину лицом; в ноздрях у них, как у индейского петуха, висели цепочки из небольших серебряных монет. Все женщины в шароварах; вообще костюмы их - разнораспестренные. Непривычному глазу смотреть на эти костюмы как-то странно и даже неприятно. Мы сходили в греческую православную церковь св. Николая Чудотворца к

преждеосвященной обедне. Храм обширный; иконостас и вся внутренность из разноцветного мрамора; иконы - старинного писания; везде чистота. Вообще храм прекрасный. Молящихся было много. Одна странность бросилась в глаза: мужчины, все без изъятия, стояли в фесках, чалмах и некоторые в шляпах.

В 4 1/2 часа пополудни "Эльборус" снялся с якоря и мы оставили берега Смирны. На другой день (1 апреля) пароход быстро шел между разными скалистыми островами. День был тихий, ясный, теплый, солнечный - первый прекрасный день со времени отправления нашего из Одессы. Морские волны тихо колебались, с брызгами ударяясь об утесы островов и о борт нашего парохода. Часа в 4 пополудни мы прибыли к острову Родосу, который называется турецкой Сибирью. Город, расположенный на мысе отлогой горы, довольно красивого вида. Садов, которые уже зеленелись, было много. С моря город обнесен каменной стеной, над которой в городе возвышались турецкие мечети. По берегу моря стояли круглые, наподобие ульев, каменные ветряные мельницы. Улицы в городе - узкие, вымощены камнем Лавок с разными товарами довольно; кофейные - довольно сносны; в них сидели турки и греки, куря кальян и попивая кофе. Вино (красное) "тенедос" - дешево и очень приятно вкусом. На улице повстречатся мне грек, который сделал мне приветствие по-русски и спросил: из какой я губернии? Оказалось, что он бывал в Херсонской губернии и даже в Таганроге. Потом он предложил мне купить у него канареек.

- Дороги ли? - спросил я.

- Старые певчие - 10 рублей, а молодые - 2 1/2 рубля за десяток. Зная, что греки всегда запрашивают ужасно дорого, мне все-таки этакая цена показалась подходящей: купить следовало бы; но что мне было бы с ними делать при еще дальнем путешествии в Иерусалим и потом обратно - в Россию? Вот если бы я ехал домой - другое дело. Так и не пришлось мне купить прекрасных певчих птичек. В 8 часов вечера пароход снялся с якоря и скоро вступил в Средиземное море. Ночь была тихая и спокойная.

Через день - 3 апреля, в 8 часов утра - мы пристали к довольно живописному острову Мерсине. Город на отлогой скале; весь окружен садами. В нескольких верстах от города высокие горы, на которых клубились облака. В городе Мерсине я встретился с татарами, которые, по расспросам, были кавказские, Пятигорского уезда, с реки Кумы; приняли турецкое подданство, и их поселили сюда. Они были очень недовольны здешним местопребыванием и желали бы снова возвратиться на родину; но не знали как, боясь турецкого правительства. Татары были очень

любезны; водили меня по садам, где росли лимоны, апельсины, померанцы; угощали в луканде закуской и вином. Расстались мы по-приятельски. Когда я вернулся на пароход, то пассажиров на палубе набралось всех более 300 человек; теснота была чувствительна.

Рано утром 4 апреля из-за тучи взошло красное солнышко; небо было ясно; вдали виднелись Сирийские снеговые горы. В 9 часов утра "Эльборус" снялся с якоря и пустился в открытое море, которое скоро от разыгравшегося ветра заволновалось и запенилось. Поднялась качка. Многие пассажиры застонали: это приключилась с ними морская болезнь. Но вот после полудня качка прекратилась. Пароход быстро мчался по тихим волнам мимо каких-то островов - слева, а за ними опять показались высокие Сирийские горы. Вдали виднелся городок Александретта. Не доезжая до него верст 14, капитан сказал всем христианам, что на этом берегу находится то место, где будто бы кит, по повелению Божию, выбросил из своего чрева пророка Иону. Городок Александретта состоит из нескольких десятков домов, в которых жили арабы-магометане. Вокруг городка зеленелись травы и лес, а далее возвышались горы, где клубились разноцветные облака. Вид был приятный. Пассажиров прибавилось. Тут мы простояли более суток.

6 апреля в 5 часов пароход наш пошел далее и около 2 часов пополудни бросил якорь в бухте у города Лотокии. Город расположен между красивыми масленичными и фиговыми садами; в нем много разрушенных древних замков. Здесь пассажиров еще прибыло, так что на палубе всех находилось до 400 человек.

На другой день, 7 апреля, в 8 часов утра пароход наш остановился у города Триполи. По случаю сильного ветра и дождя я не рассудил побывать в этом городе. С парохода вид города довольно красивый, хотя он построен чисто по-азиатски. Мечетей и минаретов в нем очень мало, почему можно полагать, что здесь живет много христиан. Тут к нам прибыло пассажиров еще человек сто. На палубе сделалась ужасная теснота и давка. Крик, шум, брань и говор на разных языках раздавались на палубе. Ровно в поддень пароход снялся с якоря и пустился по буйному морю. Ветер дул противный; пароход наш сильно качало. Пассажиры приумолкли. В 5 часов пополудни мы бросили якорь в бейрутской бухте. Вид города Бейрута с моря казался очень живописным. Строение красивое; много домов, построенных по-европейски. Мечетей с минаретами виднелось в нем довольно, а христианских церквей было не видно. Многие пассажиры отправились в город, а я остался на пароходе. Настала

ночь. Пароход качало неугомонными морскими волнами. Русские поклонники пели псалмы и разные другие божественные песни. В ясном небе мерцали звезды и двурогий месяц светил бледным светом. На пароходе и в городе блестели разноцветные огни. Я долго любовался этою прекрасною картиною. Потом крепко заснул на своем неприглядном ложе близ куба. - Следующий день я провел частию на пароходе, частию в городе, в котором примечательного ничего не заметил, кроме того, что французы проводили отсюда шоссе к городу Дамаску; вообще, как видно, они здесь хозяйничали и распоряжались по-своему. Пассажиры на наш пароход прибывали; и без того ужасная теснота увеличилась. Нечего делать: богомольцы утешали себя только тем, что скоро конец плаванию по морским пучинам.

Утром 9 апреля пароход снялся с якоря и мы простились с Бейрутом, а на другой день, в 5 часов утра, увидели Яффу. Этот небольшой город расположен на довольно возвышенном холме, близ самого моря; издали очень красив; окружен садами с лимонными, апельсинными и другими плодовыми деревьями южных стран. Лишь только пароход наш стал на якоре, как тотчас же пристало к нему множество яликов, баркасов, с которых турки, греки и арабы с удивительной быстротой и ловкостью вскарабкались на пароход; наперерыв друг перед другом старались зазвать к себе пассажиров: насильно брали багаж, детей и самих пассажиров, причем багаж попадал к одному лодочнику, а хозяин его - к другому. Произошло такое смятение, гам, крик, особенно женщин и детей, что трудно и описать. Русские богомольцы устранились от этой суматохи и дали волю азиатам. После всех перебрались в Яффу и мы, русские, где на берегу встретил нас консульский чиновник и показал, где нам остановиться. Мы пошли в патриаршую гостиницу при греческом монастыре; тут отвели нам комнаты и мы разместились. Потом я и несколько человек из моих спутников пошли осматривать город. Улицы - чисто азиатские: кривые, узкие, неудобные; между ними есть такие, что в них и солнца Божьего не видно. На гавани заметно было оживление и суета; нагружали и выгружали суда, навьючивали мешки с хлебом на верблюдов, лошаков и мулов. Тут бросались в глаза полунагие и совсем нагие арабы. Пройдя город, мы вышли за иерусалимские ворота, где находился базар. Продавалось здесь особенно много лимонов и апельсинов из местных садов, а также рыбы, называемой "ликерда". Потом мы зашли в луканду - к греку пообедать, где нас угощали этой самой рыбой. Возвратясь в гостиницу, напились чаю, а вечером с террасы любовались волнами шумящего моря[23]. На другой день все мы, богомольцы, были в монастырской церкви у заутрени и

обедни. Потом пошли к консулу и отдали ему свои паспорты. Консул сказал, что, по недостатку подвод, нам нельзя сегодня отправиться в Иерусалим и чтобы лишние деньги мы оставили у него на хранение, до обратного путешествия. Богомольцы это исполнили. Он выдал нам билеты для беспрепятственного следования в Иерусалим с обозначением, кто сколько оставил у него денег; а наши паспорты должны были отослаться к иерусалимскому консулу. После этого нас позвали к архимандриту монастыря, для того чтобы, по существующему здесь обыкновению, мы записали в особую книгу имена своих родственников для поминовения. По исполнении этого в келье архимандрита каждый из богомольцев по усердию и состоянию своему оставлял на столе несколько денег. За приют в гостинице с нас не требовали ничего. Остальное время этого дня я с двумя товарищами ходил по городу и по прекрасным благоуханным садам, где плоды рделись на солнце, цвели розы и другие ароматные цветы.

12 апреля, после заутрени, пришел к нам консульский секретарь и объявил, что для нашей поездки в Иерусалим лошаки готовы, с платою за каждого животного по 1 рублю 60 копеек серебром. Путешественники немедленно собрались, вышли на улицу, выбирали лошаков, укладывали на них свой багаж и усаживались сами. Некоторые нанимали одно животное вдвоем, чтобы ехать на нем попеременно; иные же, по неимению денег или просто из желания потрудиться, решились идти пешком. При каждом лошаке находился араб или турок с пикою, которою понукалось животное. В 10 часов утра наш караван тронулся друг за дружкою. Выехав из города, мы пустились по узенькой дороге, по обеим сторонам которой цвели и благоухали роскошные сады. Эти сады не были огорожены, а взамен того окопаны рвом, в коем рос толстый столетник; по нем бегали зеленые ящерицы. Когда миновались сады, пред нами открылась обширная равнина, где созревал ячмень и пшеница, колыхавшаяся от ветра, как море. По местам, арабы возделывали землю на верблюдах и быках. Вдали виднелись Иудейские горы; раздавалось пение жаворонков. Дорога пошла между садами масличными, и мы скоро прибыли в селение Рашли[24]. Хотя времени было не более 3 часов пополудни, но нам следовало здесь переночевать. Мы поместились в приемном доме, находившемся в зависимости от патриарха. Вчетвером, в том числе с одним грузином-богомольцем из Тифлиса, человеком здесь бывалым, мы пошли по селению в монастырь св. Георгия. Церковь была заперта, но, благодаря услуге учителя греческих детей при монастыре - дьякона, мы получили возможность побывать в церкви: она

оказалась очень бедною. Дьякон подвел нас к каменному столбу, огороженному решеткою, и объяснил, что на этом столбе был мучим св. Георгий Победоносец. Из церкви возвратились в свой приют. В два часа по полуночи ковас (проводник) разбудил нас для дальнейшего следования к св. городу. При свете полной луны караван наш тронулся в путь. Сначала мы ехали равниною; потом стали подниматься на каменистые, утесистые горы, где дорога, по мере нашего движения вперед, поднималась выше и выше, извиваясь между скалами, ущельями и пропастями. Все поклонники шли пешком, следуя близ своих лошаков, которые, прежде чем ступить, пробовали ногами место или камень. Скажу без преувеличения: мне приводилось видеть разные горные дороги, но такого поистине трудного пути я не встречал; это просто мученье для путешественников. В 12-м часу дня на одном плоском месте ковас остановил караван для отдыха, который продолжался не долее часа. Богомольцы подкрепили себя пищею, у кого что имелось из съестного, и утолили жажду родниковой водою. Впрочем, я воды не пил, боясь заболеть. Невдалеке от нас турок продавал в лачужке кофе; я выпил этого напитка три чашки, заплатив за каждую на наши деньги по 3 копейки серебром. Отсюда дорога пошла шире, удобнее. Через два часа езды ковас сказал богомольцам, что Иерусалим близко. Мужчины слезли с лошаков и пошли вперед каравана, горя нетерпением поскорее увидеть св. город. Я последовал за ними; но мне желательно было взглянуть на Иерусалим одному, без других лиц, как будто бы эти лица могли отнять что-нибудь от моей радости при виде св. города. Я быстрыми шагами удалился от своих спутников. Дорога пошла вправо на небольшой пригорок, с которого открылся предо мною Иерусалим. Я пал на колени, залился слезами радости и мысленно проговорил: "Неужели я, грешный, удостаиваюсь быть у Тебя, Господи, в гостях, где Ты, многомилостивый, пролил за грехи наши неповинную кровь Свою". Когда караван наш ко мне приблизился и я встал на ноги, то вся усталость моя от утомительной дороги миновалась: мне стало легко, приятно и весело. Перед самым Иерусалимом я сел на своего лошака и мысленно сказал: "Господи, благослови меня въехать в город Твой, по примеру Твоему на осляти". Мы въехали через Вифлеемские ворота и, минуя несколько улиц, на одной из коих стоял дом царя Давида, остановились у патриаршего двора. В приемном покое монастырской гостиницы нас встретил пожилых лет монах и привел в обширную комнату, сказав нам по-русски с странным выговором: "Пожалуйте сюда". В комнате, возле стен, находились низенькие нары, устланные потертыми коврами, с подушками к стене. Богомольцы разместились на этих

нарах, повесив каждый кладь свою на гвоздь, над изголовьем. Чрез несколько времени после прихода нам предложили по рюмке фруктовой водки и по горсти изюму. Напившись чаю, приготовление которого обошлось не без хлопот, я с некоторыми из товарищей пошел посмотреть дорогой для каждого христианина город и запастись какою-нибудь пищею. На улицах нам встретилось много русских поклонников, ранее нас прибывших сюда, с которыми я и не преминул разговориться. Прежде всего они советовали мне не заботиться о пище, так как богомольцы продовольствуются от монастыря. Затем расспрашивали о России, и в особенности любопытствовали относительно освобождения крестьян из крепостной зависимости. Узнав, что в Одессе был уже прочитан Высочайший манифест, они очень обрадовались, благодаря Господа и столь милостивого своего Государя. Так как день начинал склоняться к вечеру, то я поспешил возвратиться в монастырь. Все богомольцы сидели уже на своих местах. В 7 часов пригласили нас к ужину в столовую, находящуюся внизу от нашего помещения, пред входом в которую предлагалось выпить по рюмке водки. Столовая - обширная, чистая; посредине ее стоял мраморный стол с приборами, из коих у каждого лежали небольшие полубелые хлебы. Мы сели за стол. Чрез несколько минут иеромонах, стоящий впереди стола, перед иконами, позвонил в колокольчик; мы встали. Он прочел краткую молитву и благословил хлеб, после чего мы сели ужинать. Кушанья были: чечевица с маслом, маслины и еще какая-то вареная зелень. С непривычки кушанья эти не нравятся. После кушаньев каждому подносили по металлической чарке кислого кипрского вина. За столом не слышно было никаких разговоров, даже шепотом. Ужин закончился краткою благодарственною молитвою. Придя в свой приют, богомольцы расположились спать, а в том числе и я. Это был первый день моего пребывания во св. граде, 13 апреля, среда на вербной неделе.

14 апреля

Утром в 3 часа нас разбудили колокольчиком к заутрени. Мы пошли в крестовую патриаршую церковь, находящуюся в том же здании, где был наш приют. Церковь небольшая, но украшенная со вкусом. На клиросе пели высшие монашествующие лица из греков. Во время службы всех богомольцев вывели из церкви в особый покой, мужчин - в одну комнату, а женщин - в Другую, и пригласили сесть на диваны, стоящие у стен. Началось чтение Св. Писания на греческом языке. Чрез несколько времени вошел

архимандрит в сопровождении двух иноков, из коих один держал в руках медный таз, а другой умывальник с теплой водою и полотенце. Эти лица поочередно подходили к каждому богомольцу; архимандрит умывал у них ноги и вытирал полотенцем, после чего ногу целовал; у женщин умывались руки. После этого руки всех окроплялись розовою водою. Затем архимандрит встал посреди комнаты и неправильным русским языком произнес: "Исполняя обряд омовения, иерусалимские иноки стараются подражать древним и показать любовь свою к странникам, пришедшим с чистым сердцем в Иерусалим поклониться святым местам и гробу Господню, - и вот мы умыли ноги ваши". После того поклонники возвратились в церковь. Скоро утреня кончилась, и тотчас же началась литургия. Было еще рано, когда мы пришли из церкви в свой покой. Чрез несколько времени всем нам принесли по небольшой чашке кофею, по рюмке водки и по горсти изюму. Затем повели нас к наместнику патриарха митрополиту Петру, которого все поклонники называли: "святой Петр"[25]. Мы остановились в большой комнате, откуда по одному нас вызывали в другую. Когда я вошел в эту комнату, то увидел, что тут присутствовали: митрополит Петр, два архиерея, один архимандрит и за письменным столом чиновник. Я низко поклонился этому духовному собранию, внес свое имя и имена родных в книгу для поминовения и положил на стол несколько сребреников. Митрополит благословил меня и вручил мне грамоту, писанную по-славянски, с изображением по краям ее, кругом, евангельских событий. Приняв грамоту, я поцеловал руку, меня благословившую, и вышел из комнаты. Ровно в полдень нас пригласили обедать, после чего объявили, что в 4 часа мы пойдем ко гробу Господню, в храм Воскресения. По приходе в нашу комнату поклонники говорили о том, что ко гробу Спасителя обувшись не ходят, и для этого надобно купить новые чулки или носки, которые следует сохранять до смерти, с тем чтобы они были надеты на умершего. Я побежал на базар и купил себе бумажные носки.

В 4 часа явился иеромонах и повел нас по святым местам. Сначала мы пришли в крестовую церковь, примыкающую к патриаршей; здесь приложились к камню от горы Голгофы, на которой отпечатлелся след божественной стопы Спасителя. Потом, сойдя по довольно длинной и крутой лестнице, мы приблизились к церкви св. жен Мироносиц; эта церковь находится на том месте, где Спаситель, по воскресении Своем, явился им и - как говорит предание - своей Божественной Матери, бывшей вместе с ними. Тут мы помолились и пошли далее, помимо

церкви св. Иакова, брата Господня, и церкви Сорока мучеников. Вышли мы на четырехугольную, мощенную камнем площадь, где арабы продавали кресты, четки, образа, ливан и смирну. Но вот огромные железные ворота, обращенные к югу; это вход во храм Воскресения. Войдя в него, мы увидели близ самых дверей на нарах сидящего турка, в чалме, с длинною трубкою. У этого турка хранились ключи от храма. При виде сего мусульманина в столь священном для нас месте мне было прискорбно и неприятно; впрочем, скоро мысли и чувства мои успокоились. Саженях в трех, против входа, лежала мраморная плита, над которой, под балдахином, горело более десятка разноцветных ламп. Эта плита есть тот камень, на котором тело Иисуса Христа, по снятии со креста Иосифом и Никодимом, было приготовляемо к погребению натиранием благовонными мастями. Этот камень назван камнем миропомазания, или камнем разгвождения Христа, так как на нем же руки и ноги Спасителя были освобождены от вбитых гвоздей. Приложившись к этому камню, мы подошли к месту, покрытому тонкою железною решеткою с висящею в середине ее горящею лампадою. Это место, с которого Божия Матерь смотрела на своего Божественного Сына, когда его приготовляли к погребению. Помолившись на этом месте, мы поворотили направо, и нам открылся огромный храм с великолепным куполом, который поддерживали необыкновенной величины колонны из цельного мрамора. Посредине храма, под куполом, стояла часовня, устроенная в виде маленькой церквицы: в ней-то и находится гроб Господень. Вокруг всей часовни висело множество разной величины красивых лампад; против дверей часовни стояли 4 огромные свечи в подсвечниках; они зажигаются только во время больших праздников. Я приблизился к часовне, и сердце мое затрепетало... Богомольцы начали разуваться и надевать новые чулки или носки. Я дал им всем вперед идти в часовню, а сам опустился на колена и стал усердно молиться. Когда вышли из часовни последние богомольцы, я, скинув сапоги, надел новые носки и дрожащими руками снял с своей шеи образок, который дед мой и отец брали с собой во время путешествия. Войдя в часовню, я увидел четырехугольную небольшую храмину, в которой лежал камень, отваленный ангелом от погребальной пещеры Господа во время Его воскресения. Я помолился и приложился к этому камню. Потом с замиранием сердца, на коленях я прополз маленькую дверку или отверстие и, при свете горящих лампад, увидел гроб Господень. Я положил на св. гроб свой образок, припал ко гробу своими устами и залился горючими слезами...

Исполнилось давнишнее сердечное мое желание. На душе

стало легко и радостно. От гроба Спасителя все мы, богомольцы, пошли на север и пришли к месту, обозначенному мраморным кругом, над коим висят горящие лампады. На этом месте Иисус Христос, по воскресении Своем, явился Марии Магдалине в виде Вертоградаря. Далее мы вошли в церковь, построенную на месте бывшего вертограда Иосифа и заведываемую римскими католиками. Здесь, за крепкою решеткою, хранится часть позорного столба, к которому были привязаны руки Иисуса Христа в претории Пилата. Сопровождавший нас иеромонах сквозь решетку прикоснулся к этому столбу одним концом тут же лежащей трости и давал прикладываться к ней поклонникам. В этой же церкви близ престола за решеткою находятся каменные узы, в которые, как полагают, были забиты ноги Спасителя. Узы эти есть не что иное, как камень, в длину и ширину около аршина, с двумя круглыми дырами, в которые продевались ноги узника, из опасения, чтобы он не ушел. Недалеко от этих уз находится, по преданию, то место, где была пещера, в которую заключили Иисуса Христа, пока на Голгофе делались приготовления к Его распятию, и будто бы здесь скорбящая Божия Матерь, поддерживаемая благочестивыми женами, проливала слезы в то самое время, когда распинали ее Божественного сына. Это место называется приделом Богоматери. Отсюда мы вошли в придел, построенный на том месте, где стоял Лонгин сотник во время смерти Богочеловека и уверовал в него. Затем, помолившись престолу, построенному, где воины делили ризы Спасителя и метали жребий, мы спустились по большой каменной лестнице в глубокое подземелье, где найден был животворящий крест Господень; и в самом углублении поклонились этому св. месту. На обратном пути отсюда зашли мы в церковь с несколькими престолами в память обретения честного креста св. Еленою и раскаявшегося разбойника. Отсюда мы вышли на одно из самых трогательных для христианина мест - на гору Голгофу. Сердце мое содрогнулось; я пал ниц и залился слезами. Помолясь кресту, в вышину подлинного креста Христова, с прекрасным распятием на нем Господа и изображениями по бокам его, во весь рост, Божией матери и Иоанна Богослова, мы приложились потом к пробоине или углублению, где водружен был крест Спасителя, и к расселине, которая образовалась от землетрясения при кончине Иисуса Христа. С Голгофы мы снова вошли в храм Воскресения, где скоро кончилась вечерня, и народ расходился, а мы, вновь прибывшие богомольцы, должны были ночевать в храме.

Когда турки заперли двери храма, нас позвали в третий этаж, в келью, где архимандрит записал наши и сродников имена для поминовения у гроба Господня, причем каждый клал на блюдо

несколько денег. Затем архимандрит предложил нам ужин, который состоял из маслин, чечевицы и пилафа. За столом подносили водку и вино. После ужина нас отвели в особую келью, в которой на полу были разостланы ковры с подушками. Некоторые из богомольцев расположились спать, а другие пошли в храм, куда и я, отдохнув немного, последовал. В храме царствовала тишина; кой-где молились на коленях поклонники; по местам лампады тускло горели. В полночь я приблизился ко гробу Господню и горячо молился, с пролитием слез, до того времени, когда в 2 часа ударили в доску к заутрени. Я вышел от гроба Господня, сходил помолиться на Голгофу и, возвратясь в храм, встал близ архиерейского места. Молящихся было довольно много разных наций и вероисповеданий. По окончании утрени тотчас же началась у гроба Господня православная литургия, за которой поминались наши имена и сродников; вслед за православной стали служить армянскую обедню, а после этой началось служение католическое, при звуках органа.

15 апреля

По окончании богослужения мы, русские богомольцы, возвратились в патриаршую в свой приют; нас угостили кофеем. После обеда с нас потребовали по 30 копеек серебром и объявили, что долее мы оставаться здесь не можем. Поклонники начали хлопотать насчет квартиры. Благодаря услужливости одного отставного солдата, я нашел себе помещение в квартире, нанятой нашим консулом собственно для русских поклонников. Помещение не особенно завидное: в числе 8 товарищей я должен был расположиться на худеньких рогожах, разостланных на земле. Конечно, лучше бы поселиться, как я узнал, в Михайловском монастыре; но там оказалось дорого: требовали 2 рубля серебром с человека. Да и не место, чтобы заботиться здесь о житейских удобствах.

16 апреля

Поутру - это была Лазарева суббота - я и товарищи мои решили идти на Елеонскую гору, к могиле св. Лазаря и прочим св. местам. С проводником мы пошли из своего подворья по тем улицам, где Христа Спасители вели на распятие. Подошли к судебным воротам, которые немного сохранились; тут прочитан был Иисусу Христу смертельный приговор. Я прослезился. Потом

увидели то место, где Спаситель остановился и сказал плачущим иерусалимским женам: "Не плачьте обо Мне; лучше о себе плачьте и о детях ваших". Здесь, по преданию, из своего дома вышла св. Вероника и отерла окровавленное лицо Иисуса Христа. Потом дошли до места, откуда Симон Киринейский понес крест Спасителя. Поворотив на другую улицу, мы подошли ко дворцу Пилата; невдалеке от него указывают развалины дома Иродова. Несколько в стороне отсюда находится францисканский монастырь, построенный на том месте, где воины Пилата наносили Иисусу Христу бичевания, заушения и заплевания. Потом, пройдя Антоновскую башню мы увидели на большой площади храм Соломонов и хотели было пойти к нему; но турок нас не допустил. После я узнал, что христиане могут ходить к этому храму только по особенному разрешению. Неподалеку от Соломонова храма находилась овчая купель. Далее мы прошли Гефсиманские ворота, при которых находилась турецкая стража, и перед нами открылась гора Елеонская. Перейдя по мостику через поток Кедрон, в котором не было и признаков воды, мы подошли к Гефсиманскому саду; он был огорожен стеною и охранялся одним французом. Здесь нам указано было то место на камне, где Иисус Христос совершил моление о чаше; приложившись к этому месту, мы сошли к тем камням, на которых уснули апостолы, пока молился Спаситель. Из Гефсиманского сада мы пошли на Елеонскую гору, к тому месту, с которого Иисус Христос вознесся на небо. Здесь, по случаю ежегодно бываемого в этот день церковного торжества, народу собралось множество, так что не было никакой возможности пробраться к месту вознесения Господня. Обещаясь прийти сюда в другой раз, я с некоторыми из богомольцев пошел в Вифанию, которая отстоит от Иерусалима не более 4 верст. Пройдя немного, перед нами открылся весь св. город, и мы долго любовались его прекрасным видом. Могила праведного Лазаря находится в конце Вифании. Мы спустились со свечами в погребальную пещеру, где покоился св. Лазарь. Помолившись и выйдя из пещеры, мы пришли туда, где сестра Лазарева встретила Иисуса Христа, шедшего с Иордана. Помолившись здесь, другим путем возвратились на Елеонскую гору, а отсюда к Гефсиманской церкви; но она оказалась запертою. Придя в Иерусалим на квартиру, я немного отдохнул; потом пошел к вечерне в Михайловский монастырь, где было очень много русских поклонников. Возвратись отсюда на свое подворье, я увидел финиковые ветви, присланные нашим мелитопольским архиереем, в то время бывшим в Иерусалиме, всем русским богомольцам для стояния завтра в храме во время заутрени. Взяв

с собою несколько из этих ветвей, я пошел в храм Воскресения, где и остался провести ночь. Разумеется, мне было не до сна. Ровно в полночь зазвонили в колокола, начали бить в металлические и деревянные доски; это к заутрени. Служение было торжественное: множество греческого духовенства, с митрополитом Петром во главе; неимоверное стечение народа со свечами и ваиями; полное освещение храма. За тишиной и спокойствием наблюдала турецкая стража. Ход духовенства вокруг гроба Господня, с хоругвями, образами, зажженными свечами и ваиями, мне особенно понравился. После этого хода началась литургия, окончившаяся в 6 часов утра.

17 апреля

Придя от обедни на квартиру и подкрепив себя немного пищею, я и товарищи мои пошли за город тем же путем, что и вчера проходили. Недалеко от потока Кедрского в скале находится силоамская купель. Во время нашего прихода в ней купались турки. Мы умылись водою из нее. Поклонившись далее гробницам св. Захарии и Иосафата, оттуда виднелся памятник Авессалома, мы направились к Гефсиманской церкви. Эта церковь стоит в углублении скалы, и входить в нее надобно по большой лестнице вниз. Мы спустились на несколько ступеней: тут, с правой стороны, в стене, лежали гроба родителей Божией Матери, а с левой, напротив их, гроб обручника Ее Иосифа. Поклонившись этим приснопамятным местам, мы сошли по лестнице в церковь, в которой была служба. Посредине церкви стояла часовня наподобие той, как над гробом Господним; в ней стоял гроб Пресвятой Богородицы. Вокруг часовни горело множество лампад. Вошед в эту часовню, я исполнился радостного трепета, с умиленною душою молился перед гробом Богоматери и приложился к нему. Народу в церкви было очень мало. Мы возвратились на квартиру к вечеру и узнали, что завтра утром поклонники отправятся на Иордан.

18 апреля

С раннего утра на улице собралось множество богомольцев, и каждый нанимал себе подводу у извозчиков. Цена лошади на Иордан и обратно была 3 рубля, мула и верблюда - 2 - 2 1/2 рубля, а лошака - 1 рубль 60 копеек. Я предпочел идти пешком. В 8 часов караван тронулся из Иерусалима через Гефсиманские

ворота. Поклонников было более 400. При караване для его охранения находилось несколько десятков турок и бедуинов. Поехали по Вифанской дороге. Скоро потянулись крутые каменистые горы; тропинки узенькие, обрывистые. По такому пути чрезвычайно было трудно не только ехать, но и идти: того и гляди угодишь в пропасть или сломаешь ноги об острые камни. Через 10 верст караван отдыхал около часу. Солнечный жар, особенно в скалах, становился невыносимым. Я ужасно утомился и не один раз пожалел, что не нанял себе лошака. Чрез несколько времени мне удалось уговорить одного турка подвезти меня за 50 копеек серебром на его верблюде. Скоро открылась глазам моим высочайшая гора, с белеющею вершиною, на которой Иисус Христос постился 40 дней и 40 ночей и был искушаем от дьявола. Потом караван спустился с горы и мимо Иерихона двинулся по равнине. Здесь много росло дикого терну, с которого бедуины срывали ягоды и ели их[26]*. Недалеко от такой-то арабской деревни, близ источника, караван остановился на отдых. Богомольцы принялись чай пить и закусывать. С закатом солнца сделалось прохладно. Богомольцы расположились спать под терновыми кустами. По причине усталости я долго не мог заснуть и, при свете двурогого месяца, смотрел на окрестности с высокими палестинскими горами.

19 апреля

В 5 часов караван тронулся в путь. Скоро в стороне от нас завиднелось Мертвое море, а через 2 часа мы были у вод Иордана. Отдохнув на берегу и выбрав место поудобнее, я разделся и трижды погрузился в воду. Потом, одевшись в чистое новое белье, набрал камешков и налил в медную посуду воды. Течение воды в Иордане необыкновенно быстрое. Вода очень холодная, на вкус приятная. Кажется она беловатою, мутною; но когда отстоится, то делается прозрачною, как кристалл. Когда все богомольцы выкупались в Иордане, караван тем же путем пошел обратно и близ Иерихона остановился, где простоял до следующего утра. Некоторые поклонники, в том числе и я, просили начальника каравана, чтобы он позволил сходить нам на гору, где Иисус Христос искушаем был от дьявола; но на это мы разрешения не получили, потому что ходить туда, по причине недоступности, слишком опасно.

20 апреля

В 4 часа утра богомольцы поднялись на ноги. Караван двинулся. Я сел на осленка, которого нанял пополам вчера с одним товарищем в одной арабской деревушке. В Иерусалим прибыл усталый, измученный.

21 апреля

Был у заутрени в Михайловском монастыре; исповедался и за обедней приобщился св. Таин. К вечерне ходил в храм Воскресения, где совершался обряд омовения ног; но за множеством народа не мог ничего видеть.

22 апреля

Утром и днем ходил ко святым местам Иерусалима. Вечерню стоял в храме Воскресения, где и остался провести ночь. При мне бывшую икону Касперовской Божией Матери я поставил на фоб Господень и потом отослал ее в свою родную Выездную слободу в церковь Смоленской Божией Матери Одигитрии, где она находится позади левого клироса и по сие время.

23 апреля

В 12 часов начали звонить в колокола и бить в доски к заутрене. Лампады, числом до 2000, были зажжены все. Народу собралось великое множество. Когда митрополит Петр пришел с многочисленным духовенством, началась утреня, после которой совершен был торжественный ход с плащаницею вокруг гроба Господня и кругом всего храма. Потом началась литургия. По окончании богослужения я пошел на квартиру и немного отдохнул. Около полудня опять пошел в храм Воскресения. Народ наполнял храм, в котором не горела ни одна лампада. Теснота была чрезвычайная, особенно вокруг гроба Господня, где стояли греки, арабы, армяне и другие поклонники, кроме русских. По стенам храма были устроены в 4 этажа особые места, которые занимали богатые греки, армяне и др. В час пополудни пришел митрополит с духовенством, в числе более 200 особ. Минут через 20 раздались в храме возгласы и крики на разных языках: это народ просил о ниспослании с небес благодатного огня. Скоро в храме сделался великий шум и смятение: люди переходили с места на место, кричали, топали ногами, били в ладоши, влезали

на карнизы, откуда сталкивали друг друга; словом сказать - в храме происходило нечто странное и удивительное. Я пролез кое-как к алтарю и с северной стороны остановился, потом взлез на карниз колонны. В 2 часа духовная процессия вышла из алтаря и тихо двигалась к гробу Господню. Во время обхода ее вокруг часовни крики и шум в храме увеличились. После двукратного обхождения процессия остановилась перед дверями часовни; тут с митрополита сняты были церковные облачения, и он, войдя в часовню, затворился там; а процессия обошла вокруг часовни еще раз. Прошло с полчаса. Вдруг в часовне блеснул огонь, и митрополит выдал сначала в окошечко с южной стороны, а потом - с северной по 33 зажженных свечей. Арабы, как ближе всех стояли к окнам, приняли эти свечки и побежали; народ за ними. Суматоха поднялась невообразимая. Когда я, удалившись в угол храма, где почти не было народу, начат обжигать свои свечки благодатным огнем, ко мне подбежал турецкий солдат закурить сигару. Как ни тяжело для меня было, но я не мог этому воспрепятствовать. Богомольцы выходили из храма с зажженными свечами. Собравшись на квартире, богомольцы рассказывали друг другу, кто где стоял в храме и что видел. По захождении солнца я пришел в храм встретить светлый, сугубо радостный день воскресения Христова. Народ в разнообразных праздничных, преимущественно в азиатских костюмах толпился по храму во множестве. Я уединился к тому месту, где сняли со креста Спасителя, и предался размышлениям, а более - молитве.

24 апреля

В 12 часов ночи началась высокоторжественная служба, шествием из алтаря духовной процессии, с пением на греческом языке, к часовне гроба Господня, которую обошла три раза. Потом митрополит вошел в часовню и, побыв там несколько минут, вышел, произнося на разных языках: "Христос воскресе!" При виде этого умилительного зрелища, радостные слезы катились из глаз моих. Затем процессия обошла вокруг храма и, как только возвратилась в алтарь, началась утреня; а потом литургия. Евангелие читалось на разных языках. По окончании богослужения я пошел на квартиру и отдохнул. Затем я с товарищами пообедал в греческой харчевне; после того ходили по св. городу. За Яффскими воротами греки, армяне и др. гуляли и веселились в кофейнях; но это веселье их мне было не по душе. После вечерни с закатом солнца мы возвратились на квартиру.

25 апреля

Утром я с товарищами отправился в Вифлеем - место рождения Иисуса Христа. День был прекрасный. По дороге, верстах в двух от Иерусалима, зашли в монастырь св. великомученика Георгия. Затем, пройдя еще версты 3, завидели памятник на месте погребения Рахили и поклонились ему. Через несколько времени показался Вифлеем. Это - небольшое селение с садами; жители его занимаются выделыванием перламутровых крестиков и каменных небольших образов. Мы вошли в обширную церковь, построенную над вертепом, в который, помолясь, и спустились по мраморной лестнице. Вертеп небольшой, освещен был лампадами. Я пал со слезами ниц в этом святом месте и долго молился: потом приложился к престолу со звездою, означающею место рождества Христова; затем приблизился к тому углублению, где стояли ясли, в которых возлежал Божественный Младенец. Я поцеловал край этого углубления. Одна часть вертепа была обложена мрамором, а другая - завешена золотою парчою. Из вертепа мы опять пошли в большой храм и записали здесь у одного монаха в книгу имена свои и родных для поминовения. После того возвратились тем же путем в Иерусалим.

Последние затем три дня и три ночи моего пребывания в Иерусалиме я всецело посвятил хождению по святым местам. Потом взял у консула подписанный им паспорт для возвращения в Россию и нанял до Яффы лошака за 1 рубль серебром. 29 апреля 1861 года, поутру, с шестью путниками, из коих было четверо русских, я выехал из Иерусалима. Тяжело и грустно мне было при отъезде из св. города. Выехав за Иерусалимские ворота, я со слезами на глазах мысленно произнес: "Благодарю Тебя, Господи, что удостоил меня быть у Твоего св. гроба и поклониться священным местам и тем исполнить давнишнее мое желание". Скоро Иерусалим скрылся из глаз моих.

В Яффе я сел на английский пароход, заплатив 5 рублей серебром до Константинополя. Это было вдвое дешевле против русских пароходов, но зато оказалось в пять раз неудобнее ехать: при невообразимой тесноте и при незнании английского языка, на котором надобно было объясняться с пароходной прислугой, нельзя было без особенного труда ничего достать, даже воды. Из Константинополя я ехал на русском пароходе за 5 же рублей серебром до Одессы, куда прибыл 11 мая, а на другой день был уже в Херсоне, где почти безвыездно до конца года занимался рыбною торговлею.

В январе следующего, 1862 года я заказал в Одессе сделать

медный куб, с которым и отправился в Кишинев. Здесь купил черной нефти и из нее выгнал белую; из этой нефти мне хотелось приготовить газ для освещения г. Херсона; но для этого я не мог найти сведущего человека или мастера, и таким образом эта затея моя не удалась. Нефть я продал в аптеку и снова стал торговать рыбою в Херсоне. Потом летом ездил в Кишинев, Москву и Нижний Новгород. Здесь во время обедни в ярмарочном соборе у меня вынули из кармана 148 рублей. Это были мои последние деньги, и я нашелся вынужденным просить старшего моего сына о присылке мне 25 рублей. Потом, побывав на своей родине - в слободе Выездной, я отправился к двоюродному брату моему в Бузулук, где прожил до половины 1863 года и снова возвратился в Нижний Новгород, откуда вскоре начал собираться в Петербург с целию - не возьмется ли кто напечатать настоящую историю моей жизни.

Впервые опубликовано: "Русская старина". 1881. № 5. С. 133-148; № 6. С. 221-240; № 7. С. 437-478; № 8. С. 665-678; № 9. С. 137-162.

Н.Н. Шилов (1802-?) - бывший крепостной крестьянин, военный, паломник, путешественник, мемуарист.

notes

Примечания

1

Арзамас - слово мордовское и означает "красная девушка". *Н.Ш.*

2

На этом месте существовал некогда хивинский городок, развалины которого видны и поныне. Здесь отыскивают хивинские монеты и разные другие древние вещи. Говорят, городок тот разорен был разбойниками Нечаева. *Н.Ш.*

3

Барханами называются пески с небольшими неровными возвышенностями; они простираются верст на 100, а далее носят название "рын-пески". В наших обыкновенных повозках ездить по барханам весьма затруднительно. *Н.Ш.*

4

Тезек, или коровий кирпич, служит обыкновенным топливом у киргизов. *Н.Ш.*

5

Киргизы вырывают не очень глубокие ямы, в которых коптят сырые лошадиные кожи; из этих кож и делают мешки как для твердого, так и для жидкого молока. *Н.Ш.*

Ныне наместник Московской Сергиевской лавры. *Н.Ш.*

7

Это хлеб, приготовляемый из кукурузы; на вкус довольно неприятный. *Н.Ш.*

8

В то время я жил под фамилией Кислова. *Н.Ш.*

9

Чихирь, красный и белый, обыкновенный, я покупал по 1 руб. 60 к. асс. за ведро, а водку по 5 руб. Чихирь старый, например десятилетний, был несравненно дороже. *Н.Ш.*

10

Это - жаренная на вертеле баранина; "шишлык из тюрятины" - значит: из мяса дикого горского барана. *Н.Ш.*

11

Барон Розен был в это время главнокомандующим в Грузии.*Н.Ш.*

12

Еванг. от Матф., гл. XIX, стих 21; от Луки, гл. XVIII, ст. 22. *Н.Ш.*

13

Взять к себе мою дочь Рагузин мне не позволил. *Н.Ш.*

14

Этот Пузаков был младший из семи братьев при отце. Некогда дом Пузаковых был самый богатый во всей нашей слободе; но помещик совсем разорил это семейство, как случалось и со многими другими. *Н.Ш.*

15

Иногда мне приходилось ездить из Незапной в Богоматов мост; это не что иное, как мирная черкесская деревня, расстоянием от Незапной 50 верст, а от Кизляра 30. При ней было небольшое укрепление и рота солдат с 50 казаками, для конвоирования оказий и рекрут, идущих в Темирхан-Шуру из Кизляра. Здесь я покупал сено, разную дичь, которой было множество по небольшим озерам и заливам. В огромных камышах, наподобие леса, водились дикие свиньи; их беспощадно убивали татары. Свинья противна их закону. Когда татарин застрелит ее, то не берет в руки; заденет за морду свиньи веревку, привяжет к лошадиному хвосту и тащит волоком. Эти свиньи продавались чрезвычайно дешево. *Н.Ш.*

16

Это горький намек на мое теперешнее положение по сравнению с прежним, когда я покупал скот в Андреевском ауле для Осипа Фавишевича и при мне всегда находились деньги. Татары, очевидно, знали это. *Н.Ш.*

17

Это Кабардинского полка командир Козловский. *Н.Ш.*

18

Фамилия киргизская; по-русски значит: "жирный". *Н.Ш.*

19

Перед этим выступлением граф отправил один батальон Кабардинского полка с несколькими сотнями донских казаков под командою храброго полковника Домбровского в горы, в Чечню, с тем, чтобы в назначенное время и на известном урочище соединиться с главным отрядом. Но в одной стычке с хищниками Домбровский был убит; а наш приказчик с рабочими едва спаслись. *Н.Ш.*

20

По рассказам местных жителей, колодезь этот вырыт разбойниками, некогда бушевавшими в этом диком месте. Впрочем, и нынче, поздней порой, здесь ездить небезопасно. *Н.Ш.*

21

В так называемой европейской части Константинополя мне не привелось быть. *Н.Ш.*

22

Наряду с прочими продавались: камбалы, лакерды, пилы, летучие рыбы и одна вроде собачьей морды; устрицы и какие-то в пол-аршина раковины, в которых находилось что-то вроде нашей жидкой лягушечной части. *Н.Ш.*

23

Мне передавали, что у Яффы море всегда, даже в тихую погоду, бывает бурливо и шумно. *Н.Ш.*

24

Говорили, будто в этом селении родился Иосиф Аримафейский, который совершил погребение Иисуса Христа. *Н.Ш.*

25

Патриарх Кирилл редко жил в Иерусалиме, имея свое местопребывание в Константинополе; его заменял митрополит Петр. *Н.Ш.*

26

Из породы этого терна, как говорят, сделан был венец Спасителя. Ягоды на терне светло-коричневого цвета, величиною в наши калиновые, на вкус кисловатые и называются акридами. *Н.Ш.*